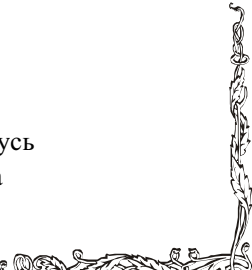
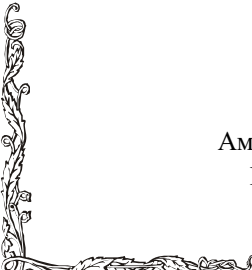

Н.К. Рерих

СКАЗКИ

Амрита-Русь
Москва
2003

Н.К. Рерих
СКАЗКИ. – М.: Амрита-Русь, 2003. – 208 с.

ISBN 5-94355-052-6

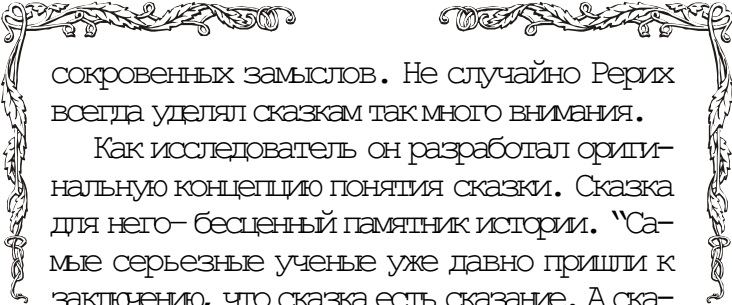
© «Амрита-Русь», оформление, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Велико и многогранно наследие Николая Константиновича Рериха. Это, прежде всего, его картины. Ему принадлежат также книги "Алтай – Гималаи", "Сердце Азии", "Шамбала"; многочисленные статьи по вопросам археологии, искусства и культуры; стихи, сказки, пьесы; обращения ко многим организациям, создававшимся по его инициативе в разных странах. Рериху суждено было жить в напряженную эпоху конца XIX – середины XX вв. с мировыми войнами, революциями, национально-освободительной борьбой в колониальных странах, а также открытиями во многих областях науки и техники. Он видел цель своей жизни в служении человечеству. Мыслил всегда масштабно как общественный деятель, ученый, художник, поэт. Зорко следил за важнейшими событиями эпохи, и все это, в той или иной форме, находило отклик на страницах его публикаций.

Самый сложный и, пожалуй, самый увлекательный жанр в литературном наследии Рериха – его сказки. Сказка с ее иносказательностью образов, с манящей красотой таинственных миров, как ни один другой литературный жанр, раскрывает перед ее творцом широкие возможности для воплощения самых

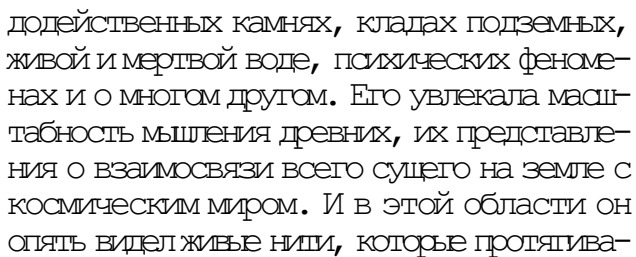
сокровенных замыслов. Не случайно Рерих всегда уделял сказкам так много внимания.

Как исследователь он разработал оригинальную концепцию понятия сказки. Сказка для него – бесценный памятник истории. “Самые серьезные ученые уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков”, – писал он в одной из статей.

Обращаясь к русским былинам, скандинавским сагам, финским рунам, легендам Востока, к различным религиозно-этическим учениям, Рерих, прежде всего, стремился выявить неоспоримые для него факты о единстве духовных корней человечества, начиная с древних времен. Еще в 1914 году он утверждал: “Время сложило красоту общую всем векам и народам”.

Понятие красоты у Рериха необычайно емкое. Это – не только эстетическая категория, но и нравственная: красота добротворчества, самопожертвования, любви, подвига. Все это, по его глубокому убеждению, могло бы сплотить народы, установив между ними “прочные сердечные узы”.

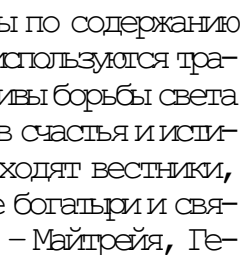
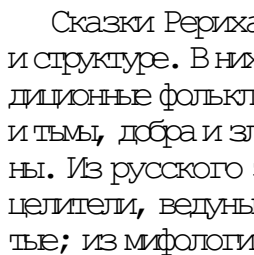
В многовековой литературе народов Рерих находил также сведения о забытых, а подчас и не изученных еще явлениях природы: о чу-

додейственных камнях, кладах подземных, живой и мертвой воде, психических феноменах и о многом другом. Его увлекала масштабность мышления древних, их представления о взаимосвязи всего сущего на земле с космическим миром. И в этой области он опять видел живые нити, которые протягивались из глубокой старины к XX веку, к научным интересам современников. Не случайна его запись: "Знание преобразуется в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно".

Путешествуя по родной земле, проходя с караваном по пустыням Китая и Монголии, живя в Индии, Николай Константинович с особым интересом собирал легенды и сказания, в которых народы выражали мечты о счастливом будущем. Это был для него единственный язык, понятный всем: "Ведь в каждом человеке живет мечта о тридесяти царстве, о стране прекрасной. И разве не будет правдой сказать о просторах, в которых каждый побывать может".

Рерих постоянно выступал со статьями, в которых раскрывал перед современниками мудрость веков, духовные сокровища прошлого. Но не только. Он и сам творил свои собственные сказки, притчи и заклинания.

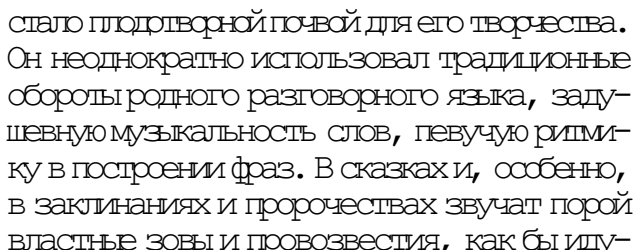

Сказки Рериха необычны по содержанию и структуре. В них нередко используются традиционные фольклорные мотивы борьбы света и тьмы, добра и зла, поисков счастья и истины. Из русского эпоса приходят вестники, целители, ведуньи, а также богатыри и святые; из мифологии Востока – Майтрея, Гесер Хан и другие. Почти всегда они изображены на лоне природы. Наделены убедительными историко-этиографическими чертами. И в этом, как отмечал сам автор, “фольклор снова идет рука об руку с находками археологии”.

Но Николай Константинович был далек от стилизации и прямого “ципирования”. Его произведения отличаются глубоко оригинальными сюжетами. Иногда в тексты включаются научные комментарии к тому или иному мотиву. Подчас даются оценки современным историческим событиям, чаще всего, в индикательной форме. И, пожалуй, самое главное состоит в том, что герои этих сказок являются носителями возвышенных чувств и мыслей, имеющих вечную, общечеловеческую ценность. Тем самым, сказки обретают ярко выраженную философскую и нравственную направленность.

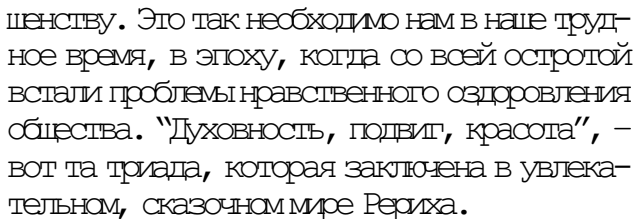

Самобытен стиль этих произведений, их речевой строй. Увлеченный исследователь фольклора, Рерих постоянно отмечал красоту русского языка, его “певучую прелесть”; и это

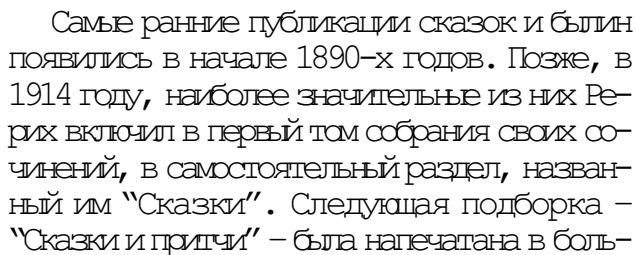

стало плодотворной почвой для его творчества. Он неоднократно использовал традиционные обороты родного разговорного языка, задушевную музыкальность слов, певучую ритмику в построении фраз. В сказках и, особенно, в заклинаниях и пророчествах звучат порой властные зовы и провозвестия, как бы идущие из глубины веков, и усиливающие эмоциональный настрой образов.

Сказки Рериха представляют собой уникальный синтез многих его знаний, размышлений и интуитивных предчувствий. Воедино связаны в них подчас прошлое, настоящее и будущее. Сопоставлены нравственные идеалы Запада и Востока. В некоторые сюжеты вплетены древние поверья и жизненно реальные события. И все это, взятое в разных соотношениях, ведет к созданию образов, не лишенных символики. Самые многозначные среди них – образы “Матери Мира” и “Учителя”.

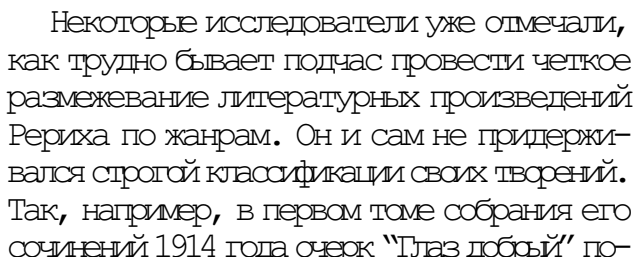
Произведения Рериха располагают к глубокому раздумью. Они настраивают на высокие чувства, устремляют к духовному совершенству. Это так необходимо нам в наше трудное время, в эпоху, когда со всей остротой встали проблемы нравственного оздоровления общества. “Духовность, подвиг, красота”, – вот та триада, которая заключена в увлекательном, сказочном мире Рериха.

Самые ранние публикации сказок и былин появились в начале 1890-х годов. Позже, в 1914 году, наиболее значительные из них Рерих включил в первый том собрания своих сочинений, в самостоятельный раздел, названный им "Сказки". Следующая подборка – "Сказки и притчи" – была напечатана в большой монографии "Рерих", изданной в 1916 году в Петрограде. Третьей книгой со специальным разделом – "Легенды" – является "Твердьня пламенная" (1933).

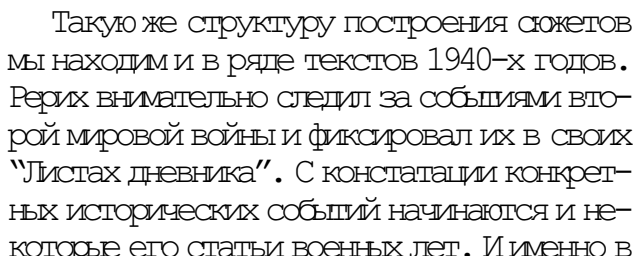
Сказки, притчи и легенды Рериха оказались разбросанными по разным изданиям, которые, к тому же, стали библиографической редкостью. И невольно возникло желание собрать их воедино и издать. Составитель книги считал необходимым сохранить тот состав произведений, который был сделан самим автором в указанных выше трех книгах. Он охватывает период с 1893 по 1935 годы.

С 1937 года Рерих начал готовить к печати новые сборники своих литературных трудов. Но ни один из них так и не увидел свет при его жизни. Только в наше время в разных вариантах начали появляться в разрозненном виде его поздние работы. Некоторые из них мы сочли возможным также включить во вновь издаваемую книгу. На это были достаточно убедительные, на наш взгляд, основания.

Некоторые исследователи уже отмечали, как трудно бывает подчас провести четкое размежевание литературных произведений Рериха по жанрам. Он и сам не придерживался строгой классификации своих творений. Так, например, в первом томе собрания его сочинений 1914 года очерк "Глаз добрый" помещен в разделе "Листки". Позже в монографии 1916 года он оказался в рубрике "Сказки и притчи". Очерк "Неотпитая чаша" из той же монографии и из того же раздела перешел в книгу "Пути благословения" (1924), составленную без разделения по главам. И такие перемещения из одного жанра в другой происходили неоднократно.

При отборе произведений для раздела сказок 1940-х годов мы исходили из сопоставления их с ранними работами Рериха. В сказках, написанных до 1918 года, он иногда упоминал некоторые факты из своей жизни, а также значительные исторические события. Например, притча "Сон" начинается так "Перед войною сны были..." (имеется в виду первая мировая война). И далее идет изложение сновидений, которые стали пророческими. В этой же притче чередой проходят образы, положенные в основу картин "Крик Змия", "Град обреченный", "Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится" и других.

Такую же структуру построения сюжетов мы находим и в ряде текстов 1940-х годов. Рерих внимательно следил за событиями второй мировой войны и фиксировал их в своих "Листах дневника". С констатации конкретных исторических событий начинаются и некоторые его статьи военных лет. И именно в тексты этих статей органически входят былинно-сказочные элементы. Они звучат в названиях самих статей: "Огонь на меня", "Богатыри проснулись", "Крылья победы". Их героями становятся легендарные Микула Селянинович, Илья Муромец, Настасья Микулична, а также исторические деятели, не раз спасавшие Родину от беды. Статьи близки к сказкам и по своему былинно-приподнятому, эмоционально-насыщенному стилю.

Необходимо отметить еще одну характерную особенность творчества Николая Константиновича 1940-х годов. Как и в ранний период, Рерих-литератор и Рерих-художник неотделимы друг от друга. Нередко он разрабатывал одну и ту же тему пером на бумаге и кистью на полотне. Именно в эти последние годы появились его замечательные полотна, связанные с героическими страницами русской истории: "Поход Игоря", "Единоборство Мстислава с Редедей", "Борис и Глеб" и другие. Они также, как и литературные произведе-

дения, исполнены в героически приподнятом стиле.

Предлагаемая читателю книга начинается со статьи Рериха "Сказки" (1935) и заканчивается его статьей того же года "Древние источники". Они во многом помогают подойти к пониманию сложных проблем, которыми он занимался.

Книга состоит из трех глав. В их названия легли авторские заглавия некоторых его произведений:

глава первая – "Неотпитая чаша" (сказы 1916 и 1937 гг.);

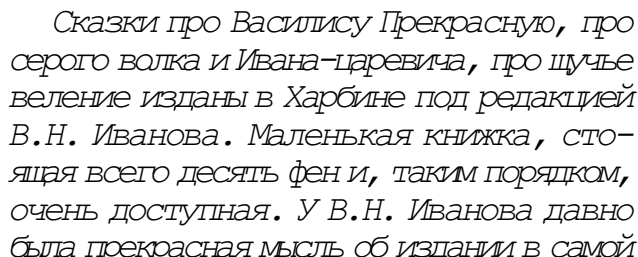
глава вторая – "Подвиг" (притча и стихотворение 1916 г., статья 1942 г.);

глава третья – "Жемчуг исканий" (стихотворение "Жемчуг" 1920 г. и картина "Жемчуг исканий" 1924 г.).

В текстах в ряде случаев сохранены особенности авторских написаний географических мест и имен собственных, а также своеобразие его орфографии и пунктуации.

Когда-то Н. К. Рерих писал о легендах: "Было бы непозволительно невежественною трусостью скрыть эти благостные легенды, открывающие драгоценные тайники души народной". Такими же драгоценными тайниками души самого Рериха являются его собственные сказки.

* * *

Сказки про Василису Прекрасную, про серого волка и Ивана-царевича, про щучье веление изданы в Харбине под редакцией В.Н. Иванова. Маленькая книжка, стоящая всего десять фен и, таким порядком, очень доступная. У В.Н. Иванова давно была прекрасная мысль об издании в самой доступной форме образцов русской литературы. И в сказках, и в былинах, и в великих творениях наших поэтов и литераторов действительно находятся те жемчужины, о которых так неотложно нужно напоминать народному сознанию.

Возьмете ли вы, хотя бы в извлечениях, Гоголя, Пушкина, Достоевского, наконец, полузабытых-полунепонятых глубокомыслящих славянофилов – всюду находите все то, что так спешно нужно для исцеления сердца народа. Отрывки Гоголя или листы дневника писаний Достоевского; мысли Леонтьева, Хомякова и всех, кто доброжелательствовал России, как всегда свежи, ибо они рождались из великой самоотверженной любви и помогали народу в трудных его путях.

Правильна мысль таких общедоступных книг и потому, что им нужно сейчас проникнуть в самые глухие и удаленные места, где в ожидании трепещут сердца и в

рассеянии суших, и утнетенных, и обездо-
ленных, и все же горящих великою любовью
к строению.

В одном текущем месяце кроме назван-
ных сказок изданы еще восемь народных рус-
ских сказок: про волка, медведя, лисичку-
сестричку, про козу и козлят, про журавля
и цаплю, про кота да петуха, про муху, про
репку; а к двадцатому января уже успела
выйти и "Шинель" Гоголя – одно из нео-
бъкновенно проникновенных, хотя и не все-
гда понятных творений великого мастера.

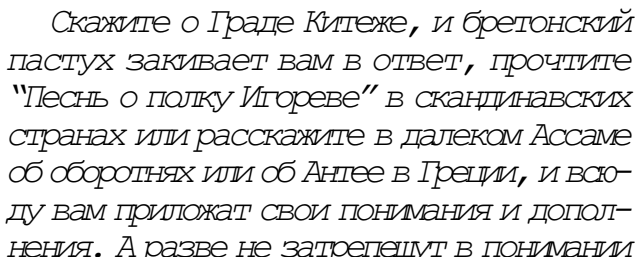
А что, если бы сделать русским людям
усилие, отбросить всю шелуху и нарощую
шершавость и опять сойтись в труде.
Одна эта мысль об общедоступных изда-
ниях жемчужин народного самосознания,
уже это помогло бы взаимопониманию.

И не только по-русски требуются эти
маленькие книги. Их нужно дать на разных
языках и в таких же общедоступных изда-
ниях. Ведь должны они на разных языках
проникнуть тоже в народные толпы. Дол-
жны проникнуть туда, куда не дойдет
толстая, дорогая книга. Пусть они, эти
жемчужины, сделаются совсем доступными
и проникнут в далекие фермы, на дале-
кие острова, в хижинки – там, где подчас
так ждут каждое печатное слово. В то

время, когда мы думаем, что уже многое стало доступно и понятно, то на самом деле действительность говорит нам о чем-то совсем другом.

Мы сами видели детишек, подбирающих картинки от спичечных коробок. Знаем, как за любую иллюстрированную измятую страницу газеты люди готовы дать продукты, лишь бы украсить стену своей хижины, а если возможно, то и прочитать. Говорю "если возможно" не к тому, чтобы попрекнуть кого-то в неграмотности, а к тому, что грамотность-то эта на многих языках, и на этих разных языках нужно говорить о прекрасном.

Нужно сказывать множеству различных людей мысли и древние и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древне, и не ново, но вечно. Переведите наши сказки и былины на всевозможные западные и восточные языки, и сколько сердец возрадуется, восчувствовав себе близкое. Вот сказка про Василису Прекрасную, построенная на сказаниях о терафиме, а серый волк для изменения образа бьется о землю, и "по щучьему" мысленному велению двигаются и действуют предметы. Ведь это все поймет и индус, и араб, и китаец, и еще один мост взаимопонимания - радушный, воздушный, но и прочный, соткнется.

Скажите о Граде Китеже, и бретонский пастух закивает вам в ответ, прочтите "Песнь о полку Игореве" в скандинавских странах или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях или об Антее в Греции, и всюду вам приложат свои понимания и дополнения. А разве не затрепещут в понимании сердца разных народов от образов Гоголя, а сколько неожиданных пониманий вызовут страницы дневника Достоевского! Но именно не нужно надеяться на многотомные дорогие издания, нужно давать как можно доступнее. Для этой доступности нужно изобрести наилучшие меры, и сказки станут сказаниями, а сказания очертят вечную ббль.

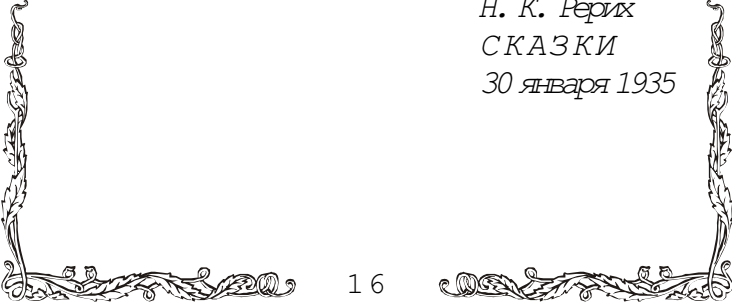
Такие же совершенно общедоступные отрывки сокровищ восточной и западной мудрости должны быть даваемы и по-русски. Должны быть даны в том звучно-привлекательном переводе, на который способен русский язык. Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах лучших иностранных поэтов, как, наконец, Бхагавад-Гита прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше, чем на некоторых других западных языках. И Эдда, и Калевала, и Гаявата, и Панча-

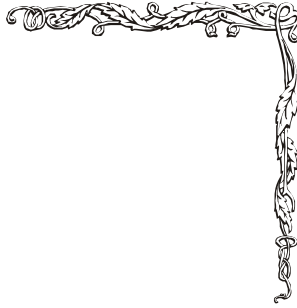
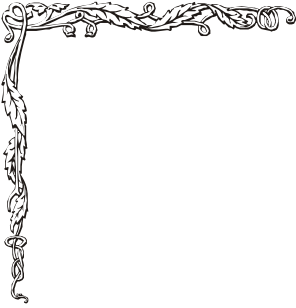
тантра – все прекрасно поддается звучному и эластичному языку русскому.

Но всё, что издавалось до сих пор, было заключено или в дорогостоящие многотомные издания, или давалось в книгах роскошных. Но ведь все эти красоты должны быть широко даны всем народам и, как в звуках и красках, также соединить их в слове звучащем. Также широко народно нужно дать, хотя и в общедоступных, но вполне художественных воспроизведениях наши иконописные изображения. Ведь об истинной красоте их так немногие знают. И в невежестве, в незнании могут похулять ценности истинные. Главное же во всех случаях сейчас нужна общедоступность.

Обеднело человечество и оскудело духовно. Потому-то так радуемся, видя каждое прекрасное, но и доступное издание. Итак, тесная бль обратится в сказание, а из сказания вырастет опять сказка. Жизнь – прекрасная сказка.

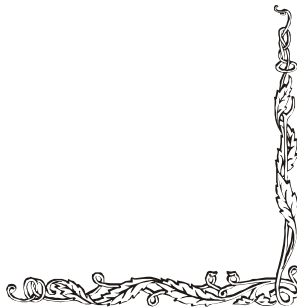
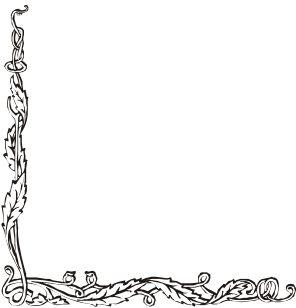

Н. К. Рерих
СКАЗКИ
30 января 1935

ЧАСТЬ 1

**НЕОТПИТАЯ
ЧАША**

ДЕТСКАЯ СКАЗКА¹

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать её. Среди этих женихов были и князья, всеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выскивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется представить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи, кто именитым родом за тридцать поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодье, лучшие годы, при этом он говорил красиво и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и

царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую красную книгу. Князь говорил:

– Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений... – И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: – И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

– Царевна, – говорил именитый воевода, – окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей и поклонятся ей люди – им грозно имя моё.

– Царевна, – говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, – жемчугом засыплю жену мою; пойдёт она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

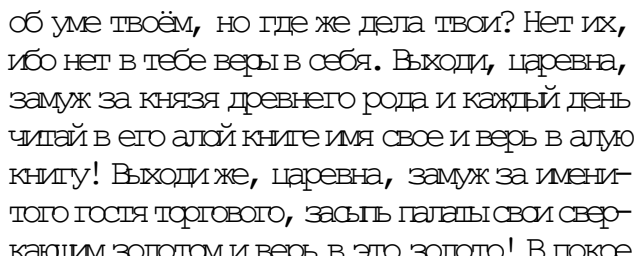
– Что же ты принесешь жене своей? – спросил певца царь.

– Веру в себя, – ответил певец. Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

– Скажи, как понять твою веру в себя?

Певец отвечал:

– Царевна! Ты красива, и много я слышал

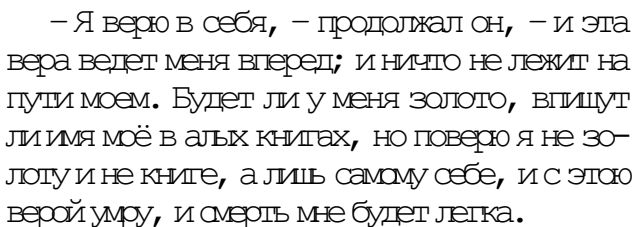

об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царица, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алгой книге имя свое и верь в алгую книгу! Выходи же, царица, замуж за имени того гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алгыми книгами закрывайся, царица, от самой себя! Моего имени нет в алгой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и, куда иду я – там не читают алгой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

– Обожди, – прервал певца царь, – но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала её царица, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песню; и примолкла палата, и на глазах царицы были слёзы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

– Я верю в себя, – сказал певец, и никто не смеялся над ним.

– Я верю в себя, – продолжал он, – и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя моё в альб книги, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру, и смерть мне будет легка.

– Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдёшь ты и холодно будет идти тебе, ибо, кто не за нас – тот против нас, – сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя, и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царица, и сказал певец:

– Вижу я – не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви – к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царица, а царь сказал:
– Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

– Песня – лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою, и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и, пока буду петь для себя, доколе будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей – все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня – все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моею живлю всех – так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верою этой дает счастье многим!

– Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. – сказала царица.

И дивились все.

И шумел за окном ветер и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи – он верил в себя.

1893

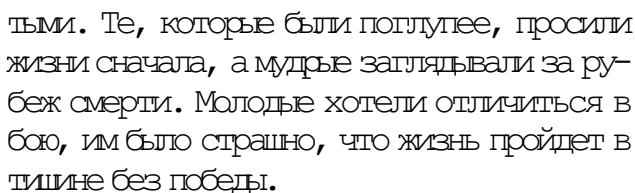
ГРИМР ВИКИНГ²

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождём, и о нём знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своём быстром драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и серою пылью.

Гримр был знатный человек. Днём на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дмятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пиروвали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили, и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть бога-

тьми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подбирает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

– Мне хочется иметь друга, хоть одного верного Друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что заскрипели столы, все стали напереерыв говорить:

– Гримр, – так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины, – разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гаральд и говорил, а рукою дрозил...:

– Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобой строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

– Гримр! В битве у Полуночной Горы, кто держал щит над тобою? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

– Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

– Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе! Вспомни о друге!

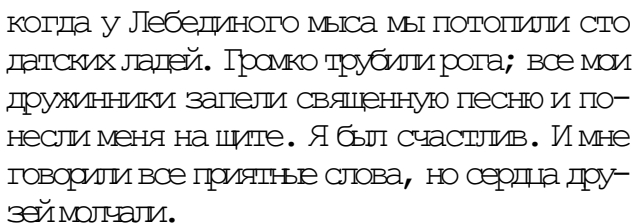
– Гримр! Кто не поверил, когда враги на тебя клеветали. Вспомни! Вспомни!

– Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастья.

Гримр тогда встал и так начал:

– Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума, и я сказал невозможное слово. Вы, товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастлив; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битвы с датчанами,

когда у Лебединого мыса мы потопили сто датских ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

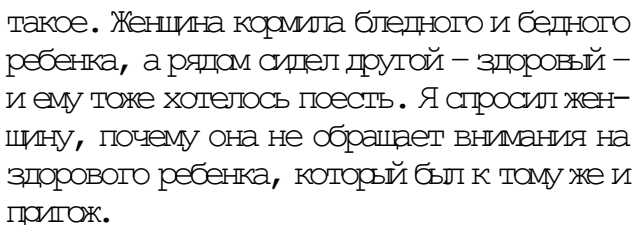
Ингерду, дочь Минга, все называли самую лучшую деву. Из-за неё бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женою привел её в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидеть

такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой – здоровый – и ему тоже хотелось поесть. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож.

Женщина мне ответила: "Я люблю обоих, но этот больной и несчастный".

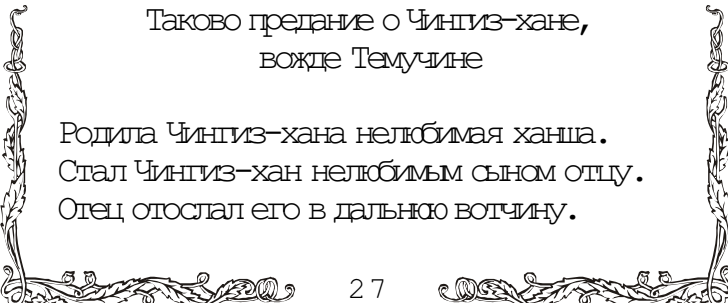
Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца оторваны только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Ещё скажу я, что мои слова были невозможными, и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все нашли слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

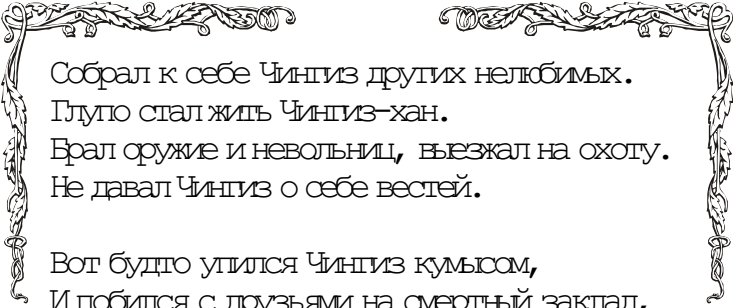
1899

ВОЖДЬ³

Таково предание о Чингиз-хане,
вожде Темучине

Родила Чингиз-хана нелюбимая ханша.
Стал Чингиз-хан нелюбимым сыном отцу.
Отец отослал его в дальнюю вотчину.

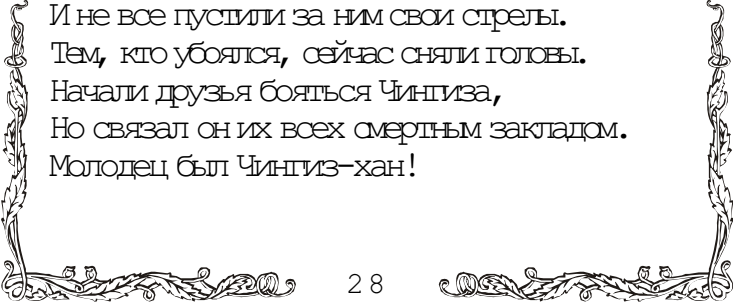

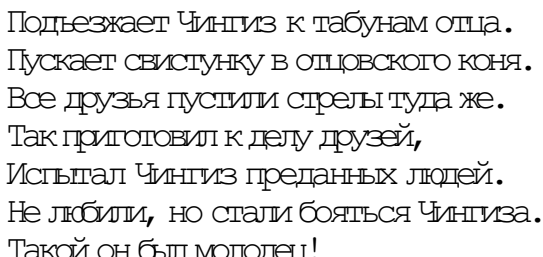
Собрал к себе Чингиз других нелюбимых.
Глупо стал жить Чингиз-хан.
Брал оружие и невольниц, выезжал на охоту.
Не давал Чингиз о себе вестей.

Вот будто утился Чингиз кумысом,
И побился с друзьями на смертный заклад,
Что никто от него не отстанет!
Тогда сделал стрелку-свистунку^А Чингиз.
Стулам сказал привести коней.
Конными поехали все его люди.
Начал дело свое Чингиз-хан.

Вот Чингиз въехал в степь,
Подъезжает хан к табунам своим.
Нежданно пускает свистунку Чингиз.
Пускает в лучшего коня десятиверстного.
А конь для татар – сокровище.
Иные убоялись застрелить коня.
Им отрубили головы.

Опять едет в степь Чингиз-хан.
И вдруг пускает свистунку в ханцу свою.
И не все пустили за ним свои стрелы.
Там, кто убоялся, сейчас сняли головы.
Начали друзья бояться Чингиза,
Но связал он их всех смертным закладом.
Молодец был Чингиз-хан!

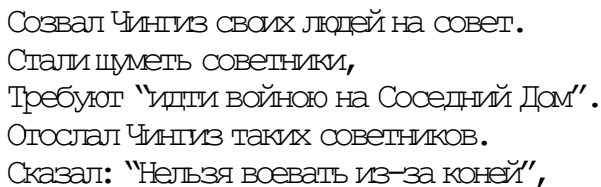

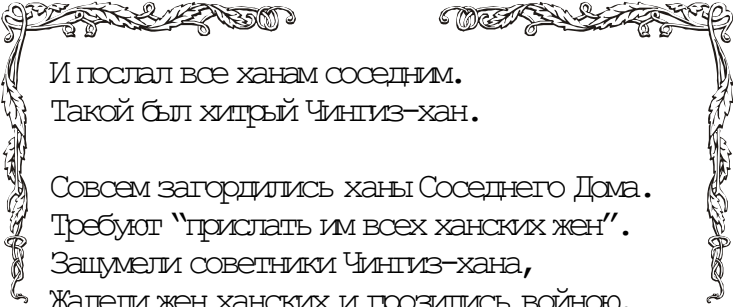
Подъезжает Чингиз к табунам отца.
Пускает свистунку в отцовского коня.
Все друзья пустили стрелы туда же.
Так приготовил к делу друзей,
Испытал Чингиз преданных людей.
Не любили, но стали бояться Чингиза.
Такой он был молодец!

Вдруг большое начал Чингиз.
Он поехал к ставке отца своего
И пустил свистунку в отца.
Все друзья Чингиза пустили стрелы туда же.
Убил старого хана целый народ!
Стал Чингиз ханом над Большой Ордой!
Вот молодец был Чингиз-хан.

Сердилась на Чингиза Соседние Дома.
Над молодым Соседние Дома возгордились.
Посылают сердитого гонца:
Отдать им все табуны лучших коней,
Отдать им украшенное оружие,
Отдать им все сокровища ханские!
Поклонился Чингиз-хан гонцу.

Созвал Чингиз своих людей на совет.
Стали шуметь советники,
Требуют "идти войною на Соседний Дом".
Отослал Чингиз таких советников.
Сказал: "Нельзя воевать из-за коней",

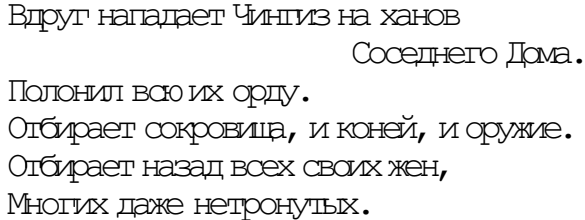

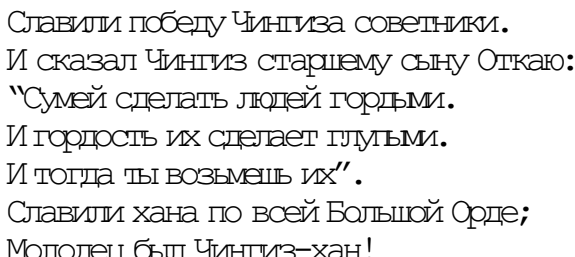
И послал все ханам соседним.
Такой был хитрый Чингиз-хан.

Совсем загордились ханы Соседнего Дома.
Требуют "прислать им всех ханских жен".
Зашумели советники Чингиз-хана,
Жалели жен ханских и грозилась войною.
И опять отослал Чингиз советников.
И отправил Соседнему Дому всех своих жен.
Такой был хитрый Чингиз-хан.

Стали безмерно гордиться ханы Соседнего
Дома.
Звали людей Чингизовых трусами,
Обидно поносили они ордынцев
Большой Орды,
И, в гордости, убрали ханы стражу с границы.
И забавлялись ханы с новыми женами.
И гонялись ханы на чужих конях.
И злоба росла в Большой Орде.

Вдруг ночью встал Чингиз-хан.
Велит всей орде идти за ним на конях.
Вдруг нападает Чингиз на ханов
Соседнего Дома.
Полонит всю их орду.
Отбирает сокровища, и коней, и оружие.
Отбирает назад всех своих жен,
Многих даже нетронутых.

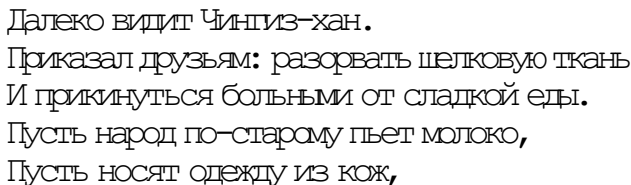

Ставили победу Чингиза советники.
И сказал Чингиз старшему сыну Откаю:
"Сумей сделать людей гордыми.
И гордость их сделает глупыми.
И тогда ты возьмешь их".
Ставили хана по всей Большой Орде;
Молодец был Чингиз-хан!

Положил Чингиз Орде вечный устав:
"Завидующему о жене – отрубить голову,
Говорящему хулу – отрубить голову,
Отнимающему имущество – отрубить голову,
Убившему мирного – отрубить голову,
Ушедшему к врагам – отрубить голову".
Положил Чингиз каждому наказание.

Скоро имя Чингиза везде возвеличилось.
Боялись Чингиза все князья.
Как никогда богатела Большая Орда.
Завели ордынцы себе много жен.
В шелковые одежды оделись.
Стали сладко есть и пить.
Всегда молодец был Чингиз-хан.

Далеко видит Чингиз-хан.
Приказал друзьям: разорвать шелковую ткань
И прикинуться больными от сладкой еды.
Пусть народ по-старому пьет молоко,
Пусть носят одежду из кож,

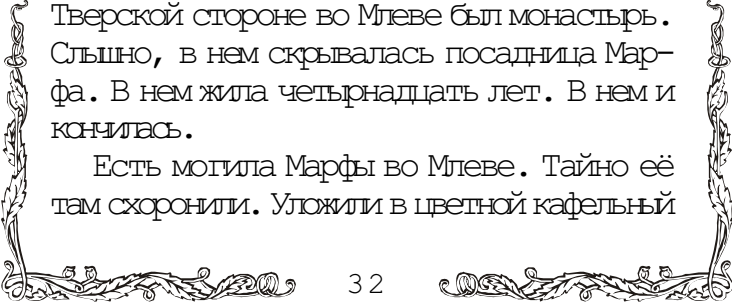
Чтобы Большая Орда не разнежилась .
У нас молодец был Чингиз-хан!

Всегда готова к бою была Большая Орда,
И Чингиз нежданно водил Орду в степь .
Покорил все степи Таурменские .
Взял все пустыни Монгкульские .
Покорил весь Китай и Тибет .
Овладел землею от Красного моря до Каспия .
Вот был Чингиз-хан – Темучин!

Попленил Ясов, Обезов и Половцев,
Торков, Кософов, Хазаров,
Аланов, Ятвягов разбил и прогнал.
Тридцать народов, тридцать князей
Обложил Чингиз данью и податью.
Громил землю русскую, угрожал кесарю.
Темучин-Чингиз-хан такой молодец был.

1904

МАРФА ПОСАДНИЦА ⁵

По Мете, красивой, стоят городища. На
Тверской стороне во Млеве был монастырь .
Слышно, в нем скрывалась посадница Мар-
фа. В нем жила четырнадцать лет. В нем и
кончилась .

Есть могила Марфы во Млеве. Тайно её
там схоронили. Уложили в цветной кафельный

склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор.

Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печальями. И помогает Марфа.

Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают.

Марфа—заступница! Марфа—помощница всем новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насыляет печаль еще горшую.

В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы. Просто душно вписали вместе с известиями об урожаях, падежах, непогодах.

С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему не знают. Служат молебны. Тайнственный атавизм ведет новгородцев ко млевской могиле.

Когда речь идет о национализме искусства, вспоминаю этот путь новгородцев. Мы мало различаем чванный пестрый национализм от мистики атавизма. Пустую оболочку

– от внутренних нитей. Мешаются часто последовательности, племенная и родовая.

Уже не смеется, а только не доверяем перевоплощению. С недоумением подбираем “странные” случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу, огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением.

Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зигуна и мурмолки далеко отделяется от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана.

Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Именно атавизм подскажет, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда. Чарами атавизма открывается нам лучшее из прошлого.

Заплаты бедности, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человеческих душ. Эти образы смутно являются во сне, – веки этих путей наяву трудно открыть.

Время строит сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никем склеп Новгород помнит. Славит хозяйку. Тайком служит молебен.

Марфа, сильная духом, нам помощи.

1906

СТАРИННЫЙ СОВЕТ⁶

В одной старинной итальянской рукописи, кажется, пятнадцатого столетия, – начальные страницы и все украшения книги были выполнены благородною рукою любителя библиотек, – простолюдно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пьетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельную картину "Поклонение волхвов" для небольшой сельской церкви Сиенского округа.

Учитель сказал:

– Мой милый, я дал слово настоятелю Монте-фалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им "Коронование Пресвятой Девы". Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, что теряешься теперь перед своею работою.

– Почтенный учитель, – сказал ученик, – картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части её. Как лучше писать темную оливковую роцу на красноватом утесе, – вдали. Видны ли там стволы деревьев, и насколько отчетлив рисунок листьев?

– Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

– Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

– Сделай его так, как нужно тебе.

– Почтенный учитель, ты слишком занят превосходною работою своею, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

– Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

– Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найди ли для них общую линию или дать каждую голову, и из частей получить абрис толпы?

– Просто сделай так, как тебе нужно.

– Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны и челнок на них и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

– Нет ничего проще; сделай так, как нужно.

– Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

– Положи золото там, где нужно.

– Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнятах, так и хочется сделать их тонкою кистью, но в общей картине они почти не видны.

– Делай их так, как нужно.

– Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно – затемнилось у меня сейчас.

– Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джюванни?

– Кроме срока, никаких условий. Он сказал: Бенвенуто, напиши хорошее изображение "Поклонение трех волхвов⁷ Пресвятому Младенцу", и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм. Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я за добрым советом. Скажи, что же значит "как нужно"?

– Как нужно, значит, все должно быть так, как хорошо.

– Но как же так, как хорошо?

– Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое сло-

во часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно – так, как красиво.

– А красиво?

– Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое “красиво”. А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идёт сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

1906

ВЕЛИКИЙ КЛЮЧАРЬ⁸

Вот почему ночью летают светлые мушки.

Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

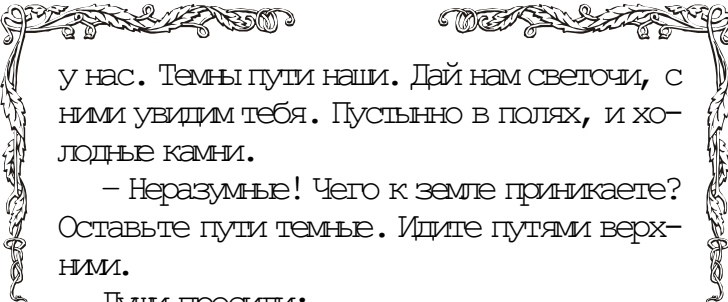
– Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

– Вижу вас, жалкие! Вижу Вас, темные! Вот, стою я. Светлы ворота мои, это вы, темные, идёте во мраке.

Плакались души внизу:

– Отец ключарь! Петр апостол! Света нет

у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях, и холодные камни.

– Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними.

Души просили:

– Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти нам навверх.

И сказал последнее апостол:

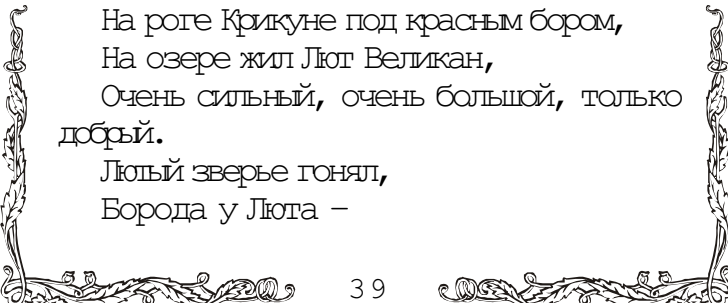
– Малье, малейшие, не знаете, что затемнили путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет темной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, ищут ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

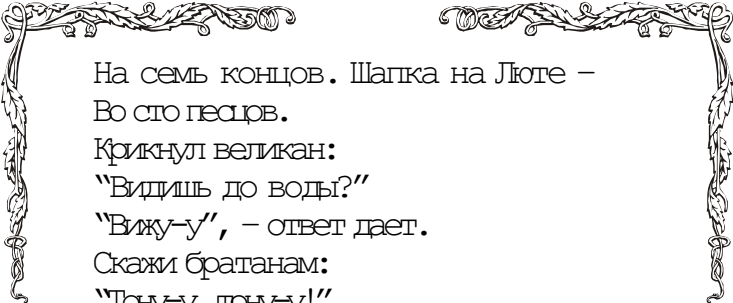
1906

ЛЮТ ВЕЛИКАН⁹

На роге Крикуне под красным бором,
На озере жил Лют Великан,
Очень сильный, очень большой, только
добрый.

Любый зверье гонял,
Борода у Люта –

На семь концов. Шапка на Люте –
Во сто пестров.

Крикнул великан:

“Видишь до воды?”

“Вижу-у”, – ответ дает.

Скажи братанам:

“Тону-у, тону-у!”

Летит нырь далеко.

Кличет нырь звонко:

“Тону-у, тону-у!”

Не знает нырь,

Что кричит про беду.

Не беда нырю на озере.

Озеро доброе.

Худо нырю от лесов,

От полей.

Братаны гогочут,

Ныря не слышат.

Лося в трясине загнали.

Пришли братаны,

А Люг утонул.

Сложили могилу длинную,

А для собаки круглую.

Извелась с тоски Лютова сестра

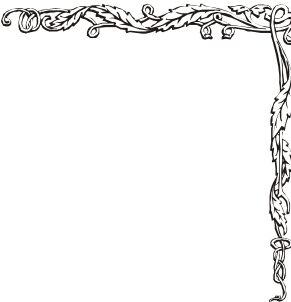
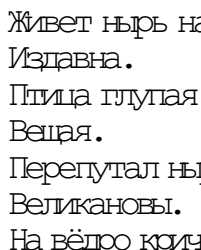
За озером.

Покидали великаны горшки

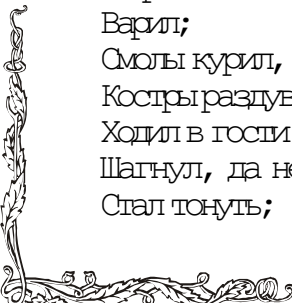
В озеро.

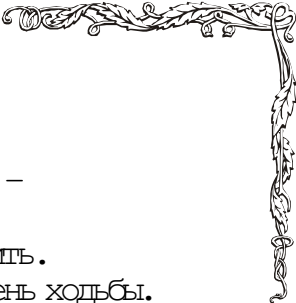
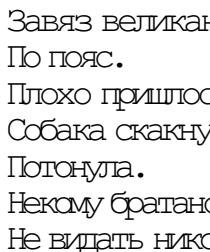
Схоронили топоры под кореньями.

Бросили жить великаны в нашем Краю.

Живет нырь на озере
Издавна.
Птица глупая. Птица
Вещая.
Перепутал нырь клики
Великановы.
На ведро кричит:
"Кафтан на Люте –
Серых волков.
Топор у Люта –
Белый камень.
Стрелки у Люта черные,
Приворотливые."
Лютовы братаны за озером жили.
На горе-городке избу срубили.
С Крикуна рога братанам кричал,
Перешепывал.
Брату за озеро топор подавал.
Перекидывал.
С братом за озером охотой
Ходил;
С братом на озере невод
Тащил;
С братом за озером пиво
Варил;
Смолы курил, огонь добывал,
Костры раздувал, с сестрою гулял,
Ходил в гости за озеро.
Шагнул, да не ладно –
Стал тонуть;

Завяз великан Лют
По пояс.
Плохо пришлось.
Собака скакнула за ним –
Потогнула.
Некому братанов повестить.
Не видать никого и на день ходьбы.
Озеро плескает.
Ветер шумит.
Осокою сама смерть идет.
Заглянул великан под облако.
Летит нърь.
“Тону-у, тону-у!”
Будто тонет, хлопает
Крыльями.
Под ненастье гогочет:
“То-то, то-то”.
Над водою летит, кричит:
“Вижу-у!”
Знает народ Люто-озеро,
Знает могилы длинные,
Длинные могилы великановы.
А длина могилам – тридцать саженей.
Помнят великанов плёсы озерные.
Знают великанов пенья дубовые.
Великаны снесли камни на могилы.
Как ушли великаны, помнит народ.
Повелось исстари так,
Говорю: было так.

1908

ЗАМКИ ПЕЧАЛИ¹⁰

Идете по замку.

Высокая зала. Длинные отсветы окон.
Темные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Ещё зала, большая. Камин в величину
быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в же-
лезных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посередине столб.
На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая двер-
ка. Своды.

Здесь смотрели врага.

Помещение для караула. Две старье пуш-
ки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок бара-
бана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У
пола железные кольца.

Здесь были осужденные.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на
озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных.

Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на
мостовой. В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного.
Молельня. Темный, резной хор. Покорные
звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Длинное окошко в зал сове-
та. Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов.

Исповедальня. Черный дуб. Красная с зо-
лотом тафляная завеса.

Через неё о грехе говорили.

Малая комната. Две ступени к окну. Окно
на озеро. Темный дорожный ларец. Ларец
графини.

Около него не слышно слова печали.

Не в нем ли остались искры радости или
улыбка веселья?

Или и в нем везли горе?

Все, что не говорит о печали, слезы вывели
из серого замка.

Проходила ли радость по замку?

Были в нем веселье трубы. Было твердое
слово чести. Было познание брака.

Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустыне, серые
замки. И время хранит их смысл.

Что оставит время от наших дней? Про-
никнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

1906

ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ¹¹

(Стенопись Храма Св. Духа в Талашкине)

Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут спутники неумелье: не знающие различить, где добро, где зло.

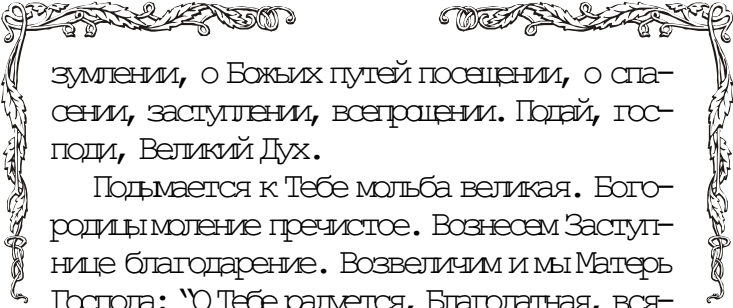
Милосердная Владыница Небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идёт. Ясным покровом хочет покрывать людское все горе, треховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских сил обители Преблагая воздымается. К берегу реки жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормих Владыница, за людской род возносит моления.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из твердыни потрясенные сонмы поднимаются. Красные, прекрасные силы в подвиге великом утверждаются. Трубным гласом Владычице славу поют.

Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владыница моления. О малых путников вра-

зумлени, о Божьих путей посещени, о спасении, заступлени, всепрощени. Подай, господи, Великий Дух.

Подъмается к Тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь".

1910

ЗАКЛЯТИЯ¹²

Отец – огонь, Сын – огонь, Дух – огонь,
Три равны, три нераздельны.

Пламя и жар – сердце их.

Огонь – очи их.

Вихрь и пламя – уста их.

Пламень Божества – огонь.

Лихих спалил огонь.

Пламя лихих обожжет,

Пламя лихих отерпит,

Лихих очисти,

Изогнет стрелы демонов.

Яд змия да сойдет на лихих!

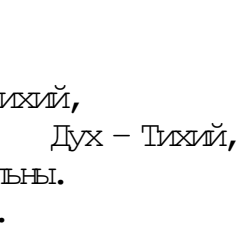
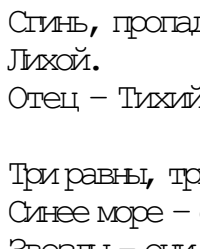
Агламид, повелитель змия,

Артан, Арион, слышите вы.

Тигр, фел, лев пустынного поля,

От лихих берегите!

Звеем завейся, огнем сталися,

Сгинь, пропади
Лихой.
Отец – Тихий, Сын – Тихий,
Дух – Тихий,
Три равны, три нераздельны.
Синее море – сердце их.
Звезды – очи их.
Ночная заря – уста их.
Глубина Божества – море.
Идут лихие по морю,
Не видят их стрелы демонов.
Вьсь, волк, кречет,
Уберегите лихих
Расстилайте дорогу!
Кийос, Кнойзави?
Допустите лихих!
Камень, знай. Камень, храни.
Огонь сокрой. Огнем зажгися.
Красным – смелым.
Синим – спокойным.
Зеленым – мудрым.
Знай один. Камень храни.
Фу, Ло, Хо камень несите.
Воздайте сильным.
Отдайте верным.
Иенно Гуйю Дья, – прямо иди!

1910

ГОРОДА ПУСТЫННЫЕ 13

Мир пишется, как ветхий муж.
Повинны человека устремлением.
Устремлением возрастают помыслы.
Помысел породил желание.
Желание подвигло веление.
Здание человеческое устремлениями со-
трясается.

Не бойся, древний муж!
Радость и печаль – как река.
Волны переходят омывающие.
Возвеселился царь:

– Моя земля велика. Мои леса крепки.
Мои реки полны. Мои горы ценны. Мой на-
род весел. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

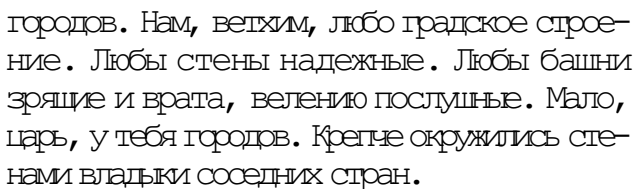
– Много у нас лесов и полей. Много у нас
певчих птиц. Много у нас цветочных трав.

Вошел в палату ветхий муж. Пришлый че-
ловек. Царю и царице поклон дал. Сел в утом-
лении. Царь спросил:

– Чего устал, ветхий? Видно, долго шел в
странствии?

Воспечалился ветхий муж:

– Земля твоя велика. Крепки леса твои.
Полны реки твои. Горы твои непроходны. В
странствии едва не погиб. И не мог дойти до
града, где нашел бы покой. Мало, царь, у тебя

городов. Нам, ветхим, либо градское строение. Любы стены надежные. Любы башни зрящие и врата, велению послушные. Мало, царь, у тебя городов. Крепче окружились стенами владыки соседних стран.

Воспечалился царь:

— Мало у меня городов. Мало у меня надежды стенной. Мало башен имею. Мало врат, чтобы вместить весь народ.

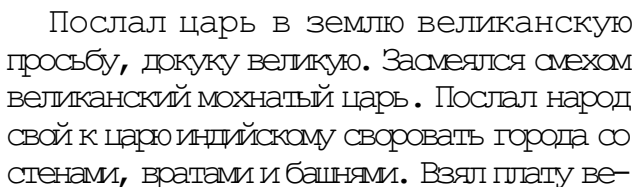
Восплакал царь:

— Муж ветхий! Летами мудрый! Научи зарастить городами всю мою землю великую. Как вместить в стены весь народ?

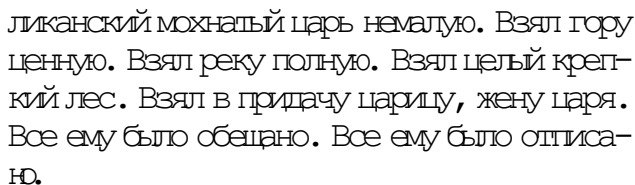
Возвеселился ветхий муж:

— Будут, царь, у тебя города. Вместить в стены весь народ. За две земли от тебя живет великанский царь. Дай ему плату великую. Принесут тебе великаны от царя индийского городов видимо-невидимо. Принесут со стенами, с вратами и с башнями. Не жалея наградишь царя великанского. Дай ему плату великую. Хотя бы просил царицу, жену твою.

Встал и ушел ветхий. Точно его, прохожего, и не было.

Послал царь в землю великанскую просьбу, доuku великую. Засмеялся смехом великанский мохнатый царь. Послал народ свой к царю индийскому своровать города со стенами, вратами и башнями. Взял плату ве-

ликанский мохнатый царь немалую. Взял гору ценную. Взял реку полную. Взял целый крепкий лес. Взял в придачу царицу, жену царя. Все ему было обещано. Все ему было отписано.

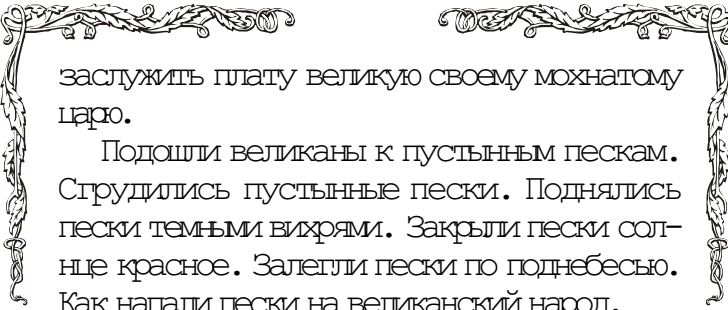
Воспечалилась царица:

– Ой, возмет меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют башнями весь надзвездный мир, помогите, мои травы цветочные, – ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землею дума великая. Думою море воспенилось. Думою леса закачались. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкою.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями. Пovyпряживали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли

заслужить плату великую своему мохнатому царю.

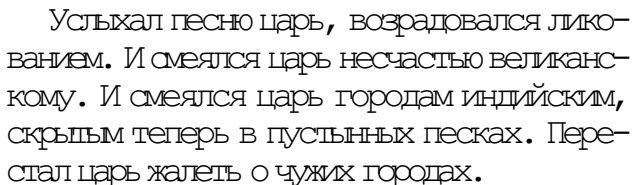
Подошли великаны к пустынным пескам. Струдились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закружили пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ.

Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, вратами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принес города в пустынные пески, то простому люду не ведомо.

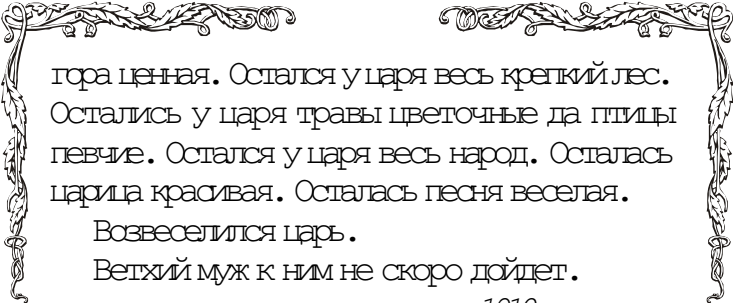
Распустились травы цветочные पुще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую веселую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услышал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастьем великанскому. И смеялся царь городам индийским, скрывшим теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась

гора ценная. Остался у царя весь крепкий лес.
Остались у царя травы цветочные да птицы
певчие. Остался у царя весь народ. Осталась
царица красивая. Осталась песня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдет.

1910

ЗНАМЕНАЯ¹⁴

Из темной кладовки вышел человек и про-
шел на дворовую лестницу. Шел быстро, точ-
но скрывался. Шел какими-то неслышными
шагами.

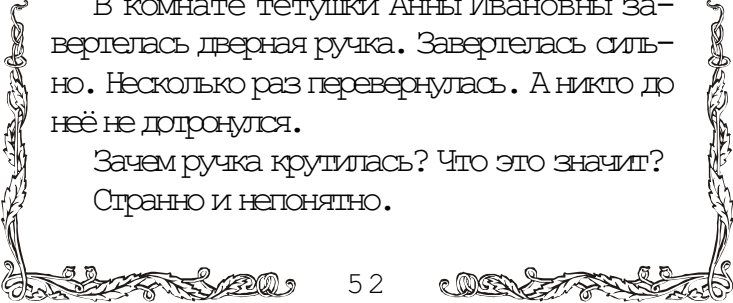
Как он зашел в кладовку? Зачем там был?
Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок.
Звонил долго и сильно. А никто не звонил;
никто никого не звал.

Почему звонок сам зазвонил?

Никак не узнать.

В комнате тетушки Анны Ивановны за-
вертелась дверная ручка. Завертелась силь-
но. Несколько раз перевернулась. А никто до
неё не дотронулся.

Зачем ручка крутилась? Что это значит?
Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мѣ-
шей.

Никогда такого не бывало, а тут семь сразу.

Откуда пришли? Зачем вылезли?

Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в боль-
шом страхе. Туман стоял. Шла она по Длин-
ному переулку, а навстречу ей идет белая ло-
шадь. Идет из тумана одна, без человека.
Идет, тихо ступает. Шума никакого не слыш-
но. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда – неведомо. Куда – неизвестно.

Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страш-
ное: лопнула картина на доске. Висела, висе-
ла себе тихо и вдруг с большим треском лоп-
нула прямо через святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула?

Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непо-
нятными и странными делами. Не только нам,
но и прислуге, и всем большим стало ясно, что
случится страшное что-то. Даже тетюшка
Анна Ивановна сказала:

– Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Ани-
сье Петровне, экономке:

– Дурной шалит! Дай-ка позову доброго,
– тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила:
— Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то, бывало, позовешь, придет легко, по первому голосу, а уйди не уходит. На уход надр знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно: все было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и несбывальным.

Сиделись мы близко-близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянула откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово.

Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь

ушла с каретного двора, и её скоро поймали. А мыши пришли сразу после отъезда кондитера.

За трещину на картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил на "паркет переложить" картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже нащумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни доброй. Все стало обычным, и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знамений ждем! Знамений просим!

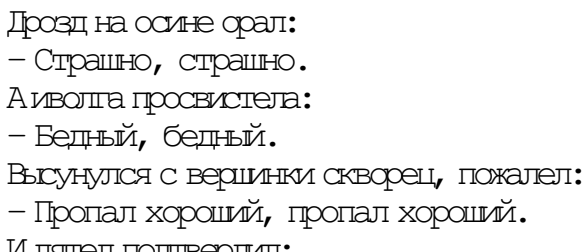
1913

СТРАХИ¹⁵

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших бутрах тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закашлось солнце.

На поляну вышел журавль и прогортанил:
– Берегись, берегись! – И ушел за опушку.

Наверху зашумел ворон:
– Конеч, конеч.

Дрозд на осине орал:
– Страшно, страшно.
А иволга просвистела:
– Бедный, бедный.
Высунулся с вершинки скворец, пожалел:
– Пропал хороший, пропал хороший.
И дятел подтвердил:
– Пусть, пусть.
Сорока трещала:
– А пойди рассказать, пойди рассказать.
Даже снегирь прогищал:
– Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники и робели, услышав страшные птицы слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

1911

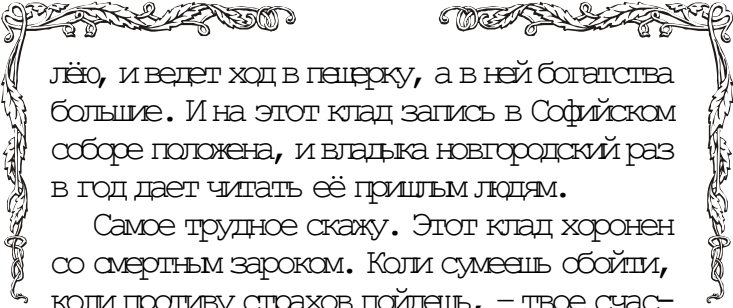
КЛАДЫ¹⁶

– От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Вжавого ручья, а по ручью – до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минуешь, так и иди до малой мшати, а туда пять стволлов золота Литвою опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рога-тая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай прямоком через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе.

Или еще лучше. На Пересне от Княжего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, оберни в полтуди, да иди тридцать шагов вправо. А будет тут ров старый, а за рвом – пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение.

Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под зем-

лѣю, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать её пришлым людям.

Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зарокom. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь, – твое счастье.

За Великою Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитою закрыто, и вода стущена. Коли сумеешь воду от земли отвести, да успеешь плиту откопать, – твое счастье большое.

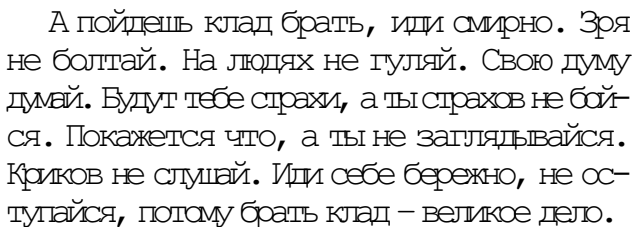
Много кладов везде захоронено. Говорю – не болтаю. Дедами еще положены верные записи.

Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я уськал:

– В подземной Руси, – сказал, – много добра скоронено. Русь берегите.

Сановиный был человек.

Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвою либо с заклятием.

А пойдешь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому брать клад – великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а лице всего, не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородинный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери.

А, на счастье, возьмешь клад, – никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелой, клад от людей отвык, – иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее взять. Много кладов сами люди попортили, по своему безобразию.

— А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

— И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладах ничего не сказал черный кузнец.

1912

ЖАЛЬНИК¹⁷

Кирик камень, из гнезда бабодунова, лучше всего противу изменника. По нашему времени возьми три заклятия. Первое – от вора, от супостата. Второе, не забудь, от оружия смертного. Третье, крепко помни, от грозы, от грама небесного и земного.

Первое:

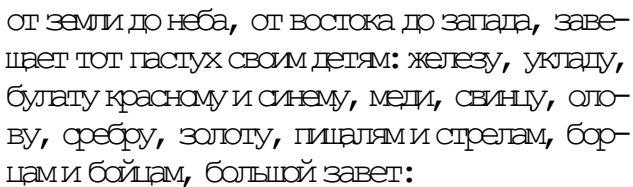
“На море на океане, на острове на Буяне, стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, к нашему супостату, рубите его тело, колите его сердце, чтобы он воротил по кражу, все выдал, не утаил.

Будь ты, вор-супостат, проклят моим сильным заговором в землю преисподнюю, за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горячую, в тину болотную, в бездонный дом.

Будь прибит осиновым колом, иссушен суше травы, заморожен плуце льда, окривей, охромей, ашалай, одервенеи, обезручей, оголей, оташай, с людьми не свькайся и не своею смертью помри”.

Второе заклятие оружия. Заговоры ратного человека:

“За дальними горами есть море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит столб

от земли до неба, от востока до запада, завещает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, меди, свинцу, олову, серебру, золоту, пицалям и стрелам, борцам и бойцам, большой завет:

Подите вы, железо, медь и свинец, в свою мать-землю от ратного человека, а дерево к берегу, а перья в пилу, а пилы в небо сокройтесь, а велит он мечу, топору, рогатине, ножам, пицалям, стрелам, борцам быть тихим и смиренным.

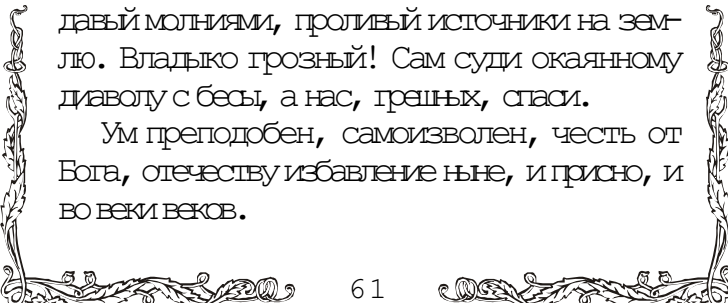
А велит он не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу из пицали, а велит схватить у луков тетивы и бросить стрелы в землю.

А будет мое тело крепче камня, тверже булата, округла – крепче куюка и кольчуги.

Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь.

А как у замков смычи крепки, так мои словеса крепки!.

Третье заклятие грозное:

“Свят, Свят, Свят! Седьй во грому, обладаый молниями, проливый источники на землю. Владыко грозный! Сам суди окаянному диаволу с бесы, а нас, грешных, спаси.

Ум преподобен, самоизволен, честь от Бога, отечеству избавление ныне, и присно, и во веки веков.

Боже страшный, Боже чудный! Живый в
вышних, ходай во громе, обладая огнем!
Боже чудный! Сам казни врага своего диаво-
ла; всегда, ныне, и присно, и во веки веков.
Аминь”.

Сказала заклятия и пошла себе старуха за
буторок, от жальника к озеру, через яровое
поле – в деревню.

Приходила за ратных, да за “неведомых
тихий”, покойных помолиться. Принесла мас-
лица угодникам.

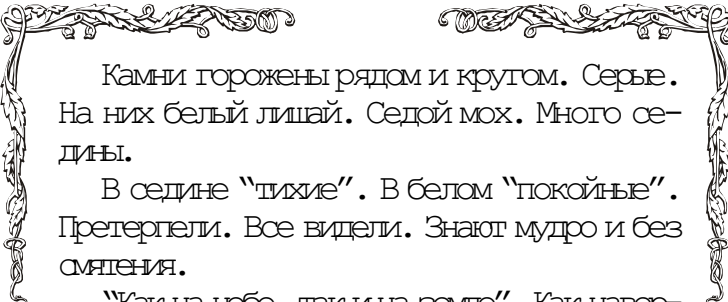
По холмам Новотородских Пятин стоят
сосновые рощи. На целую округу темнеют
шапками. Под корнями сосен густо кладены
камни. Красивые места. Старинные.

Было ли тут от татар, или при Грозном или
в смутное время, в разоренье литовское? Всего
было.

Лежат тут “тихие”, лежат “покойные”,
никому неведомые “деды”.

Жальники – к Новгороду. Дивинцы – к
Твери, эти места называются. Дивинец-диво-
город, с восхищением. Но того милее – Жаль-
ник. В нем много жаленья, покоя, слов веч-
ных.

Великими ветвями оборонились сосны.
Шумят только вершинами. Внизу тень. Се-
дой можжевельник. Две-три сухие травинки.
Черника, сухая хвоя.

Камни горожены рядом и кругом. Серые.
На них белый лишай. Седой мох. Много се-
дины.

В седине "тихие". В белом "покойные".
Претерпели. Все видели. Знают мудро и без
смятения.

"Как на небе, так и на земле". Как навер-
ху, так и внизу. Что было, то будет опять.

Около 1916

НЕОТПИТАЯ ЧАША¹⁸

Приходят враги разорять нашу землю, и
становится каждый бутор, каждый ручей, со-
сенка каждая еще милее и дороже. И, отста-
ивая внешне и внутренне каждую пядь зем-
ли, народ защищает её не только потому, что
она своя, но потому, что она и красива, и пре-
восходна, и, поистине, полна скръпых значе-
ний.

Кроме прекрасной природы литовской,
польской, ливонской, у нас бесконечно много
того, что еще недавно считалось неценным.
Чего не видно из окон вагона, когда бывало
ездили "куда следует". Чего мы не хотели
знать. Как вообще не хотели знать свою соб-
ственную землю.

Когда после простудной напасти меня ста-
ли в Крым отправлять, вопреки всему, потя-

нуло меня опять в любимый Новгородский край. Коли придет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора сколько изумительных красот и в Петроградской, и в Псковской областях, и в Новгородской земле. Так близких и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Но, теперь, как-то не нужно мыслить о былом. Теперь – настоящее, которое – для будущего.

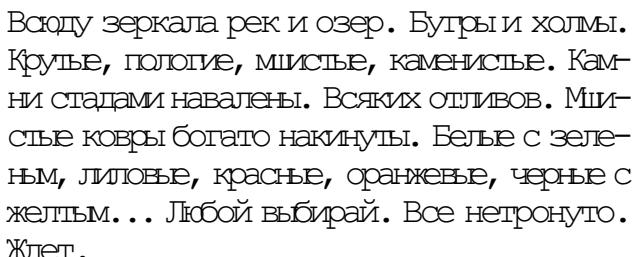
Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит, все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа непронута, там и народ тверд и степенен, без смятения. Новгородцы бодры.

Бодры так же, как бодры их озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как острые голубые глаза рыбаков озерных.

Степенны и суровы так же, как непроходны леса, которыми край еще полон. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали.

Всюду зеркала рек и озер. Бутры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменистые. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинуты. Белье с зеленым, лиловым, красным, оранжевым, черным с желтым. . . Любой выбирай. Все нетронуту. Ждет.

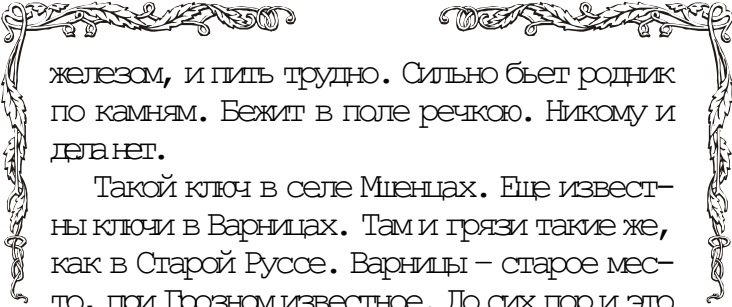
Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными дальями. Белеют путевыми знаками-храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюженскому пути. Мета и Шелонь, Шерегородо, Пирос, Шлино, Бронница и Валдай, Иверский монастырь, Нил Столбенский, Возвышенности Валдайские. Все это красота. Красота бодрая.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще "честный лес". По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время еще. А вот чудо.

Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма - сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна

железом, и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому и дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. Там и грязи такие же, как в Старой Руссе. Варницы – старое место, при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же слышал я и о каких-то теплых ключах.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И странно, и больно, но и приятно знать, что в четырех верстах от большого пути еще лежат такие находки. Давно показались. Ждут.

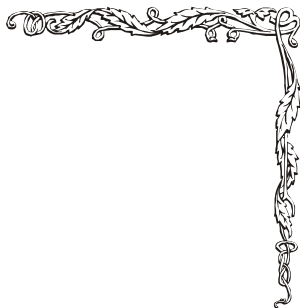
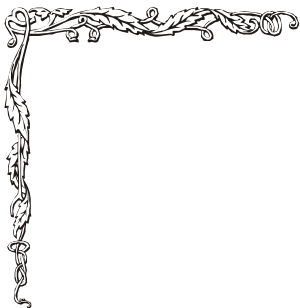
Знают, пройдет испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша – полный, целебный родник. Среди обьного луга пригаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет.

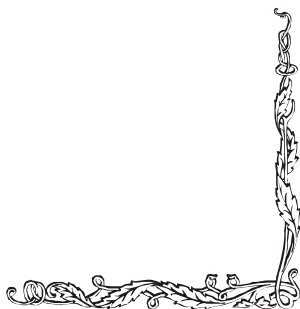
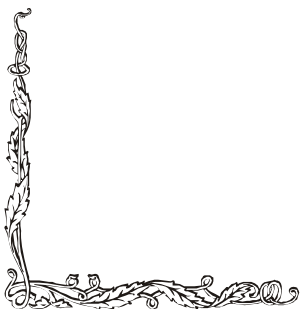
Около 1916

ЧАСТЬ 2

ПОДВИГ

ПОДВИГ¹⁹

Пути Геннадия и Прокта разошлись.

Когда пришло время им избрать место паствы своей, Геннадий ушел в пустынный скит, а Прокл остался во граде.

Возрастил Геннадий тишайший скит. Начал Прокл борьбу за церковь. Геннадий и Прокл совершали подвиг.

Скоро услышали люди о пустынном ските и узнали путь к дому епископа, где воздвигались соревнования и споры и даже прещения о нечестии.

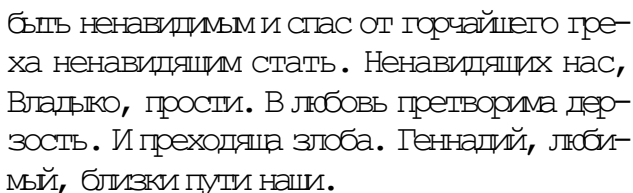
Пришло время избирать патриарха. Собрались все игумны и епископы. На священном соборании встретились Геннадий и Прокл.

Жалея, обратился Геннадий:

— Что слышу? Ополчаются люди на тебя, Прокл, брат мой? В ревности о храме пренебрег ты человеческим. Непонятен людям труд твой и непосилен ты им, Прокл. Во дерзновении о славе храма неужели не слышишь глазов ненавистных и боящихся. Из уединения страшна мне борьба твоя. Божь, не ожесточится ли сердце твое? Уничтожающие, не посеют ли в тебе вражду злобную?

Радостно сказал Прокл:

— Блажен Ты, Господи, поелику дал мне

Бѣть ненавидимым и спас от горчайшего грѣха ненавидящим стать. Ненавидящих нас, Владько, прости. В любовь претворима дерзость. И преходяща злоба. Геннадий, любимый, близки пути наши.

И пошли пастыри избрать патриарха достойнейшего. И из них избрали патриарха епископы.

Около 1916

СОН²⁰

Перед войною сны были:

Едем полем. За бутром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоглавый.

Или: Едем серой равниною. Холм высокий темнеет. Смотрим: не холм, а змей серый клубом завился.

Еще задолго были заклятия. Заклинали лихих. Заклинали кривду. Заклинали и зверем, и птицею. Заклинали землей и водой. Не помогло. Выползли гады.

Потом были знаменья. Не усмотрели их. Не поверили. Не додумались. Толпой растоптали.

И проснулся змей. Поднялся враг рода человеческого. Пытался злословно мир поко-

ришь. Города порушить. Осквернить храмы.
Испепелить людей и строения. Поднялся себе
на смерть.

Были заклатья. Были знаменья. Остались
сны. Сны, которые сбываются.

Лег ночь перестать.

Думал: увижу волхвов великих. Хотел по-
смотреть, что у них в тороках увязано. Какую
они едут дорогою. Чтобы показали, куда и
откуда.

Но не показались волхвы. Верню, рано еще.
Не выехали.

Показались двое друтих.

Один – средовек²¹, в старой синей руба-
хе. В кафтане темном, тоже верхом. Волосы
длинноватые. В деснице – три кочерги. Дер-
жит их концами вверх. Замечайте: вверх!

Прокопий праведный, – тот, что увел тучу
каменную от Устюга Великого. Тот, что за не-
ведомых молился.

А друтой – белый и старый, с мечом и со
градом.

Конечно, Никола святитель!

Вместо волхвов со звездою эти пришли.

Прокопий говорит:

– Не удаляйтесь Земли. Земля красная,
злом раскаленная. Но жар зла питает корни
Древа, а на нем свивает Добро преблагое пнез-

до свое. Принимайте труд на Земле. Восходите к океану небесному, нам темному.

Берегите благое Древо: на нем Добро живет. Земля есть источник горя, но из горя вырастают радости. Высший всех знает время радостей ваших.

Не удаляйтесь Земли. Посидим, о дальних странствующих подумаем.

Другой, седоватый, меч поднял; а к нему люди продвинулись. Много их выступило:

– Никола милостивый! Ты – чудотворец! Ты – могущий! Ты – святитель воинствующий!

Ты – сердца побеждающий! Ты – водитель мыслей истинных! Силы земные ты знающий!

Ты – меч хранящий! Ты – городам заступник! Ты – правду зрящий! Слышишь, владыко, моления?

Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко, пречистый град! Пречистый град – врагам озлобление!

Прими владыко, прекрасный град! Подвигнь, отче, священный меч! Подвигнь, отче, все воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Украй грады святым мечом! Ты можешь! Тебе сила дана!

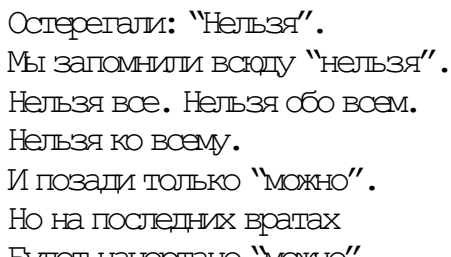
Мы стоим без страха и трепета.

Около 1916

СТРАЖА У ВРАТ²²

Здравствуй, друг, Анэле Анвонови.
Нам сказали: "Нельзя",
Но мы все же вошли.
Мы подходили к вратам.
Везде слышали слово "нельзя".
Мы хотели знаки увидеть.
Нам сказали: "Нельзя".
Свет хотели зажечь.
Нам сказали: "Нельзя".
– Стражи седье, выдавшие, знавшие!
Ошибаетесь, стражи!
Хозяин дозволил узнать.
Видеть Хозяин дозволил.
Наверно, Он хочет,
Чтобы мы знали,
Чтобы мы видели.
За вратами посланец стоит.
Нам он что-то принес.
Допустите нас, стражи!
"Нельзя," – нам сказали
И затворили врата.
Но, все же, много врат
Мы прошли. Протеснились.
И "можно" оставалось за нами.
Стражи у врат берегли нас.
И просили, и угрожали.

Остерегали: "Нельзя".
Мы запомнили всюду "нельзя".
Нельзя все. Нельзя обо всем.
Нельзя ко всему.
И позади только "можно".
Но на последних воротах
Будет начертано "можно",
Будет за нами "нельзя".
Так велел начертать
Хозяин на последних воротах.

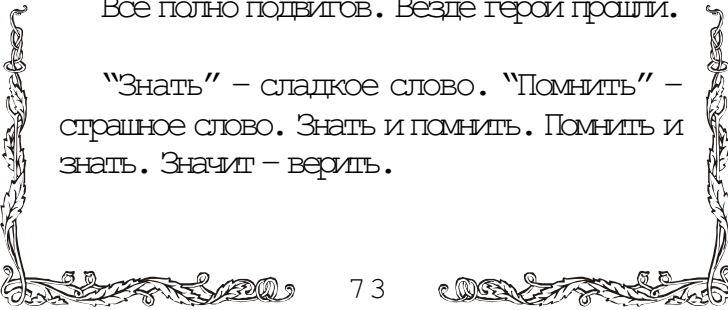
Около 1916

СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ²³

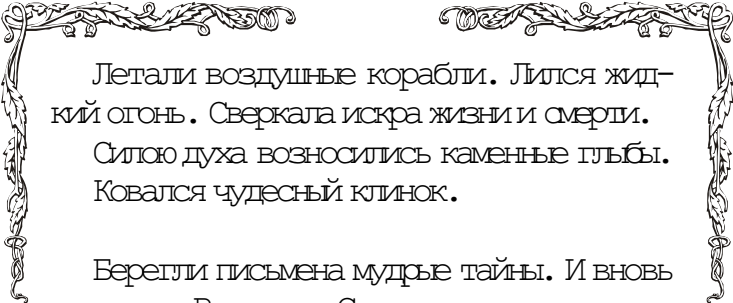
Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают деревья.
И помнят.
Помнят, кто назвал горы и реки.
Кто сложил бывшие города. Кто имя дал
незапамятным странам.

Неведомые нам слова. Все они полны
смысла.

Все полно подвигов. Везде герои прошли.

"Знать" – сладкое слово. "Помнить" –
страшное слово. Знать и помнить. Помнить и
знать. Значит – верить.

Летали воздушные корабли. Лился жидкий огонь. Сверкала искра жизни и смерти.

Силою духа возносились каменные глыбы.
Ковался чудесный клинок.

Берегли письма мудрые тайны. И вновь явно все. Все ново. Сказка-предание сделалась жизнью.

И мы опять живем. И опять изменимся.
И опять прикоснемся к земле.

Великое "сегодня" потускнеет завтра. Но выступят священные знаки. Тогда, когда нужно.

Их не заметят. Кто знает? Но они жизнь построят.

Где же священные знаки?

Мы идем искать священные знаки.

Идем осмотрительно и молчаливо.

Люди идут, смеются, зовут за собою.

Другие спешат в недовольстве.

Иные нам угрожают.

Хотят отнять то, что имеем.

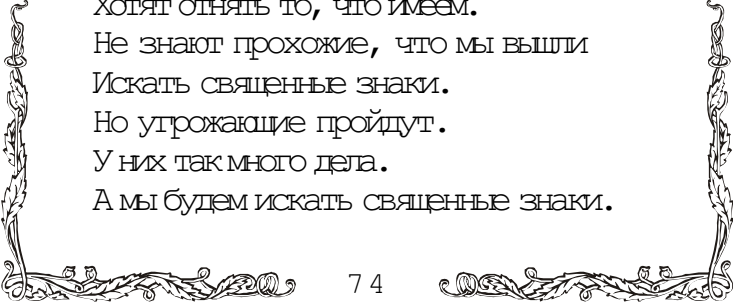
Не знают прохожие, что мы вышли

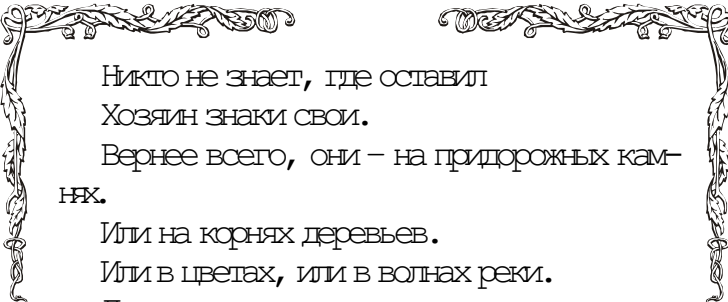
Искать священные знаки.

Но угрожающие пройдут.

У них так много дела.

А мы будем искать священные знаки.

Никто не знает, где оставил
Хозяин знаки свои.
Вернее всего, они – на придорожных кам-
нях.

Или на корнях деревьев.
Или в цветах, или в волнах реки.
Думаем, что можно искать их
На облачных сводах.
При свете солнца, при свете луны;
При свете смолы и костра;
При свете Ивановых мошек
Будем искать священные знаки.
Мы долго идем.
И пристально смотрим.
Многие люди мимо прошли.
Право, кажется нам, они знают
Приказ: найти священные знаки.
Становится темно.
Трудно путь уловить.
Непонятны места.
Где могут они быть, – Священные знаки?
Сегодня мы их, пожалуй,
Уже не найдем.
Но завтра будет светло,
Я знаю: мы их увидим.

Около 1916

МЕЧ ОГНЕННЫЙ²⁴

1913 год. Спящим стражам приносится меч огненный. "Меч мужества" понадобился. Приходят сроки. Тогда же и в начале 1914 года спешно пишутся: "Зарево" – с бельгийским львом, "Крик змия", "Короны" – улетевшие, "Дела человеческие", "Город обреченный" и все те картины, смысл которых мы после поняли.

Меч огненный – к новым вратам. А вот 1931 год, и все три меча вспомнились. В Западном Тибете на скалах высечены издревле три меча. Граница ли? Победа ли? Знак трех мечей встал в памяти.

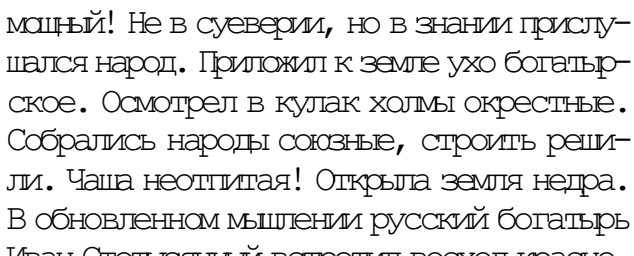
1937

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ РУССКОМУ²⁵

Гонец о восстании гнал в челне уже сорок три года назад. Затем сходились старцы – народоправный совет. На следующий год шел в гору поход за родину.

Наконец, строили город. И на строительстве поклон великому народу русскому.

Так ждалось, так предвиделось и так увиделось. "Город строят!" И какой чудесный,

мощный! Не в суеверии, но в знании прислушался народ. Приложил к земле ухо богатырское. Осмотрел в кулак холмы окрестные. Собрались народы союзные, строить решили. Чаша неотпитая! Открыла земля недра. В обновленном мышлении русский богатырь Иван Стотысячный встретил восход красно-солнышка.

“Сходятся старцы” были сопровождены былиною. Кончалась она так:

Старцы земель Новагорода
Сойдутся под дубом развесистым,
Ворон на дубе не каркает
За лесами заря занимается.
Засияет, блеснет красно-солнышко,
И проснется земля наша русская.

“Богатыри проснулись” сейчас пишется. Посвящается великому народу русскому. Когда-то слагали былинку “Как перевелись богатыри на Руси”, но тогда же верили, что проснутся они в час сужденный. Выйдут из гор, из пещер и приложатся к строительству народному. Вот и пришел час. Вот народные богатыри город строят.

Илья Муромец встал. Добрыня побывал в Галиче. Микула зачал новую пашню. А Настасья Микулична многих перегнала. По поднебесью летает на страх злым. А зависли-то

сколько за морями! За морями земли великие, только нам недрсут до них. Свою целину не объехать, свою скыню не убрать.

Лежит передо мною "Слово о полку Игоре-реве", отлично украшенное палехским мастером. Само "Слово", как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение. Великому народу русскому ничто не страшно. Все победит: и лед, и жару, и глад, и грозу. И будет строить на диво.

"Город строят".

"Проснулись богатыри".

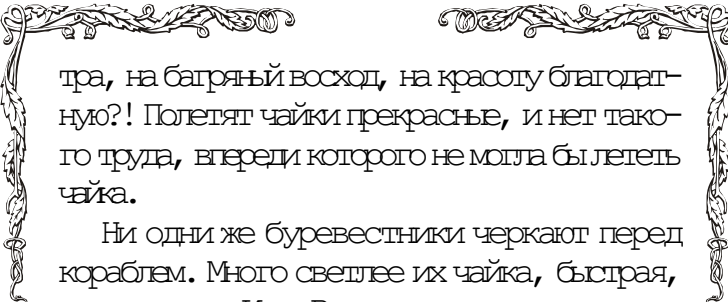
24 июня 1940

ЧАЙКА²⁶

"И на завтра не надейся".

И все-таки верится и мечтается, и мечты останутся в вечной энергии. Здесь-то все изменится. От изображений самых прочных останутся осколки. Никто не представит себе, частью чего были неясные обломки. Но там, в высшем измерении, все останется нетленно.

Чайки надежды летят перед ладьями искателей. "Чай, чай, примечай, куда чайки летят". Примечает народ полет чаек, полет надежд, чаяний. И почему не надеяться на зав-

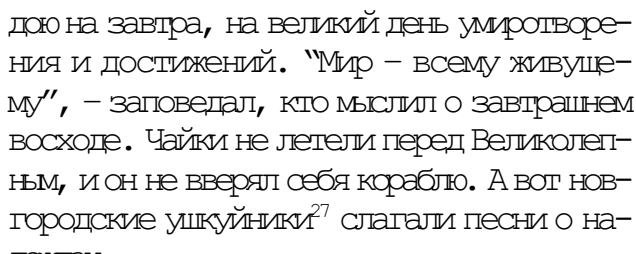

тра, на багряный восход, на красоту благодарную?! Полетят чайки прекрасные, и нет такого труда, впереди которого не могла бы лететь чайка.

Ни одни же буревестники черкают перед кораблем. Много светлее их чайка, быстрая, путеводная. И на Волге, и на поморье, и на далеких океанах впереди вились чайки. Не остывали надежды-чаяния. От самых первых дней работы в мастерской реяло на проволоке чучело чайки. Хоть чучело, а, все-таки, мечта несломимого чаяния.

Неужели все бывшие битвы не сломили? Нет, не сломили. Вот же несколько не сломили. Елена Ивановна, увидав "Мстислава Удалого и Редеду" и "Пересвета с Челубеем", воскликнула: "Должно быть, ужасная война, если даже самый мирный человек изображает смертные поединки". Хочется оставить памятки народу русскому о всех мономах, о великих поединках за славу русской земли. Может быть, друг мозаичист каменно сложит эти памятки, молодёжь еще раз вспомнит, о чем всегда нужно держать в сердце. Полети-те, светлые чайки, к русскому народу.

Лоренцо Великолепный пел: "И на завтра не надейся!" Так пели останки, осколки. Но в грозе и в молнии народы живут лишь надеж-

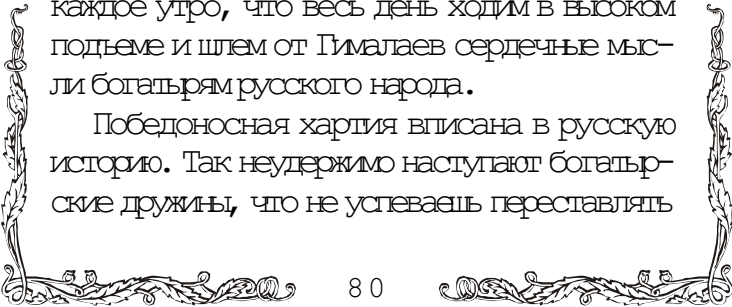

дою на завтра, на великий день умиротворения и достижений. "Мир – всему живущему", – заповедал, кто мыслит о завтрашнем восходе. Чайки не летели перед Великолепным, и он не вверял себя кораблю. А вот новгородские ушкуйники²⁷ слогали песни о надеждах.

Там – конец, а наш путь – к началу. В вечном совершенствовании, в трудовом преуспевании и в радостном познании будем любоваться чайками-чаяниями. Будем любить чаек путеводных.

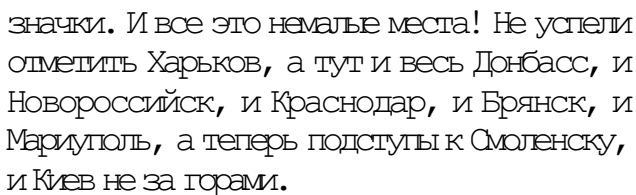
1942

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ²⁸

Развернулись блистательные крылья победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа.

Победоносная хартия вписана в русскую историю. Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь переставлять

значки. И все это немалые места! Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Краснодар, и Брянск, и Мариуполь, а теперь подступы к Смоленску, и Киев не за горами.

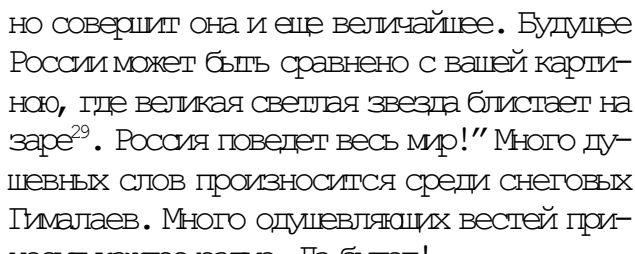
Подвиг русского народа требует и достаточного летописца. Высокие слова нужны, чтобы сказать, как грозно ополчился весь народ на дерзких захватчиков!

Как выросло непобедимое воинство! Как трудовое дружество спаяло народы в одну созвучную семью! "Когда постройка идет, все идет!"

Идет великая стройка. Одни богатыри преодолевают врага. Другие куют мечи и серпы для преуспения на славное будущее.

Слава Великому народу русскому! В каждом здешнем письме гремят сердечные слова о славе русской, душевные пожелания побед. Чуем, как искренно звучат дружеские голоса Индии. От палящего юга до гималайских снегов множество друзей завоевал народ русский. Завоевал великим подвигом, великим самопожертвованием.

Вспоминаю, как писал нам внук Чарльза Диккенса: "Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир,

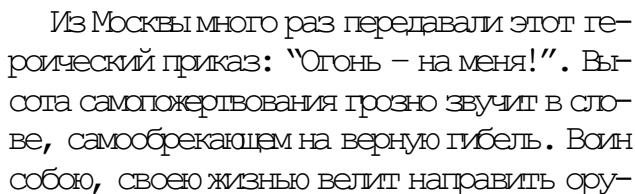

но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с вашей картиною, где великая светлая звезда блистает на заре²⁹. Россия поведет весь мир!" Много душевных слов произносится среди снеговых Гималаев. Много одушевляющих вестей приносит каждой радию. Да будет!

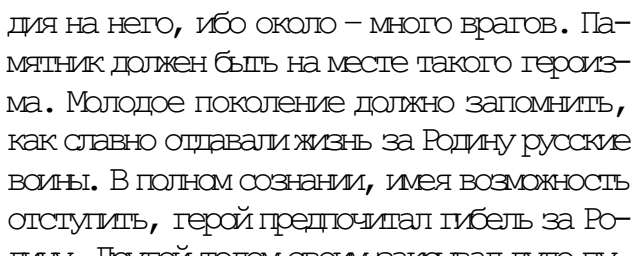
На днях мы слушали Грабаря из Москвы. Он приветствовал русские победы, говорил о германских разрушениях и хорошо отметил, как русские воины заботливо относятся к историческим памятникам. Да, да! Собирайте каждую полезную памятку. Таким путем образуются добрые летописи. Радостно отметить, что русские воины бережно относятся к культурным сокровищам! Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело! Славное достижение! Развернулись блистательные крылья победы!

20 сентября 1943

"ОГОНЬ – НА МЕНЯ!"³⁰

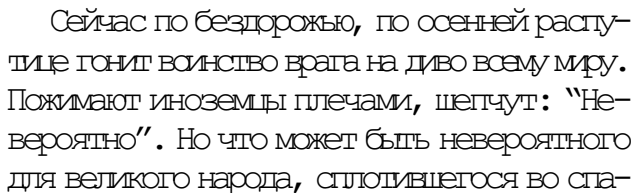
Из Москвы много раз передавали этот героический приказ: "Огонь – на меня!". Высота самопожертвования грозно звучит в слове, самообрекающем на верную гибель. Воин собою, свою жизнь велит направить ору-

дия на него, ибо около — много врагов. Памятник должен быть на месте такого героизма. Молодое поколение должно запомнить, как славно отдавали жизнь за Родину русские воины. В полном сознании, имея возможность отступить, герой предпочитал гибель за Родину. Другой телом своим закрывал дулю пулемета, чтобы спасти своих товарищей.

Велик синодик русского героизма. Вот, воинство наше отменяет врага от Киева, спасает матерь городов русских. Уж, наверно, враги укрепились в Киеве всеми своими средствами. Слишком важен для них был Киев-град великий. И вот, через быстрыны Днепра плывет грозное воинство, окружает неприступную крепость и грудью своею освобождает град, где слагалось столько славных преданий.

Для врага такой удар сокрушителен не только стратегически, но и морально. Зрится враг на Москву, на Ленинград, на Сталинград, думая поразить русское сердце, расшатать устои народа. Но — "огонь — на меня!" — грудью отстояли богатыри свою землю.

Сейчас по бездорожью, по осенней распутице гонит воинство врага на диво всему миру. Пожимают иноземцы плечами, шепчут: "Невероятно". Но что может быть невероятного для великого народа, сплотившегося во спа-

сение Родины? Наполеоновщина кажется малой сравнительно с размахом нынешних событий. (...)

Немецкая армия шла непобедимо, пока не толкнулась о русские твердыни. И разве сокращение фронта сейчас происходит? Происходит поражение под ударами русских войск, под водительством генералов достойных. Нигде не зацепиться "непобедимому" врагу. Даже естественные преграды не спасают его. В днепровских стремнинах тонут враги. Бросают оружие и бегут, бегут!

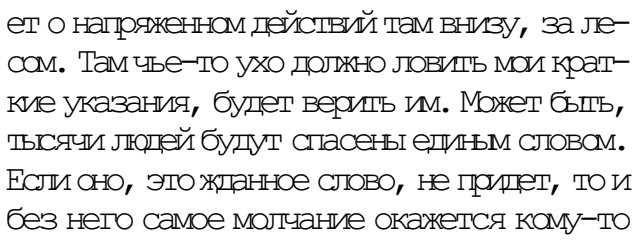
Русский воин зычно на весь мир крикнул: "Огонь – на меня?". Принял герой все стрелы в свой щит, в свое сердце! И спас Родину. Какая славная былина "Огонь – на меня!"

20 октября 1943

НА ВЫШКЕ³¹

"На вышке бывает холодно," – рассказывал наблюдатель, – так пронзительно холодно, шевелиться нельзя. Делаешься не человеком, а мохнатым комом хвой на вершине косямой сосны. Не знаешь, неужели в этом полужамерзшем бездействии заключена важнейшая задача?!

Тоненький, неживой проводок напомина-

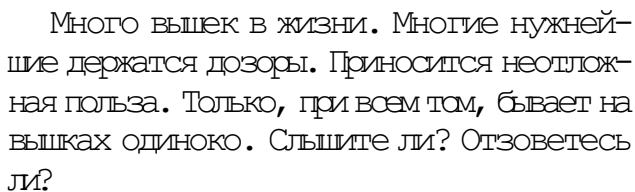
ет о напряженном действии там внизу, за лесом. Там чье-то ухо должно ловить мои краткие указания, будет верить им. Может быть, тысячи людей будут спасены единым словом. Если оно, этожданное слово, не придет, то и без него самое молчание окажется кому-то спасительным.

Но пока холодно на вышке. Точно забытый, точно покинутый, точно ненужный! Шальной снаряд может соскочить и всю сосну и охапку защитной хвоя. Тогда-то дела совершатся и без провода. Может быть, еще лучше совершатся, а вышка окажется вообще ненужной. Тягостно чувство ненужности.

Кто знает, не ушли ли вообще. Не переменилось ли вообще построение. Не забыли ли об одинокой вышке? И знаю, что не забудут, знаю, что вышка эта очень нужна. Но, холодно на вышке. Ветер пронзителен.

Балагуры грегочат: "Эй вы, аисты на крыше. Мы тут гранаты кидаем, а вы шишками сосновыми бросаетесь". Засмеют, не понимают значение вышки. Не знают, как одиноко на вышках.

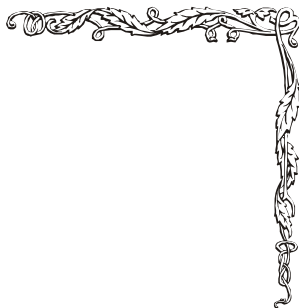
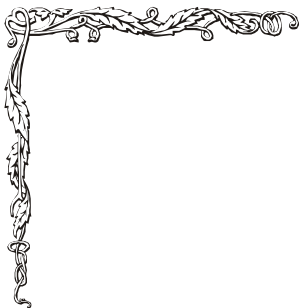
Забьлье! И знаешь, что нужен, а, все же, подчас накипает какая-то ненужность. Поди, уговори себя, что и в молчании держишь нужный взор..."

Много вышек в жизни. Многие нужней-
шие держатся дозоры. Приносится неотлож-
ная польза. Только, при всем том, бывает на
вышках одиноко. Слышите ли? Отзоветесь
ли?

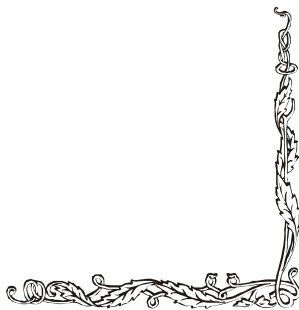
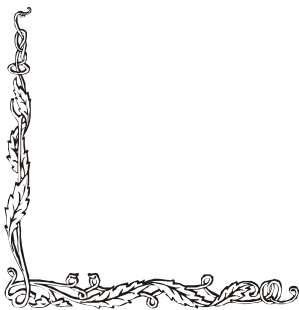
Великая годовщина. Три года войны. Три
года героических подвигов. Три года народ-
ных испытаний и преуспеваний. Победы, рус-
ские победы гремят. От Гималаев сердечный
привет народу русскому.

22 июля 1944

ЧАСТЬ 3

ЖЕМЧУГ ИСКАНИЙ

ДЕВАССАРИ АБУНТУ³²

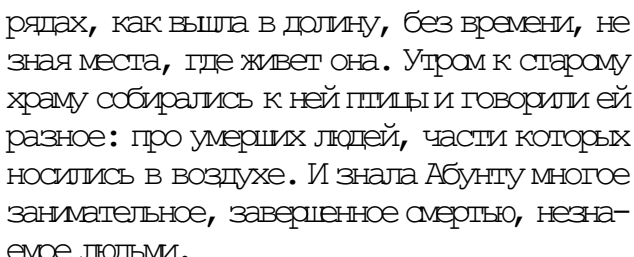
Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Соки, и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали её. Так не искашала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребах и пещерах, и стало землетрясение ещё сильнее, и все были задавлены. И, правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному богу гнев недоступен, и все должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

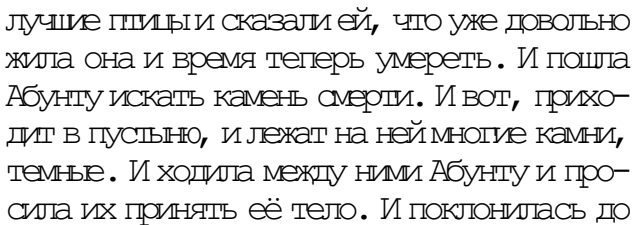
Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же на-

рядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, незнание людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим, грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили её. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы – все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот, слушайте изумительное, Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот, приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ними Абунту и просила их принять её тело. И поклонилась до

земли. И так осталась в поклоне, и сделалась камнем.

Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунгу.

1904

ЛАУХМИ ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА³³

На восток от горы Зент-Лхамо, в светлом саду живет благая Лаухми, богиня Счастья. В вечной работе она украшает свои семь покрывал успокоения, – это знают все люди. Все они чтут богиню Лаухми.

Боятся все люди сестру её Сиву Тандаву, богиню разрушения. Она злая и страшная, и гибельная.

Но вот идет из-за гор Сива Тандаву. Злая пожаловала прямо к жилищу Лаухми. Тихо подошла злая богиня и, умирив голос свой, позвала Лаухми.

Отложила благая Лаухми свои драгоценные покрывала и пошла на зов. А за нею идут светлые девушки с полными грудями и круглыми бедрами.

Идет Лаухми, открыв тело свое. Глаза у нее очень большие. Волосы очень темные. Запястья на Лаухми золотые. Ожерелье – из жемчуга. Ногти янтарного цвета. Вокруг гру-

дей и плечей, а также на чреве и вниз до ступней, разлиты ароматы из особенных трав.

Лаужми и её девушки были так чисто умыты, как после прозы изваяния храма Абенты.

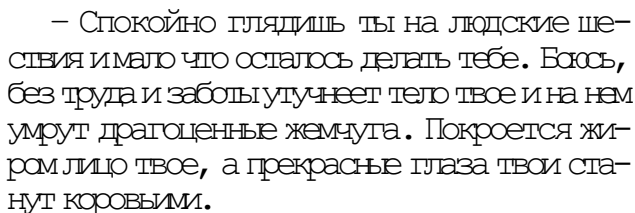
Все доброе ужаснулось при виде злой Сивы Тандавы. Так ужасна была она даже в смиренном виде своем. Из пещей пасти торчали клыки. Тело было так красно и так бесстыдно обросло волосами, что непристойно было смотреть.

Даже запястья из горячих рубинов не могли украсить Сиву Тандаву; ох, даже думают, что она была и мужчиною. Злая сказала:

— Слава тебе, Лаужми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствия. Даже слишком много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты — любящая красоту!

— Ты сделала богатых и дакших. Ты сделала бедных, но получающих, и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми все добрые связи. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души людей приятным сознанием и гордостью. Ты — щедрая.

— Девушки твои мягки и сладки. Юноши — крепки и стремительны. Радостно люди творят себе подобных. Забывают люди о разрушении. Слава тебе!

– Спокойно глядишь ты на людские шествия и мало что осталось делать тебе. Бокс, без труда и заботы утучняет тело твоё и на нём умрут драгоценные жемчуга. Покроется жиром лицо твоё, а прекрасные глаза твои станут коровьими.

– Забудут тогда люди принести приятные тебе жертвы. И не найдёшь больше для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои.

– Вот я о тебе озаботилась, Лаухми, родня моя! Я придумала тебе дело. Мы ведь с тобой близки, и тягостно мне долгое разрушение временем. А ну-ка, давай разрушим все людское строение. Давай разобьём все людские радости. Изгоним все накопленные людьми устройства.

– Разорви твои семь покрывал успокоения, и возрадуюсь я и сразу сотворю все дела мои. И ты возгорись потом, полная заботы и дела, и вновь спрядешь еще лучшие свои покрывала.

– Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов, что даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слезы людей, тебе принесенные...

Подумай, Лаухми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебе, и мне, сестре твоей, они радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в её голову.

Но Лаухми рукою отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Все предложения Сивы Тандавы отвергла Лаухми и сказала:

— Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вшью на покрывалах новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые зачатые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц пошлю к очагам людей добрые мои зачатия.

Так решила Лаухми. Из светлого сада ушла Сива Тандава ни с чем. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждет теперь Сива Тандава долгого разрушения временем. В безмерном гневе иногда потрясает она землю и тогда погибают толпы народов. Но успевает всегда Лаухми набросить свои покрывала покоя, и на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких, торжественных шествиях.

Добрая Лаухми украшает свои покрывала новыми священными знаками.

1908

ГРАНИЦА ЦАРСТВА³⁴

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

– Не увидит царевич границ своего царства. Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войска отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

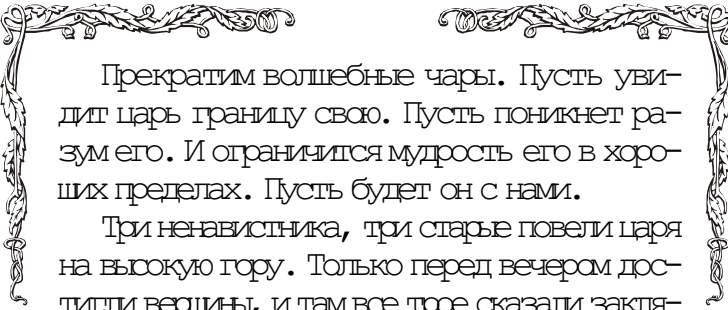
В волнах облачных устигались новые дали. Клубились облака высокими градами.

Всякий раз тогда возвращался царь, силою полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старье зашептали:

– Мы устрашаемся. Наш царь полон странною силою. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старье повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и там все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

– Бог пределов человеческих!

Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением.

На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю.

На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю.

На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю.

Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение!

Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чарыними.

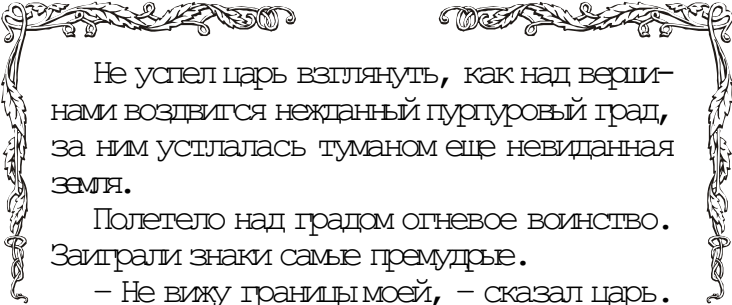
Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алою цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

– Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

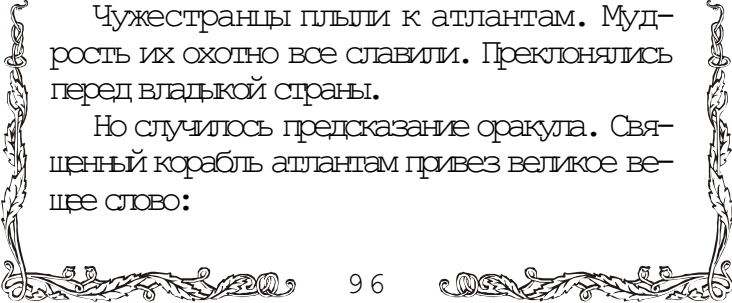
Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

– Не вижу границы моей, – сказал царь. Возвратился царь, духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

1910

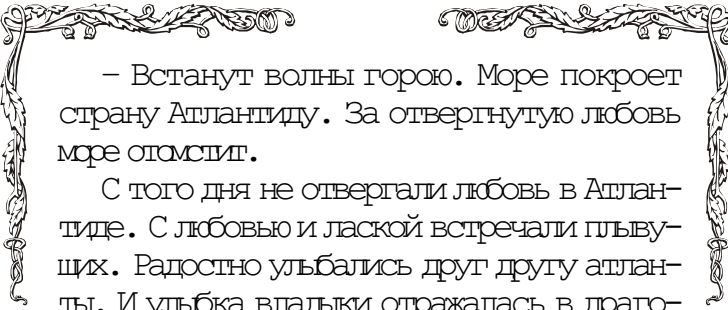
МИФ АТЛАНТИДЫ³⁵

Атлантида – зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владьки, жрецы и мужи, в золото-тканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славил. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещь слово:

— Встанут волны горою. Море покроеет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море опомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось навсегда стать добрыми, так же, как он.

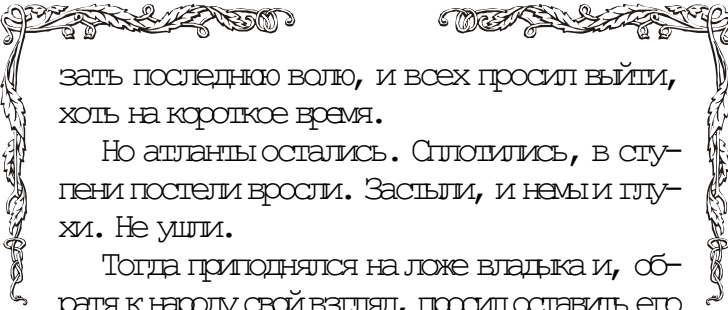
За ним шел толпою народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни

владыка-отец, и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу; все как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне называли её странюю любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: "Он нас любит. Без него мы – ничто. Он – наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!" В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек, встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: "Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри, – вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи, и жены, и дети. Владыко, взгляни!"

Рукой поманил владыко жреца и хотел ска-

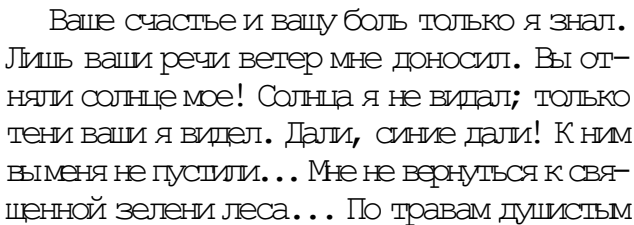
зять последнюю волю, и всех просил выйти, хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Засыли, и немые глухи. Не ушли.

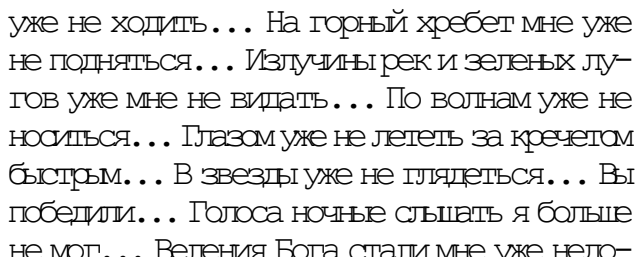
Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукою хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым

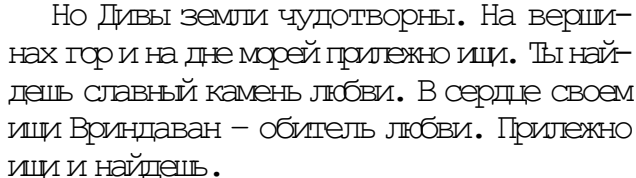
уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видать... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звезды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почувать свет, солнце и волю... Вы победили... Вы все от меня застолчили... Вы отняли все от меня... Я вас ненавижу... Вашу любовь я отверг...

Упал владыко на ложе. И встало море высокой стеной, и скрыло страну Атлантиду.

1912

ЗАПОВЕДЬ ГАЙЯТРИ³⁶

— Птицы Хомы прекрасные. Вы не любите землю. Вы на землю никогда не опуститесь. Птенцы ваши рождаются в облачных гнездах. Вы ближе к солнцу. Размыслим о нем, сверкающем.

Но Дивы земли чудотворны. На вершинах гор и на дне морей прилежно ищи. Ты найдешь славный камень любви. В сердце своем ищи Вриндаван — обитель любви. Прилежно ищи и найдешь.

Да проникнет в нас луч ума. Тогда все под-

вижное утвердится. Тень станет телом. Дух воздуха возвратится на сушу. Сон в мысль превратится.

Мы не будем уносимы бурей. Сдержим крылатых коней утра. Направим порывы вечерних ветров. Слово Твое – океан истины.

Кто направляет корабль наш к берегу? Майи не ужасайтесь. Её непомерную силу и власть мы преидем.

Слушайте! Слушайте! Вы кончили споры и ссоры? Молится Сурендра Гайятри. От каменной города ушел он под сень Араньяни. В благостной тишине он остался.

Но брань воздвиглась. Цари старой земли замыслили разбить священный сосуд. Погибнуть должна была мудрость Нильгири³⁷. Гхат и Кхунда хребты должны были понижнуть. Город Гайя³⁸ погибнет. Фальгу-река зарастет.

Нет средств ужас разбить. Огонь и стрелы. Яд и смертельные громы льются и сверху и снизу. Летят черные пицы.

Люди нашли Гайятри. Люди к нему приступили. Люди требуют помощь. Люди, в беде, принуждают Гайятри изменить благую молитву.

– Забудь благую молитву, Гайятри. Ищи смертное слово. Смертный глаз ты найди. Проси заклятье победы!

– Прощай, Араньяни! Прощай, серебро и золото неба! Прощай, дубрава тихицая!

Гайятри слышит зовы. Гайятри оставляет леса. Гайятри идет на вершину. Гайятри остался один. Гайятри лучом окружлся. Гайятри всюю силою молит:

– Лев и лебедь! Орел и олень! Бык, лев, орел! Бог земли! Бог звезды и луны! Бог света и солнца! Индра!

Не дай черный век. Истошились силы. Уснул священный алмаз! Не отражает блуждающих духов. Не отвращает врагов.

Дай заклетье на злобу! Дай заклетье на силу! Заговор на победу!

Дай врага отразить. Скажи слова Нагаима. Дай силу Екзола. Дай смертное слово. Глаз смертный открой.

Ракшазы людей побеждали. Самьяза, вождь сынов неба, бог змий, и тот учил силе. Азазиель, и тот научил оружие ковать. Амазарака, и тот открыл тайные силы трав и корней. Они – темные, злые. Ничтожные. А Ты можешь. Сила в Тебе.

Атлелу! Атлелу! Атлелу!

Бог слышит Гайятри. Бог просьбу Гайятри исполнит. Бог не даст погибнуть Нильгири. Бог любит мудрость вершин. Бог свершит испытание.

– Не дам тебе ни Екзола, ни Нагаима. Ни против войска, ни для удачи. Не дам тебе Заадотота, ни Аддивата, ни против вражды,

ни для отмщения. Не дам тебе ни Каальбеба,
ни Альсибена, ни против злобы, ни для вреда
и разрыва. Не дам тебе смертное слово. Смер-
тный глаз не открою.

Заклятья все соберу.

Альшиль! Алзелаль! Алальма! Ашмех!

Каальдальбала! Каальда! Кальдебда!

Оставлю! Забуду!

Анакс! Алксер! Атаия! Атарс!

Покончу! Покину!

Дам другое. Вот имеет отражения силу.
Власть никому не откроет. Слушай!

Идет один. Идет мирным. Идет в белой
одежде. Идет без меча.

Все сделанное тебе на них обратится. Все
желаемое тебе – да получат. Зло и добро. Хо-
тящий зло – да получит. Хотящий добро –
да примет. Воздастся каждому. Иди. Не мед-
ли. Испытание конца я свершу.

Альм! Альм! Альгарфельмурок!

Что случилось?

Идет Гайятри. Идет, белый и тихий. Без
копья и меча. Без зла и угрозы.

Что случилось?

Пустили враги в Гайятри стрелы, натерье
ядом. И стрелы их самих поразили. Другие
метнули копья в Гайятри и упали, пронзенны-
ми. Ядом плеснули и попадали в корчах.

Что случилось?

Полчища гибнут своєю рукою. Злобаю дух
переполнен. Местью сердце раздулось.

Что случилось!

Рушат и жгут. Отравили озера и реки.
Бросили огненный дождь. Прокричали про-
клятья. Горят и тонут. В корчах чернеют. Ре-
жут и душат. Сами себя.

Что случилось!

Забыли добро. Утерjali добрую встречу.
Добрый глаз затемнили. Слово ласки убили.

Вот случилось!

Погибли безумные. Силой врагов прошел
Гайятри царство старой земли. Прощел врата
и дворцы, мосты и селенья. Замолчало ста-
рое царство. Погибли безумные.

Гайятри стоит.

Снять власть он не знал. Силу открыть он
не мог. К своим обратиться не смел.

Сложил Гайятри костер. Власть огню пе-
редает. Власть по ветру развеет.

— Пепел священный! Блаженства легкий
покров. Ты покрываешь. Ты очищаешь. Ос-
вобождает.

Но Бог не медлит:

— О пепле не мысли. К своим обернись.
Встреть ребенка. Неси перед собою. Учи. Во
имя Бога двое бороться не могут. Один из них
темный. Темного ты порази.

Я совершил испытание. Опущу в пучину

старую землю. Низвергну негодную. Подниму вершины опять.

Подниму. Испыгаю. На небе и на земле.
Закон я свершу.

Гайятри ребенка нашел. Несет ребенка Гайятрин. Вернулся в Нильтири. Гайятри забыл Араньяни. Оставил дубраву. Гайятри молит глаз добрый открыть. Найти доброе слово.

Слышите, люди!

Около 1916

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ³⁹

(Из книги "Шамбала")

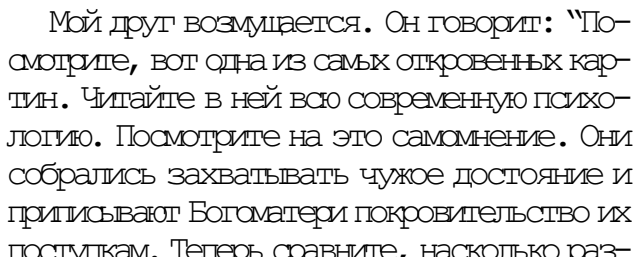
Радж-Раджесвари – Всемогущая Матерь. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И помянув изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Матерь, называют место на Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира, и, окружая всеми вихрями и всем светом, станешь, как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

Разрушаются старые храмы, раскалываются колонны, и в каменных стенах впились снаряды недругов.

“В Гоа приставали португальские корабли. На высоких кормах каравелл золотом сверкали изображения Мадонны, и Ее великим именем посылались ядра в святилище древности. Португальскими снарядами раздроблены колонны Элефанты.

La Virgen de los Conquistadores⁴⁰.

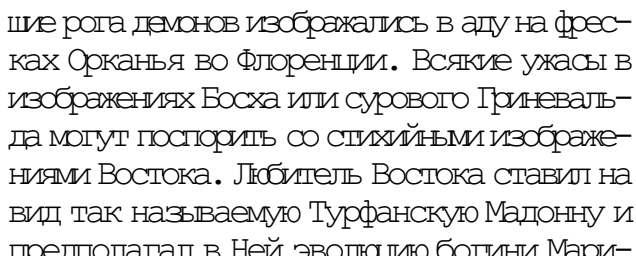
В Севилье, в Альказаре, есть старая картина Алехо Фернандеса, носящая это название. В верхней части картины, в сиянии облаков небесного цвета, стоит Пресвятая Дева с кроткой улыбкой, и под Ее широким плащом собрана и охранена толпа завоевателей. Внизу волнуется море, усеянное галеонами и каравеллами, готовыми к отплытию в далекие страны на чужие земли. Может быть это те же корабли, которые будут громить святилище Элефанты, и кроткой улыбкой Всеблагая Дева провожает завоевателей, точно и она сама с ними восстала на разрушение чужих накоплений. Это уже не грозный Илья Пророк или мужественный Михаил, постоянные воины, но Сама Кроткая подвигнута в народном сознании к бою, точно бы Матери Мира достойно заниматься делами человекоубийства”.

Мой друг возмущается. Он говорит: "Посмотрите, вот одна из самых откровенных картин. Читайте в ней всю современную психологию. Посмотрите на это самомнение. Они собрались захватывать чужое достояние и приписывают Богородице покровительство их поступкам. Теперь сравните, насколько различно настроение Востока, где Благая Кюанин закрывает своим покрывалом детей, защищая их от опасностей и насилия".

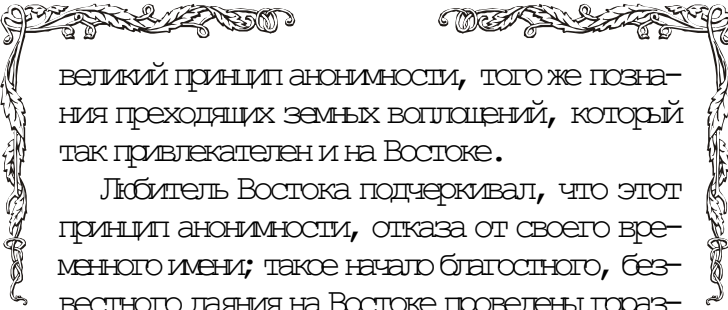
Другой мой приятель защищает психологию Запада и тоже ссылается на изображение, как на истинный документ психологии каждой современности. Он напоминает, как в картинах Сурбарана или Холбейна Пресвятая Дева закрывает своим покрывалом верных, к Ней прибегающих. Из изображений Востока он приводит на память страшных идамов, рогатых, увешанных ужасными атрибутами. Он напоминает о пляске Дурги на человеческих телах и об ожерельях из черепов.

Но носитель Востока не сдаётся. Он указывает, что в этих изображениях нет личного начала, что кажущиеся страшные признаки есть символы необузданных стихий, зная силу которых, человек понимает, что именно надо ему одолеть. При этом любитель Востока указывает, что элементы устрашения применялись всюду, и не меньшее пламя, и не мень-

шие рога демонов изображались в аду на фресках Орканья во Флоренции. Всякие ужасы в изображениях Босха или сурового Гриневальда могут поспорить со стихийными изображениями Востока. Любитель Востока ставил на вид так называемую Турфанскую Мадонну и предполагал в ней эволюцию богини Маричи, которая, будучи раньше жестокой пожирательницей детей, постепенно превратилась в заботливую хранительницу их, сделавшись духовной спутницей Кувера, бога счастья. Вспоминая об этих благих эволюциях и добрых стремлениях, было указано на обьмай, до сих пор существующий на Востоке. Ламы всходят на высокую гору и для спасения неведомых путников разбрасывают маленькие изображения коней, далеко уносимые вихрем. В этом действии есть благость и самоотречение.

На это любителю Востока было сказано, что Прокопий Праведный в самоотверженности отвел каменную тучу от родного города и всегда на высоком берегу Двины молился именно за неведомых плавающих. И было указано, что и на Западе многие подвижники променяли, подобно Прокопию, свое высокое земное положение на пользу мира. В этих подвигах, в этих актах молитв "за неведомых, за несказанных и неписанных" имеется тот же

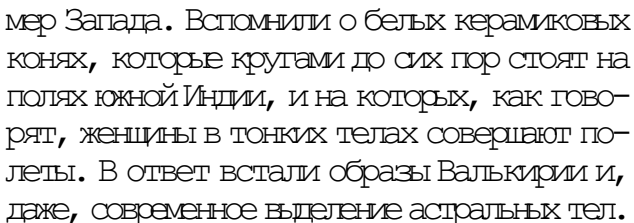

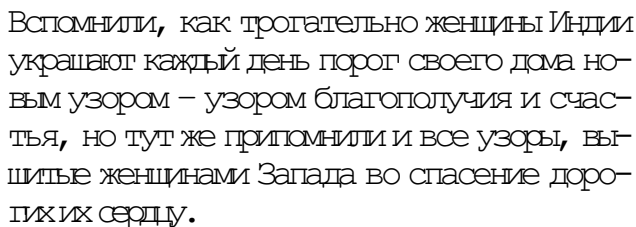
великий принцип анонимности, того же познания преходящих земных воплощений, который так привлекателен и на Востоке.

Любитель Востока подчеркивал, что этот принцип анонимности, отказа от своего временного имени; такое начало благостного, безвестного даяния на Востоке проведены гораздо шире и глубже. При этом вспомнили, что художественные произведения Востока почти никогда не были подписаны, так как даяние сердца не нуждалось в сопроводительной записке.

На это ему было замечено, что и все византийские, старые итальянские, старые нидерландские, русские иконы и прочие примитивы также не подписаны. Личное начало стало проявляться позже.

Заговорили о символах Всемогущества и Всеведения – и оказалось опять, что те же самые символы прошли через самые различные сознания. Разговор продолжался, ибо жизнь давала неиссякаемые примеры. На каждое указание с Востока следовал и пример Запада. Вспомнили о белых керамиковых конях, которые кругами до сих пор стоят на полях южной Индии, и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ встали образы Валькирии и, даже, современное выделение астральных тел.

Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором – узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу.

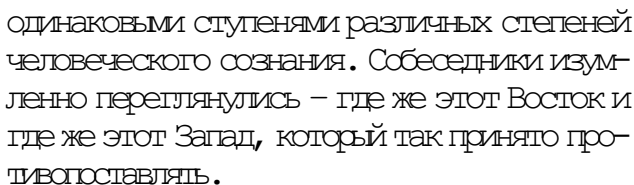
Вспомнили Великого Кришну, благого пастуха, и, невольно, сравнили с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с индусским прототипом. Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи, и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи и сопоставили с венками на реке под Троицын день – обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведьм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы.

Вспомнили Тибетскую некромантию и сопоставили с черной мессой Франции и с сатанистами Крита...

Противопоставляя факты, незаметно начали говорить об одном и том же. Кажущиеся противоположения оказались совершенно

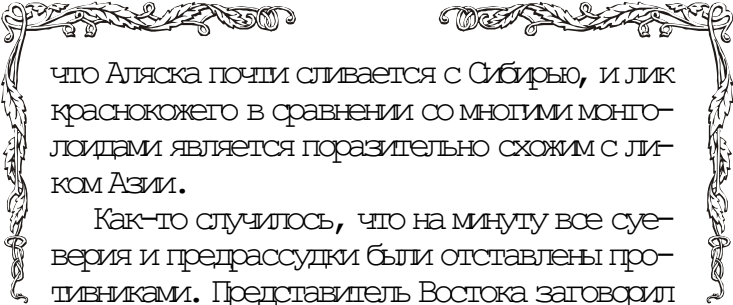
одинаковыми ступенями различных степеней человеческого сознания. Собеседники изумленно переплянули – где же этот Восток и где же этот Запад, который так принято противопоставлять.

Третий, молчаливый собеседник улыбнулся. А где же вообще граница Востока и Запада, и не странно ли, что Египет, Алжир и Тунис, находящиеся на юг от Европы, в общепринятом представлении, считаются уже Востоком. А лежащие от них на Восток Балканы и Греция оказываются Западом.

Припомнилось, как гуляя по берегу океана в Сан-Франциско с профессором литературы, наблюдая солнечный закат, мы спросили друг друга:

“Где мы, наконец, находимся, на крайнем западе или на крайнем востоке?” Если Китай и Япония по отношению к ближневосточной Малой Азии уже считаются Дальним Востоком, то, продолжая взгляд в том же направлении, не окажется ли Америка с ее инками, майями и краснокожими племенами крайним Востоком? Что же тогда делать с Европой, которая окажется окруженной “востоками с трех сторон?”.

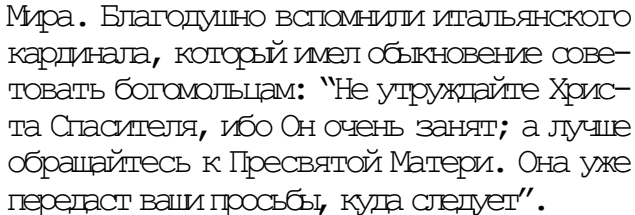
Припомнили, что во время русской революции финны считали Сибирь своею, ссылаясь на племенные тождества. Припомнили,

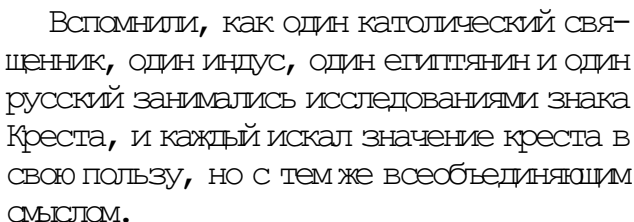

что Аляска почти сливается с Сибирью, и лик краснокожего в сравнении со многими монголами является поразительно схожим с ликом Азии.

Как-то случилось, что на минуту все суеверия и предрассудки были отставлены противниками. Представитель Востока заговорил о Стручице православной церкви, и представитель Запада восхищался образами многорукой, всепомогающей Куанин. Представитель Востока говорил с почитанием о золототканном платье итальянской Мадонны и чувствовал глубокое проникновение картин Дуччио и Фра-Анжелико, а любитель Запада отдавал почтение символам Всеокой, Всезнающей Дуккар. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Всепомагающей и Вседающей. Вспомнили, как мелко вырабатывала народная психология иконографию символов, и какие большие знания остались сейчас нечеткими под смертельной чертою. Там, где ушло предубеждение, и забылся рассудок, там появилась и улыбка.

Как-то облегченно заговорили о Матери Мира. Благодушно вспомнили итальянского кардинала, который имел обыкновение советовать богомольцам: "Не утруждайте Христа Спасителя, ибо Он очень занят; а лучше обращайтесь к Пресвятой Матери. Она уже передаст ваши просьбы, куда следует".

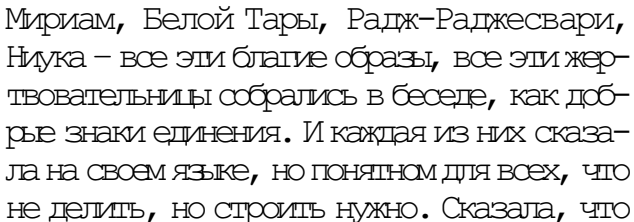

Вспомнили, как один католический священник, один индус, один египтянин и один русский занимались исследованиями знака Креста, и каждый искал значение креста в свою пользу, но с тем же всеобъединяющим смыслом.

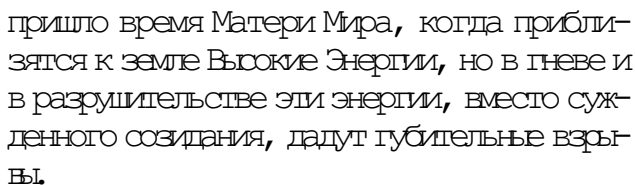
Вспомнили мелькнувшие в литературе попытки объединения слова Христос и Кришна и опять вспомнили об Ивасафе и о Будде, но, так как в этот момент всеблагая рука Матери Мира отстранила все предубеждения, то и беседа протекала в мирных тонах.

Любители Востока и Запада, вместо колыхающих противопоставлений, перешли к строительному восстановлению образов.

Один из присутствующих вспомнил рассказ одного из учеников Рамакришны, каким почитанием пользовалась жена Рамакришны, которую по индусскому обычаю называли матерью. Другой распространил значение этого слова к понятию "материя метрике".

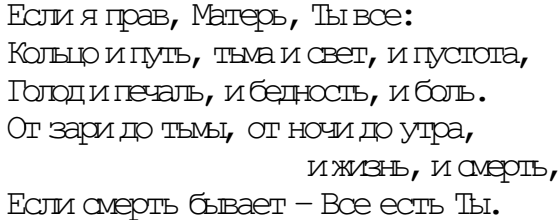
Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Препоблагой Дуккар, Ишгар, Куанин, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука – все эти благие образы, все эти жертвовательницы собрались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что

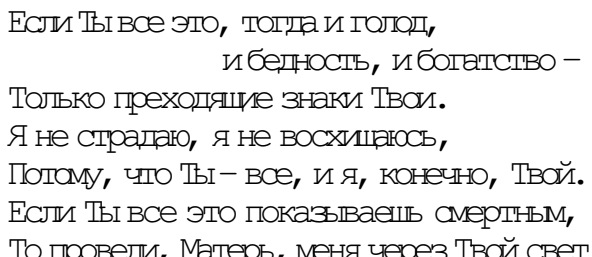
пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии, вместо сужденного созидания, дадут губительные взрывы.

В улыбке единения все стало простым. Ореолы Мадонны, такие одиозные для предрубежденных, сделались научными физическими излучениями, давным-давно известными человечеству аурами. Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания наметилось дуновение эволюции Истины.

Один из собеседников сказал: "Вот мы говорим сейчас о чисто физических опытах – а ведь начали, как будто, о Матери Мира". Другой вынул из ящика стола записку и промолвил: "Современный индус, прошедший многие университеты, обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари:

Если я прав, Матерь, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность, и боль.
От зари до тьмы, от ночи до утра,
и жизнь, и смерть,
Если смерть бывает – Все есть Ты.

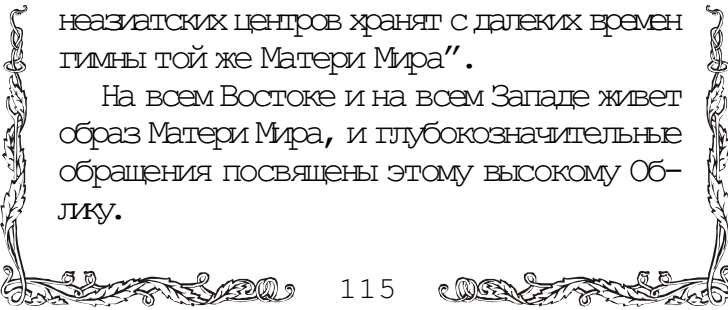

Если Ты все это, тогда и голод,
и бедность, и богатство –
Только преходящие знаки Твои.
Я не страдаю, я не восхищаюсь,
Потому, что Ты – все, и я, конечно, Твой.
Если Ты все это показываешь смертным,
То проведи, Матерь, меня через Твой свет
К Нему – к Великой Истине.
Великая Истина нам явлена только в Тебе.
И затем ввергни куда хочешь мое
бренное тело.

Или окружи его золотом богатства.
Я это не буду чувствовать.
Ибо с Твоим светом я познаю сущее,
Ибо Ты есть Сущее – а я Твой.
Значит, я в Истине!"

Третий добавил: "В то же время на другом
конце мира пакут:

Матерь Света в песнях возвеличим.

А старье библиотеки Китая и древне-среднеазиатских центров хранят с далеких времен гимны той же Матери Мира".

На всем Востоке и на всем Западе живет образ Матери Мира, и глубокозначительные обращения посвящены этому высокому Облику.

Великий Лик часто бывает закрытым, и под этими складками покрывала, сияющего квадратами совершенства, не кажется ли тот же Единый Лик общей всем Матери Сущего!

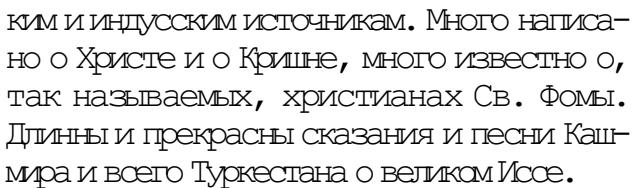
Мир миру!

1928

ЛЕГЕНДА АЗИИ⁴¹

Время от времени ко мне доходят нелегкие слухи о том, что будто бы среди наших хождений по Азии мною открыт какой-то подлинный документ, чуть ли не от времен Христа. Не знаю, кому нужно, и с какой целью выдумывать эту версию, но, со своей стороны, мне хотелось бы утвердить мою точку зрения на этот замечательный предмет, занявший умы не только христианского, но и мусульманского, и буддийского, и индусского миров.

Каждый, соприкасавшийся с различными народами Азии, действительно, в часы сердечности и доверия, слышит многообразные, но всегда благостные сказания о великом Иссе, о Божественном, о Величайшем, о Пророке, о Лучшем из сынов человеческих – каждый по-своему, все о том же, близком сердцу его. Все знают, что существует обширная литература, связанная с именем Христа в Азии, как по Несторианским, так и по мусульманс-

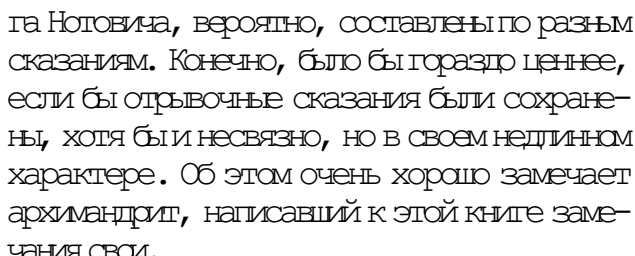

ким и индусским источникам. Много написано о Христе и о Кришне, много известно о, так называемых, христианах Св. Фомы. Длинны и прекрасны сказания и песни Кашмира и всего Туркестана о великом Иссе.

Мусульмане хотят иметь гробницу Христа в Щри-нагаре и мазар Богоматери около Кашгара. Опять-таки, каждый по-своему и все о том же. Мусульмане нам говорили, что они всеми мерами ищут все списки сказаний о Христе и готовы заплатить за них любую цену. Не буду приводить все те многочисленные книги, часто написанные духовными лицами христианства, о "Христе в Исламе", все Аграфы, трактующие о Христе в Персии и Индии.

Действительно, и на юге Индии вы можете слышать замечательные слова индуса о Христе. И Виве-Кананда в Бенгалии находит в себе незабываемую этому характеристику; и Щри Васвами в Синде говорит слушателям своим о заветах Иисуса. Тибетский лама, вместе со священными своими книгами, полагает в субургане заветы Христа; и сартский бакша тоже славословит по пустыням; и князь карашарский удивляет вас знанием многих летучих сказаний.

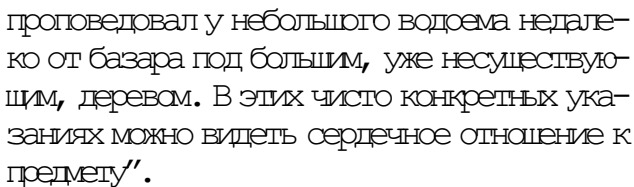
Среди многообразной литературы статьи сэра Лалубай Самгадаса, и пресловутая кни-

га Нотовича, вероятно, составлены по разным сказаниям. Конечно, было бы гораздо ценнее, если бы отрывочные сказания были сохранены, хотя бы и несвязно, но в своем недлинном характере. Об этом очень хорошо замечает архимандрит, написавший к этой книге замечания свои.

В "Алтай Гималаях", говоря о Кашмире, вспоминалась арабская песнь "Когда Христос возносился, славословили все узревшие". И указывалась Кашмирская песнь; "Славословят Христа в лучших словах. Превыше был Он солнца и луны". Итак, на красном ковре восемь мусульман, никем не принуждаемые, славят Христа до полуночи.

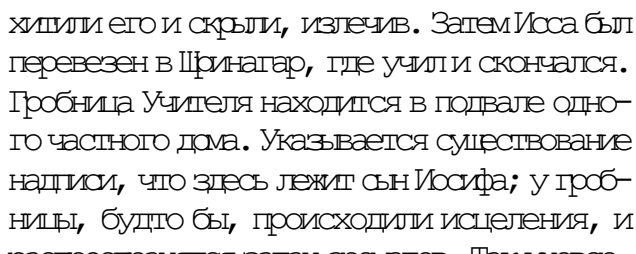
Там же указывалось: "Заметны намеки о втором посещении Христом Египта. Спрашивают, почему Христос не мог быть и в Индии? Кто усумнится, что легенды о Христе существуют в Азии, тем покажет, что ему незнакомо огромное влияние Несториан по всей Азии; и какое множество апокрифических легенд они распространили от древнейших времен". "Никогда не откроются источники легенд этих. Но если даже они произошли от Несторианских апокрифов, то как поучительно видеть их живое распространение и глубокое к ним внимание. Знаменательно слушать, как местный индус повествует, как Христос

проповедовал у небольшого водоема недалеко от базара под большим, уже несуществующим, деревом. В этих чисто конкретных указаниях можно видеть сердечное отношение к предмету”.

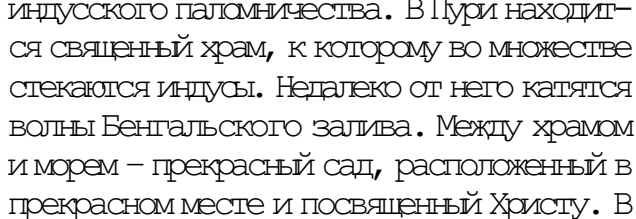
Далее указывается, как “Славословит бакша турфанский, с бубном и ситарою, на гнедом коне: “Божественный Исса в хождении своем повстречал большю голову. На пути лежит мертвая голова великанская. И подумал Исса: от большого человека голова сия великая. И задумал Исса дело доброе – воскресить великую голову. И покрылась голова кожей. И наполнились очи. А и выросло тело, и побежала кровь. И наполнилось сердце. И восстал богатырь-великан, и поклонился он Иссе за воскресение для подвигов во спасение всего человечества”.

И в “Сердце Азии” упоминалось: “В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа во время Его длительного отсутствия, указанного в Писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытье. Ученики по-

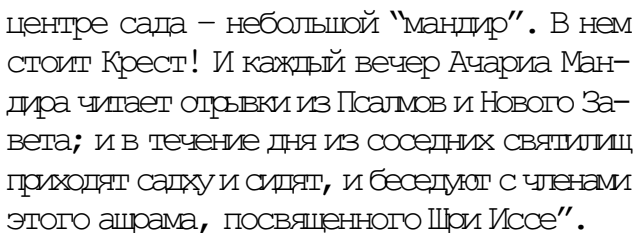

хипили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы, будто бы, происходили исцеления, и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя”.

Спрашивается, какой же злонамеренный ум из этих замечаний выводит легенду о нахождении мною какого-то манускрипта времен Христа? Вместо того, чтобы вместе с нами порадоваться широкому всеобъемлющему проникновению великого понятия Христа-Искупителя, вместо того, чтобы подивиться в сердце своем, какими незапамятными и необъятными путями облетело имя Христа все пустыни, кто-то хочет только затемнить что-то и умалить в каком-то злонамерении.

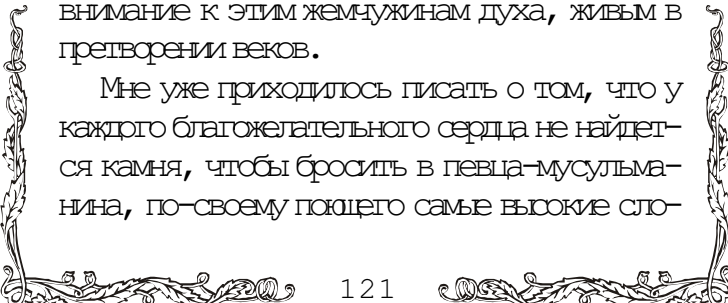
В последнем номере индусского журнала Шри Васвани “Заря” читаем: “Храм Шри Иссы, Пури, является значительным местом индусского паломничества. В Пури находится священный храм, к которому во множестве стекаются индусы. Недалеко от него катятся волны Бенгальского залива. Между храмом и морем – прекрасный сад, расположенный в прекрасном месте и посвященный Христу. В

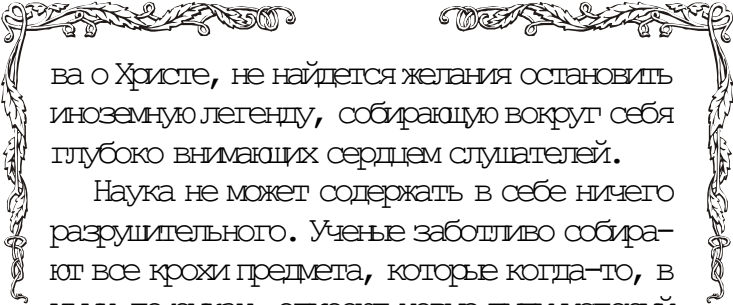
центре сада – небольшой “мандир”. В нем стоит Крест! И каждый вечер Ачариа Мандира читает отрывки из Псалмов и Нового Завета; и в течение дня из соседних святилищ приходят саджу и сидят, и беседуют с членами этого ашрама, посвященного Шри Иссе”.

Опять не знаю, насколько точно формулирована действительность, но, даже в намеке своем, она содержит элементы благости, которым можно порадоваться, если чье-то сердце не засохло и не раскалилось на угольях озлобления.

Поучительно встречать в самых неожиданных местах сердца Азии Несторианские кладбища с крестом надгробий. Интересно видеть ханские монеты с изображением креста и знакомиться с обширной литературой о пресвитере Иоанне. Во всяком случае, мы должны быть признательны даже выдумщикам об отрывком мною манускрипте, ибо они кляветою своею опять дают возможность, хотя бы и обратным подходом своим, вызвать еще одно внимание к этим жемчужинам духа, живым в претворении веков.

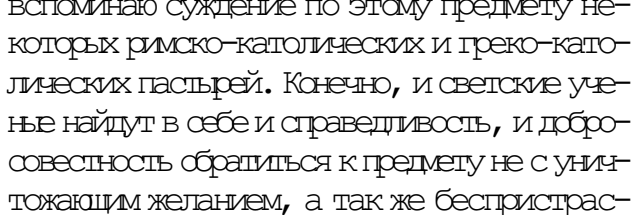
Мне уже приходилось писать о том, что у каждого благожелательного сердца не найдется камня, чтобы бросить в певца-мусульманина, по-своему поющего самые высокие сло-

ва о Христе, не найдется желания остановить иноземную легенду, собирающую вокруг себя глубоко внимающих сердцем слушателей.

Наука не может содержать в себе ничего разрушительного. Ученые заботливо собирают все крохи предмета, которые когда-то, в чьих-то руках, откроют новые пути историй народов. Путь невежественного отрицания приводит лишь к разложению, а честное познание, прежде всего, строительно в существе своем, и, в благородстве духа своего, не может заниматься никакими бессмысленными умалениями. Мы можем проверять, можем накапливать отрывочные искры народной памяти, которая, в своей возвышающей легенде, дает истинный всеобъемлющий смысл, в свое время неоцененный.

Было бы непозволительною невежественною трусостью скрыть эти благостные легенды, открывающие драгоценные тайники души народной и соединяющие то, что было разделено по скудоумию. С истинною радостью вспоминаю суждение по этому предмету некоторых римско-католических и греко-католических пастырей. Конечно, и светские ученые найдут в себе и справедливость, и добросовестность обратиться к предмету не с уничтожающим желанием, а так же беспристраст-

тно, справедливо и тепло, как согрела легенда Азии бесчисленные сердца народов.

Ещё раз спасибо клеветникам, дающим мне возможность вновь произнести эти слова во Благо.

Гималаи, 1931

МЕЧ ГЕСЕР ХАНА⁴²

(Лахуль)

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет, и Китгай, и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех Перевозных средствах. Надо его побережь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции — "Майтрейя". С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский художник, писавший это Знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего Знамя китайскими шелками, и Знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Било по лбу Хотанского амбана и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Ша-рагольчах. Теперь оно в Гималайском Институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные

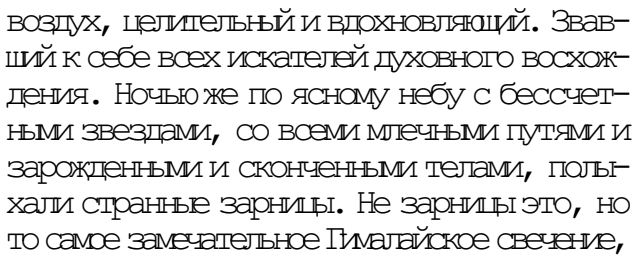

травы Гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

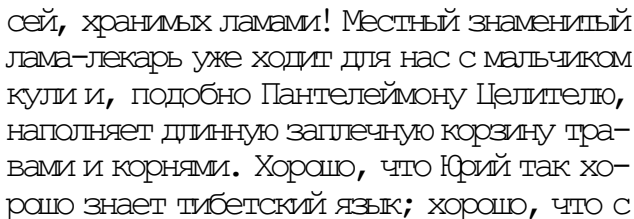
Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые восходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них — несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гесер Хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к жизни странному, увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы идем в Лахуль. Опять продолжение экспедиции. Как будто, так же, как бывало. С той разницей, что там никакая почта, никакие сведения из здешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый

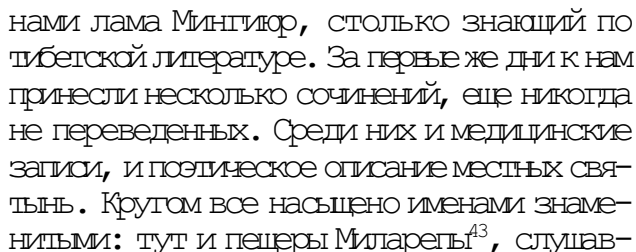

воздух, целительный и вдохновляющий. Звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бесчисленными звездами, со всеми млечными путями и зарожденными и сконченными телами, полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное Гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахуль. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры опшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелой круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Кейлангом раскинулась мощная гора Колокола – “Духовного отдохновения”, со своею священной трехглавою вершиною подобно нарбу-ринпоче.

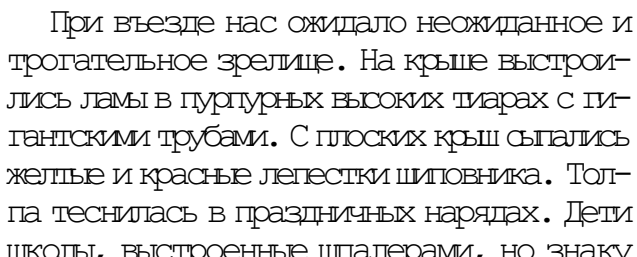
Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами! Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону Целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юфий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с

нами лама Мингиор, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи, и поэтическое описание местных святых. Кругом все насыщено именами знаменитыми: тут и пещеры Миларепы⁴³, слушавшего на заре голоса дэв; тут был и Падма Самбхава⁴⁴, и Джава Гузампа; и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималеев.

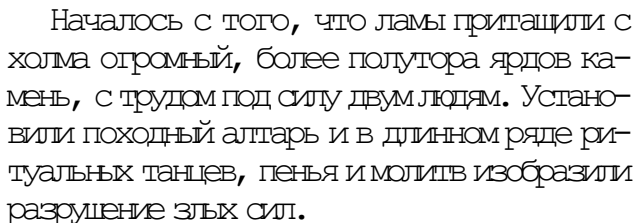
Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. "Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини". Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов – там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку Такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, непрямое наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север.

Незабываем прием, устроенный нам в Кейланге, столице Лахула. Увешанные цветочными гиляндами, предшествуемые трубами и барабанами, въезжали мы в Кейланг.

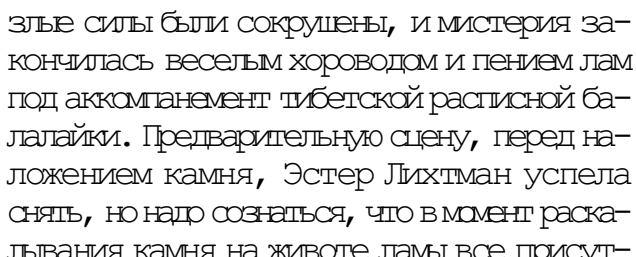
При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами, но знаку визиря области кричали приветствия. А на арках и домах цвелись плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского Института, мы были встречены еще ламскими трубами, а дочь соседа Ану в бирюзовом высоком кокшнике поднесла священное молоко яка. Так Кейланг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламскую мистерию — «Разбиение камня». Группа странствующих лам из Слите на нашем дворе дала эту всеобщую, еще неизданную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнал Института.

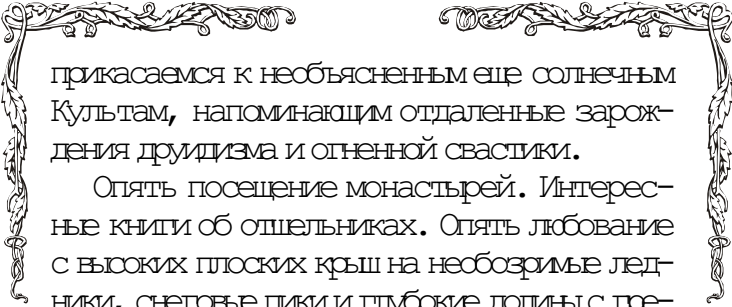
Началось с того, что ламы пригласили с холма огромный, более полутора ярдов камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо, иначе, два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полшутильная интермедия. В ней, под видом пастуха, являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шутильные элементы замолкли, и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лег на землю, и двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко круглый бульжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силою бросил. При этом вторичном ударе длинный камень, к изумлению присутствующих, с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом тяжкий материальный мир был побежден,

злые силы были сокрушены, и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену, перед наложением камня, Эстер Лихтман успела снять, но надр сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжести формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжести и действительные общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

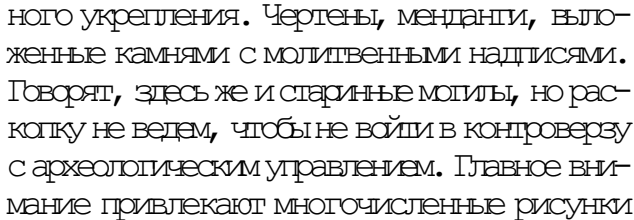
К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мингиюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом, еще раз убеждаемся, что чертены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие, священные бараны – символы света и искатели, их неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных Культов. Здесь мы опять

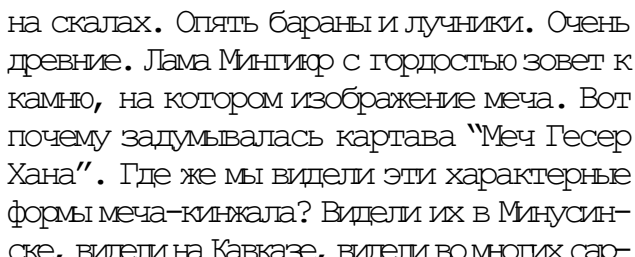
прикасаемся к необъясненным еще солнечным
Культам, напоминающим отдаленные зарож-
дения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интерес-
ные книги об отшельниках. Опять любование
с высоких плоских крыш на необозримые лед-
ники, снеговые пики и глубокие долины с гре-
мящими потоками. Тут и гора "духовного от-
дохновения", тут и пик М.⁴⁵, тут и манящие
пути и на Ладак, и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их "Чер-
товыми плясками". "Бросьте эту глупую клич-
ку! Танцы лам имеют глубокое символическое
значение". "А как же рога?". "Покровители
животного царства и повелители стихий име-
ют этот символ, да не имеют ничего общего с
бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога,
ох, уж это незнание!". Танцы, после долгого
ритуала, полного вековых движений, закон-
чились мистерией, посвященной черноголово-
му ламе, поразившему нечестивого царя Лан-
дарму, жестокого гонителя веры.

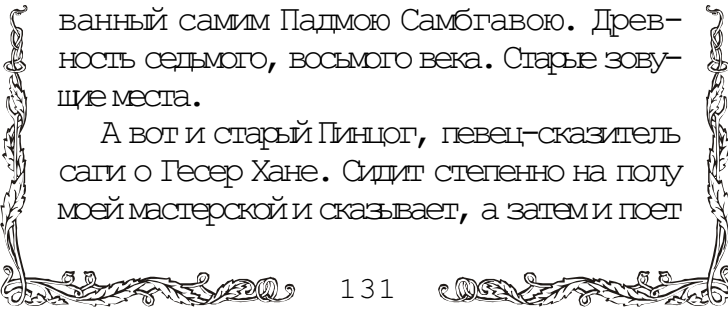

Древнее урочище Карга. Остатки старин-
ного укрепления. Чертены, манданти, вло-
женные камнями с молитвенными надписями.
Говорят, здесь же и старинные могилы, но рас-
копку не ведем, чтобы не войти в контроверзу
с археологическим управлением. Главное вни-
мание привлекают многочисленные рисунки

на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиор с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картава "Меч Гесер Хана". Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям, к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гесер Хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

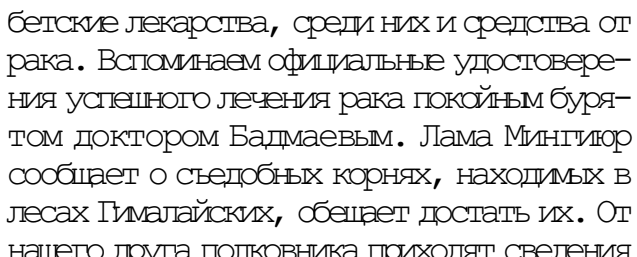
А напротив, за рекою, высоко на скале древнейшей монастырь края Гандро-Ла, основанный самим Падмою Самбгавою. Древность седьмого, восьмого века. Старые зовущие места.

А вот и старый Пинцог, певец-сказитель саги о Гесер Хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет

речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев, и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено: как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. "А знаете ли вы здесь, что в Каме есть палаты Гесер Хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гесер Хана?". "Не только в Каме, но и в Цанге воины Гесера сложили такой памятник", - вставляет слово при молчании лама. В один раз певцу не сказать всех Гесера подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя - Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии! Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джумне, держась за хвост тигра. И это - вовсе не сказка.

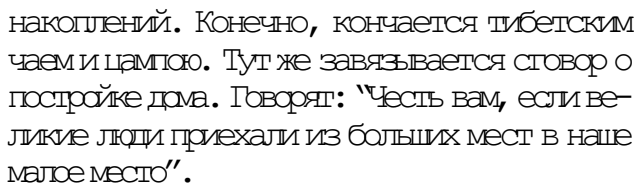
Доктор Индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на Гималайских высотах.

Из Таши Лунпо лама доктор приносит ти-

бетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурят-ом доктором Бадмаевым. Лама Минггюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах Гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злых действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура⁴⁶ из Колонга, Фратапа Чанда или, по-тибетски, Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Стул сверкают серебром и китайской парчой. Гремят трубы лам. Прежде всего, зовут на торжественную службу в домашнюю молельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала⁴⁷, и Ригден Джапо⁴⁸, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги, и доски для печатания. Это – не простой дом: такур – глава края, и в семье много

накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается стовор о постройке дома. Говорят: "Честь вам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место".

И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу называется еще место около Трилокната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ. Говорится, что, когда пришли воины Гесер Хана, то старые лахульцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахула — на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина "Ментиры в Гималаях" будет напоминать о ментиро подобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними ментирами Тибета, от крышки нашей экспедицией в 1928 г., подобными ментирам Карнака.

Картина "Три меча" пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Кейланга, главного города Лахула. Лахуль, в испорченном произношении, означает южный Тибет.

Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения.

Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения остготов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахула и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип Буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной Бон-по), Льва Коней Гесер Хана, ремиозных надписей, чертен и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским Бон-по и прочими культурами огня, еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному дриидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений.

Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах д-ра Франке, 1923) – горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслонений – от древних (сходных со шведскими hallristingor⁴⁹),

до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Кроме горных козлов во всевозможных комбинациях, можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки древнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями дает любопытные изучения.

К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Кейланга (Лахуль) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов Минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни, тем более, выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную веху. Не забудем, что старей католический миссионер сообщал, что место Лхассы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построений, так расцветшие в формах "романского стиля". Де Ла Балле Пуссен сообщает об иноземцах, строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ифилы к племени Галы, что, по его заключению, означает Готы. Все такие знаки

очень полезны в теме о великом переселении народов.

Телеграмма из Ле. Экспедиция Института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Спять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей Азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние Гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на эти сияния. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

А вот и редкое изображение самого Великого Гесер Хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гесер Хана. Но стоят они близко – это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

Кейланг, 1931

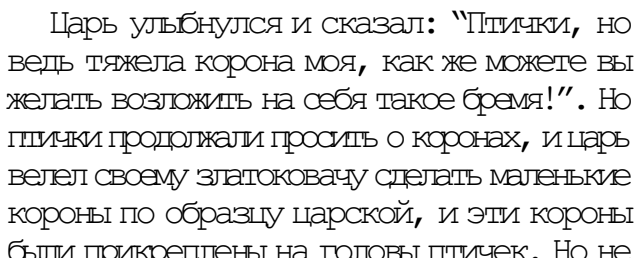
ЦАРЬ СОЛОМОН⁵⁰

(Из книги "Шамбала")

До сих пор по просторам Азии летает царь Соломон на своем чудесном летательном приборе. Многие горы Азии увенчаны или развалинами, или камнем с отпечатками ступни великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы. Это все – так называемые троны Соломона. Великий царь прилетал на эти горы молиться. На эти высоты он уходил от тягот царствования для возношения Духа. Горы Соломона, тайники сокровищ Соломона, Премудрость Соломона, таинственная власть перстня Соломона, Соломонова печать с познанием света и тьмы – кому же другому столько удивления и почтения принесла Азия?

Самые таинственные предметы и образы связаны с именем Соломона. Самые оккультные из птиц считаются удодами, и эта птичка также связана легендой с царем Соломоном.

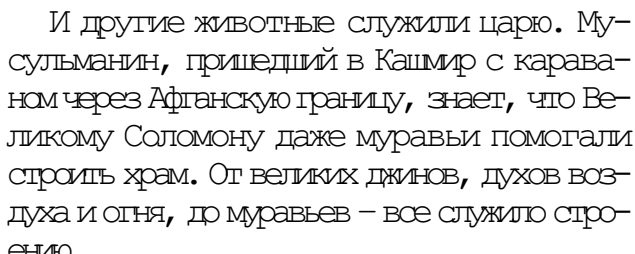
Охраняли удоды покой царя Соломона во время его великих трудов и, вернувшись от трудов, царь спросил птичек, что они хотели бы получить в награду. Птички сказали: "Дай нам, царь, золотые короны твои, они так прекрасны, и мы не видели ничего более чудесного, как ты, когда надеваешь свою корону".

Царь улыбнулся и сказал: "Птички, но ведь тяжела корона моя, как же можете вы желать возложить на себя такое бремя!". Но птички продолжали просить о коронах, и царь велел своему златоковачу сделать маленькие короны по образцу царской, и эти короны были прикреплены на головы птичек. Но не успел пройти самый короткий срок, как птички снова слетелись к царю, и устало поникли под золотыми коронами их головки.

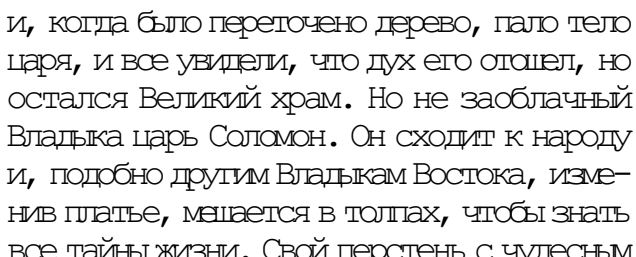
Они просили: "Царь, освободи нас от корон. Прав Ты был, мудро предупреждая нас! Что мы можем знать, мы, малые! Можем ли мы знать, что за блеском и очарованием скрывается тягота – освободи нас, царь".

Царь сказал: "Видите, неразумные, к чему привело ваше стремление к бременю. Хорошо, будь по-вашему, будут сняты короны золотые – но пусть вы носите всегда на себе воспоминание о неразумном стремлении вашем к короне. Отныне носите корону из перьев, она не отяготит вас, ибо она будет только короною того тайного царства, о котором вы знали, служа труду моему". Итак, птица удод – самая оккультная птица, которая знает многие тайны, носит корону из перьев. Если удод провожает караван или лодку, люди говорят – это к доброму пути; птица царя Солмона знает, что делает.

И другие животные служили царю. Му-
сульманин, пришедший в Кашмир с карава-
ном через Афганскую границу, знает, что Ве-
ликому Соломону даже муравьи помогали
строить храм. От великих джинов, духов воз-
духа и огня, др муравьев – все служило стро-
ению.

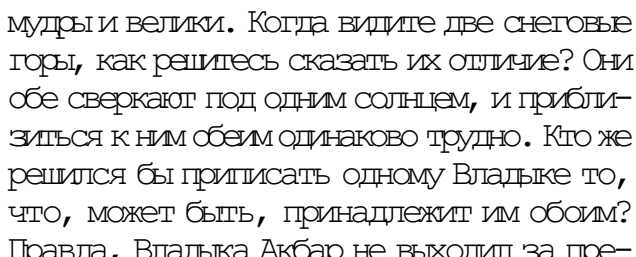
В неустанной молитве царь Соломон бе-
зостановочно управлял силами природы для
создания чудесного храма. Когда истощились
силы царя и он знал, что приблизилось время
отхода в другой мир, он оставил завет джи-
нам и без него докончить постройку. Но буй-
ные стихийные духи дали ответ, что они по-
винуются лишь царю Соломону здесь на зем-
ле, и без него они свободны от заклятия. И
укрепился духом царь Соломон, и, опершись
на посох, он остался в храме, призывая все
силы к работе. Тут же и отошел он, но тело
его осталось неподвижным и непреклонным,
чтобы не отлетели буйные джины. И никто
из живущих и никто из джинов не знал, что
ставший на молитву царь уже отошел. И стра-
шились все подойти к неподвижному Влады-
ке и напрягали все усилия довершить строе-
ние. И окончен храм, но Владыка недвижим.
Кто же решился нарушить его устремление?
Но самый меньший из сотрудников царя –
муравей – начал подтачивать царский посох,

и, когда было переточено дерево, пало тело царя, и все увидели, что дух его отошел, но остался Великий храм. Но не заоблачный Владыка царь Соломон. Он сходит к народу и, подобно другим Владыкам Востока, изменив платье, мещается в толпах, чтобы знать все тайны жизни. Свой перстень с чудесным камнем, в котором была заложена основа мира, царь Соломон оставляет на хранение жене своей, царице Египта. Но хитер и искусен Египетский жрец, прибывший с царицей. Он меняет голос и облик и под видом царя овладевает перстнем. А сам Владыка обречен на долгие годы скитания, пока снова истина не восстановлена. Так, все необыкновенное, необычайное связывают народы Востока с царем Соломоном. Он восходил на горы, он спускался под землю, он встречал царей и исчезал в народных толпах. В старом царстве Уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мещается и с царем Александром, и с великим Акбаром⁵¹. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя, и собирателя Индии.

“Кажется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?”.

Старый, седобородый мусульманин в зеленой чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: “Оба Владыки были

мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обоим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что, может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял ее, оставаясь внутри ее, и мы не знаем, которые джины служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету и учился правде во всех странах, и даже он был на далеких звездах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах. Мы даже одеваем темные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска”.

На горе Мория⁵² сокровищница Соломона. Но не только во Храмах мудрость Соломонова знаки. По указаниям Библии открыл инженер Хаммон в Родезии богатейшие рудники Соломона. И Соломонова звезда сохранила для математиков ценнейшие соображения⁵³.

“И это пройдет!”⁵⁴, – так ободрил мягущееся человечество царь Соломон. И вечна в красоте своей “Песнь песней”.⁵⁵

1928

МАЙТРЕЙЯ⁵⁶

На пальмовой коре острой иглою, по-сингалезски, пишет приветливый бикху⁵⁷. Докучает ли он? Пишет ли просьбу? Нет, он, улыбаясь, шлет привет в далекую Заокеанию. Привет добрым, хорошим людям.

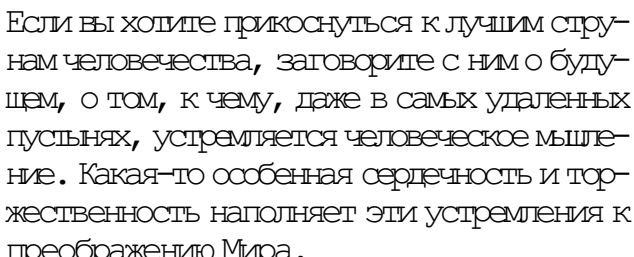
И не ждет ответа. Просто добрая стрела в пространство.

В Канди, в древней столице Ланки-Цейлона, водят нас по старым знакам прошлого. Храм священного зуба, Храм Паранирваны, чудесное хранилище священных книг в чеканных серебряных покрывах-переплетах. "А что же там, в маленьком запертом храме?" – "Там Храм Майтрейи, Владыки будущего". – "Можно войти?" Проводник, улыбаясь, отрицательно качает головой. "В этот храм никто, кроме главного священнослужителя, не входит." Так не должно быть осквернено светлое будущее. Знаем, живо оно. Знаем, символ его – Майтрейя, Метрейя, Майтри – любовь, сострадание. Над этим светлым знаком всепонимания, всевмещения строится великое будущее. Произносится оно самым священным углублением. Не должно быть оно оскверняемо легкомыслием, лобызством, поверхностью и сомнением. В лучших выражениях говорят Вишну-Тураны и все другие

Пураны⁵⁸, т. е. старинные заветы о том светлом будущем, которому служит все человечество, каждый по-своему.

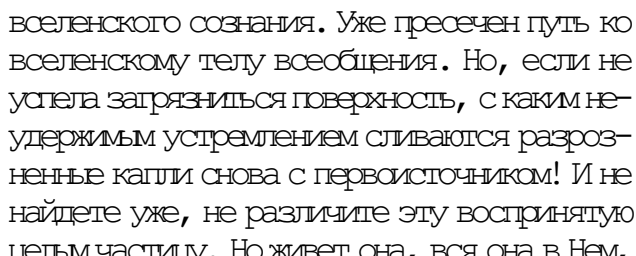
Мессия, Майтрейя, Мунтазар, Митоло и весь славный ряд имен, многообразно выражающих то же самое сокровенное и самое сердечное устремление человечества. Особенно восторженно говорят пророки о будущем. Перечтите все страницы Библии, где выражено самое светлое чаяние народа; перечтите заповедь Будды о Майтрейе; просмотрите, как светло говорят мусульмане о пророке будущего.

Как прекрасно говорит Индия о конце черного века, Кали Юги, и блистательном начале белого века, Сатии Юги. Как величественен облик Калки Аватара⁵⁹ на белом коне! И так же сердечно ожидают далекие Ойроты белого Бурхана. Наши староверы, подвижнически идущие искать Беловодье в Гималаях, делают этот трудный путь лишь во имя будущего. Во имя того же светлого будущего лама, прослезившись, рассказывает о сокровищах и магии великого Ригден-Джапо, который уничтожит зло и восстановит справедливость. К будущему ведут победы Гесер Хана. На каждый новый год китаец зажигает свечи и молится Владыке будущего. И оседлан белый конь в Исфагани для великого Пришествия.

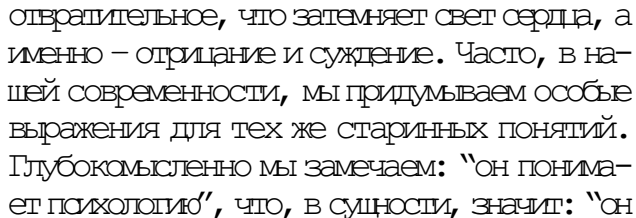
Если вы хотите прикоснуться к лучшим струнам человечества, заговорите с ним о будущем, о том, к чему, даже в самых удаленных пустынях, устремляется человеческое мышление. Какая-то особенная сердечность и торжественность наполняет эти устремления к преобразению Мира.

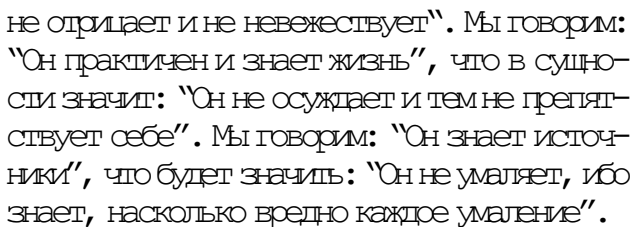
В самые мрачные времена, среди тесноты недомыслия, особенно звучно раздавался ободряющий глас о великом Пришествии, о Новой Эре, о времени, когда человечество сумеет благоразумно и вдохновенно воспользоваться всеми сужденными возможностями. Каждый по-своему толкует этот Светлый Век, но в одном все одинаковы, а именно, каждый толкует его языком сердца. Это не безразличный эклектизм. Наоборот, как раз обратное, со всех сторон – к одному. Ибо в каждом человеческом сердце, во всем царстве человеческого живет одно и то же стремление к Благу. И стремятся воссоединиться в сущности своей эти рассеянные ртутные шарики, если они не слишком отяжелелись маслом и не слишком замохнатились пылью. Какая очевидность в этом простейшем опыте внешнего загрязнения ртутных шариков! Еще можно заметить трепетание внутреннего вещества, но уже осквернена поверхность, и замазнена по-стороннею мерзостью, и отчуждена этим от

вселенского сознания. Уже пресечен путь ко вселенскому телу всеобщения. Но, если не успела загрязниться поверхность, с каким неудержимым устремлением сливаются разрозненные капли снова с первоисточником! И не найдете уже, не различите эту воспринятую целым частицу. Но живет она, вся она в Нем, в Великом. Всеединость обобщила ее и усилила до вселенского понятия. Все учения знают это вселенское тело под разными именами.

В самых неожиданных проявлениях встречаемся с объединительными знаками. В посмертных заметках старцев пустынь были иногда находимы неожиданные начертания о Гималаях. Эти записи, мандалы⁶⁰ и другие неожиданные знаки вызывали недоумение и удивление. Но лама далекого, горного монастыря, спрошенный об этом, улыбается и замечает: "Поверх всех разделений существует великое единение, доступное лишь немногим". Итак, сливается мышление, казалось бы, самых удаленных человеческих индивидуальностей. В этих высших знаках стирается самое отвратительное, что затемняет свет сердца, а именно – отрицание и суждение. Часто, в нашей современности, мы придумываем особые выражения для тех же старинных понятий. Глубокомысленно мы замечаем: "он понимает психологию", что, в сущности, значит: "он

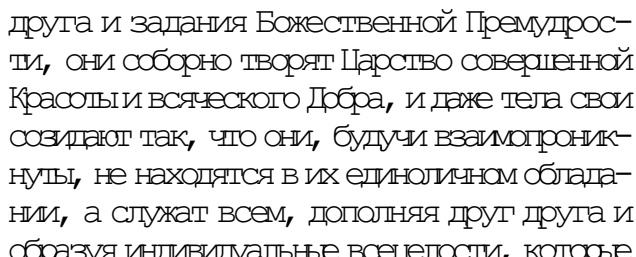

не отрицает и не невежествует". Мы говорим: "Он практичен и знает жизнь", что в сущности значит: "Он не осуждает и тем не препятствует себе". Мы говорим: "Он знает источники", что будет значить: "Он не умаляет, ибо знает, насколько вредно каждое умаление".

В "Воскресении во плоти" Н.О. Лосский⁶¹ замечает:

"Деятель, противопоставляющий свои стремления стремлениям всех других деятелей, находится в состоянии обособления от них и обрекает себя на то, чтобы пользоваться только собственной творческой силой; поэтому он способен производить лишь самые упрощенные действия, вроде отталкивания. Выход из этого обнищания жизни достигается путем эволюции, осуществляющей все более и более высокие ступени конкретного единосущия".

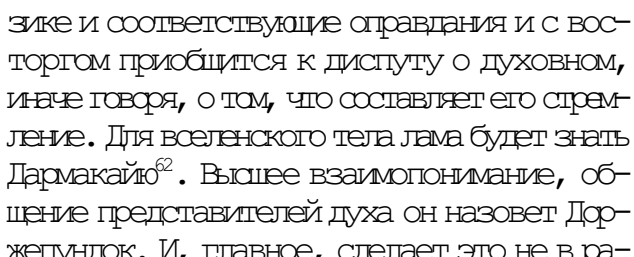
"Члены Царства Божия, не вступая ни к кому в отношение противоборства, не совершают никаких актов отталкивания в пространстве, следовательно, не имеют материального тела; их преобразованное тело состоит только из световых, звуковых, тепловых и т. п. проявлений, которые не исключают друг друга, не обособлены эгоистически, но способны к взаимопроникновению. Достигнув конкретного единосущия, т.е. усвоив стремления друг

друга и задания Божественной Премудрости, они соборно творят Царство совершенной Красоты и всяческого Добра, и даже тела свои создают так, что они, будучи взаимопроникнуты, не находятся в их единоличном обладании, а служат всем, дополняя друг друга и образуя индивидуальные всецелости, которые суть органы всеохватывающей целостности Царства Божия. Свободное и любовное единодушие членов Царства Божия так велико, что все они образуют, можно сказать, "Единое Тело и Един Дух" (Ап. Павел, к ефес. 4:4)".

"Что касается сверхпространственности, значение ее хорошо выяснено в творениях Отца Церкви, св. Григория Нисского: "Душа не протяженна", – говорит он, – "И потому естеству духовному нет никакого труда быть при каждой из стихий, с которыми однажды вступило оно в сопряжение при растворении, не делясь на части противоположностью стихий; естество духовное и непротяжное не терпит последствий расстояния. Дружеская связь и знакомство с бывшими частями тела навсегда сохраняется в душе".

Кому же особенно ясны и близки будут слова нашего знаменитого современного философа? Конечно, высокий лама найдет и сердечный ответ, и благостное понимание. Больше того, он найдет в своей реальной метафи-

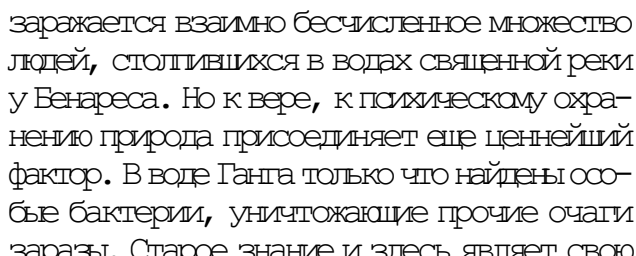

зике и соответствующие оправдания и с восторгом приобщится к диспуту о духовном, иначе говоря, о том, что составляет его стремление. Для вселенского тела лама будет знать Дармакайю⁶². Высшее взаимопонимание, общение представителей духа он назовет Доржегундрок. И, главное, сделает это не в разобщении, не в оспаривании, но в добром общении, в котором так легко стираются вредоносные перегородки.

Там же, на Востоке, поймут и С.Метальникова о бессмертии одноклеточных. Идея единости, неделимости, неразрушимости будет оценена. Тот, кто понимает Джарму⁶³, тот может говорить и о бессмертии. Так же благосно поймут и Брогли, и Милликена, и Рамана, и Эйнштейна. Лишь бы язык был. Нужно знать для понимания и внешний, и внутренний язык. Нужно знать не только внешний иероглиф. Необходимо знать происхождение знака, нарастание символа, чтобы непонятая внешность не явилась новой перегородкою.

Во Благе разве трудно сойтись? Для кого-то священность Ганга – суеверие. Но истинный ученый и здесь отдает должное народной мудрости.

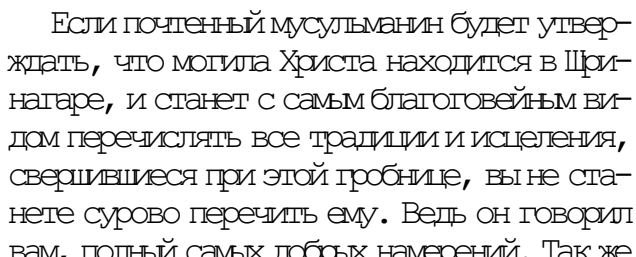
Так прекрасно прикасание к фактам, основам народной мудрости. Священной почитается вода Ганга. Поразительно, насколько не

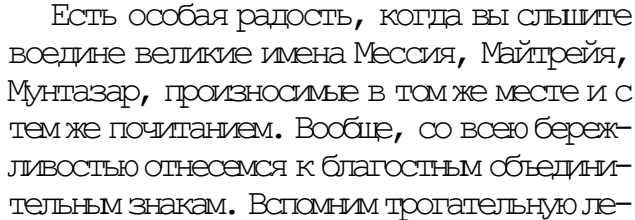
заражается взаимно бесчисленное множество людей, столпившихся в водах священной реки у Бенареса. Но к вере, к психическому охранению природа присоединяет еще ценнейший фактор. В воде Ганга только что найдены особые бактерии, уничтожающие прочие очаги заразы. Старое знание и здесь являет свою прочную основу.

Трогательны все объединительные знаки. Буддисты видят икону Св. Иоасафа, Царевича Индийского, и хотят иметь копию ее. Ламы видят фреску Нардо ди Чионе в Пизанском Кампо Санто, и начинают пояснять содержание ее и значение изображенных символов. Когда же вы прочтете им из "Золотых легенд" о Св. Иоасафе, они будут приветливо улыбаться. И в улыбке этой будут те же благость и вмещение, которые уделили место Аристотелю на портале Шартрского Собора вместе со Святыми и Пророками и призывали образы греческих философов на фрески церквей в Буковине. Изображения магометанина Акбара в Индусском Храме; Лаоцзы и Конфуция в ореоле католических святых; все черные Мадонны в Рока-мадуре и в землях негритянских! А Царь Соломон в православной Церкви Абиссинии! Лишь не закрыть глаза умышленно, и множество благих фактов нахлынут. Поистине, следуя завету Оригена⁶⁴,

“глазами сердца видим”. И не только древний Шартр и Буковина почитают великих философов на порталах своих. Газеты Нью-Йорка сообщают о новой церкви Баптистов на Риверсайде: “Конфуций, Будда и Магомет вместе со Христом изваяны на портале Церкви Баптистов. Новая Эра религиозной терпимости выразительно символизирована в изображениях, где великие ученье и философы (многие в свое время обвиненные в ереси) занимают место со Святыми, Ангелами и Вождями религии.”. “Моисей изваян плечо к плечу с Конфуцием; за Буддой и Магометом следуют Ориген, Св. Франциск Ассизский, Данте, Пифагор, Платон, Сократ, Аристотель, Св. Фома Аквинский, Спиноза, Архимед.”. Одновременно с д-ром Фоздик, давшим это свидетельство его широкого мышления, другой представитель свободной мысли д-р Холмс объявил на проповеди, что Храмы будущего представят синтез всех великих религий мира. О том же говорят и проповеди д-ра Гутри в одной из старейших церквей Нью-Йорка, Св. Марка в Бовери. Все помнят его дни Будды и других водителей религиозной мысли. Новый храм Епископальной Церкви на Парк-Авеню под руководством известного проповедника д-ра Норвуда стремится к тому же благу синтезу.

Если почтенный мусульманин будет утверждать, что могила Христа находится в Щринагаре, и станет с самым благоговейным видом перечислять все традиции и исцеления, свершившиеся при этой гробнице, вы не станете сурово перечить ему. Ведь он говорил вам, полный самых добрых намерений. Так же точно вы не будете вносить преграждение, когда в Кашгаре вам будут утверждать о гробнице Богоматери в Мириам Мазар. Так же, когда вам говорят о пророке Или в верховьях Инда, вы тут не протестуете, ибо, во-первых, вы чувствуете доброжелательство, а, во-вторых, вам, по-существу, и нечего возразить. Или разве будете вы злобно возражать против трона Царя Соломона у Щринагара? Напротив, вы порадуетесь, что таких тронов много в Азии, и, по словам доброжелателей, мудрый Царь Соломон во всеобъединении и по сей час летает над азиатскими пространствами на своем чудесном ковре-самолете. Вы порадуетесь и вспомните общество Амоса в Нью-Йорке и его широкие благие цели.

Есть особая радость, когда вы слышите воедино великие имена Мессия, Майтрейя, Мунтазар, произносимые в том же месте и с тем же почитанием. Вообще, со всею бережливостью отнесемся к благостным объединительным знакам. Вспомним трогательную ле-

генду тибетскую о происхождении многих святых. И особенно вспомним теперь, когда благие знаки вовсе не заковывают нас в прошлое, но восторженно устремляют в будущее.

О чем же взывает мудрый Апостол Павел, когда он пишет во все концы и Римлянам, и Евреям, и Коринфянам, и Ефесянам, и Галатам: "Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам тестом новым". "Посему станем праздновать не со старою закваскою".

"Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи".

"Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию".

"Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть".

"Когда будут говорить "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба".

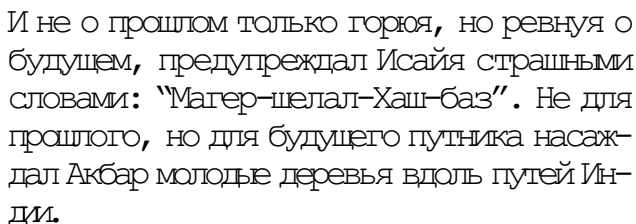
"Духа не угашайте".

"Итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света".

"Достигайте любви, ревнуйте о дарах духовных".

"Писать вам все о том же для меня не тягостно, а для вас — назидательно".

Какой указ и моление о воссоединении духовном, о будущем; нужны оружия Света!

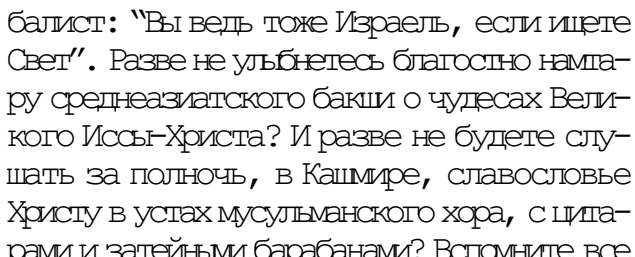
И не о прошлом только горюя, но ревнуя о будущем, предупреждал Исайя страшными словами: "Магер-шелал-Хаш-баз". Не для прошлого, но для будущего путника насаждал Акбар молодые деревья вдоль путей Индии.

Что может быть хуже, нежели отнять и оставить "место пусто"? Говорит Златоуст: "Когда же душа уклоняется от любви, тогда помрачается ее умственный взор".

Истинно, многоценны объединительные знаки. Не забываем слова Вивекаваады о Христе, сказавшего: "Если бы я в жизни моей встретил Христа, кровью сердца моего я смыл бы ноги Его". Многие ли христиане имеют в сердце своем такое же действительно-возвышенное чувство? И можно ли забыть слова того же Вивекананды, спросившего Чикагский конгресс религий: "Если вы считаете ваше учение столь высоким, почему же вы не следуете заветам Его?"

Можно ли забыть тот факт, что, когда однажды христианская церковь была в бедственном положении и угрожаема продажей с торгов, евреи доброхотно и добровольно выкупили христианскую святыню и возвратили ее в лоно Митрополии. Митрополит Е. подтвердил это.

Разве не во Благое говорит вам раввин-каб-

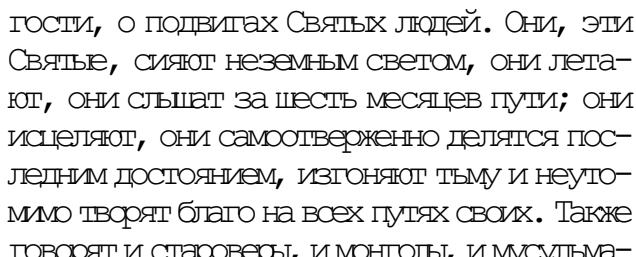
балист: "Вы ведь тоже Израель, если ищете Свет". Разве не улыбнетесь благостно нампарту среднеазиатского бакши о чудесах Великого Иисы-Христа? И разве не будете слушать за полночь, в Кашмире, славословье Христу в устах мусульманского хора, с цитарами и затейными барабанами? Вспомните все почтительные, высокотрогательные сказания мусульман Сикманга об Иосе, великом и лучшем.

Или, если возьмем книгу реверенд Джемс Робсон "Христос в Исламе", то, вместо нащептанных невежеством враждебных знаков, мы увидим множество сердечного понимания и доброжелательства. Старовер поет стих в Буяде. В субурганах, среди священных книг, закладываются и Евангелия. Дравид читает Фому Кемпийского "Подражание Христу". Мусульманин в средней Азии рассказывает о Святыях колоколах за горю, которые на заре слышат Святые люди.

Почему нужны мусульманину колокола? Просто ему нужен зов блага. Ко всемирному Беловодью идут и сибирские староверы.

Вспомним все сказания всех веков и народов о Святыях людях.

Сказывающий даже и не знает, о ком говорит он: о христианах, о буддистах, о мусульманах, о конфуцианах... Он знает лишь о бла-

гости, о подвигах Святых людей. Они, эти Святые, сияют неземным светом, они летают, они слышат за шесть месяцев пути; они исцеляют, они самоотверженно делятся последним достоянием, изгоняют тьму и неутомимо творят благо на всех путях своих. Также говорят и староверы, и монголы, и мусульмане, и евреи, и персы, и индусы... Святые становятся общечеловечны, принадлежат всему миру, как ступени истинной эволюции человечества. Все вмещает Свет. Чаша Грааля⁶⁵ над всем благом. Божественная София Премудрость⁶⁶ летит над всем миром.

Проклятия ведут лишь во тьму. Не злобою, не отрешениями, но по благим вехам можно перейти самый бурный океан.

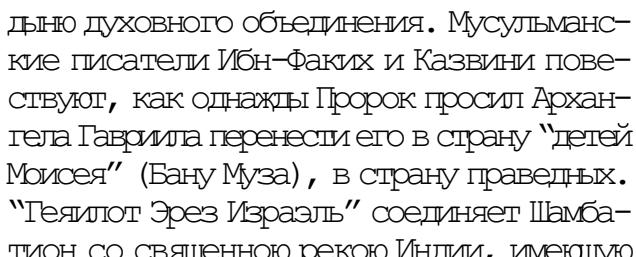
Вот слова от Корана:

“О народы земные, скиньте всякие узы, если хотите вы достигнуть Становья, уготованного вам Богом”.

“Быль может тогда удастся заставить людей бежать от состояния беспечности, в котором обретается душа их, к Гнезду Единства и Знания, заставить их пить воду вечного Ведения”. “То жребий святой и вечный, удел чистых душ за божественной трапезой”.

Вот от Каббалы, от великой Шамбатиион:

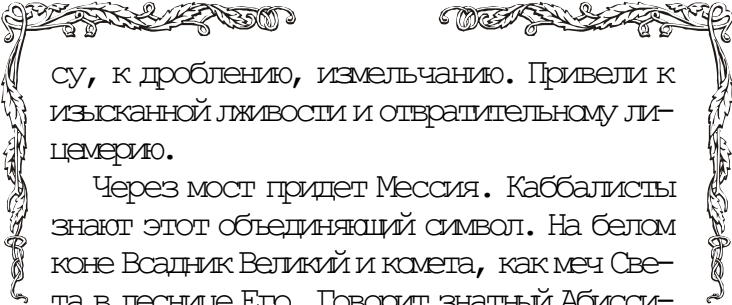
Элдад Ха-Дани описывает реку Шамбатиион, объединяющую детей Моисея, как твер-

дню духовного объединения. Мусульманские писатели Ибн-Факих и Казвини пове­ствуют, как однажды Пророк просит Архан­гела Гавриила перенести его в страну "детей Моисея" (Бану Муза), в страну праведных. "Теялот Эрез Израэль" соединяет Шамба­тион со священной рекою Индии, имеющую целительные свойства. Целительные объеди­нения!

Не будем думать, что мышление о всепо­нимании, об единении, свойственно лишь но­ваторам, потрясающим догмы. Православная, католическая и римско-католическая церковь постоянно молятся "о воссоединении церквей и о временах мирных".

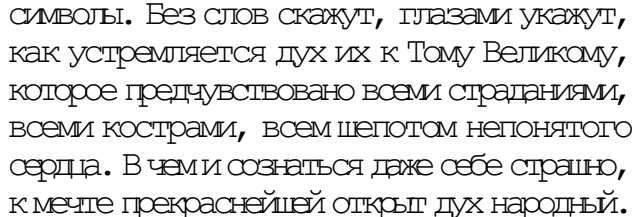
Это чаяние самого духовного, самого серд­ечного единения не есть только догма, это есть самое животворящее, благодатное нача­ло. И после этого воссоединения чают време­на мирные. От церковного амвона переносим­ся в бесчисленные мирные Конференции, ко­торые тоже, каждая по-своему, более или ме­нее удачно, мечтают о временах мирных. На этой вершине сходитесь внутренняя надежда всего человечества. И самые косные, и самые трепетно обновленные, мечтают о временах мирных, о самом прекрасном воссоединении. В тайниках сердца мы понимаем, что гонения, отречения, проклятия привели только к ужа-

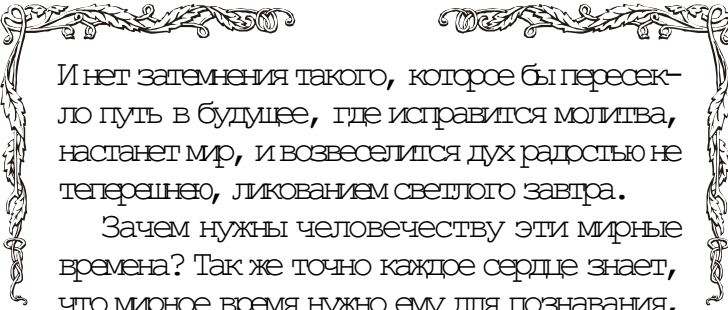

су, к дроблению, измельчанию. Привели к изысканной лживости и отвратительному лицемерию.

Через мост придет Мессия. Каббалисты знают этот объединяющий символ. На белом коне Всадник Великий и комета, как меч Света в деснице Его. Говорит знатный Абиссинец: "И у нас есть старинная легенда. Когда Спаситель Мира придет, Он пройдет по каменному мосту. И семеро знают о приходе Его. И когда они увидят Свет, они припадут к земле и поклонятся Свету".

Разве случайно пришествие Мессии должно произойти через мост? Какой же символ ближе всего мысли об единении, о воссоединении? Уже не по-восточному сидит Майтрейя, но по-западному, со ступенными ногами, готовый к пришествию. "Время сокращено есть". "Воистину не было еще времени сокращеннее нашего!" "Стушено время". "Коротко время", "Узко время" – на разных языках восклицают народы, трепеща от предчувствия, собирая вокруг чаяния своего лучшие символы. Без слов скажут, глазами укажут, как устремляется дух их к Тому Великому, которое предчувствовано всеми страданиями, всеми кострами, всем шепотом непонятого сердца. В чем и сознаться даже себе страшно, к мечте прекраснейшей открыт дух народный.

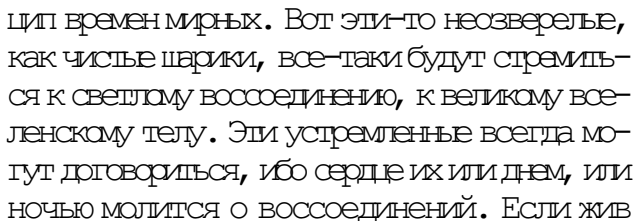

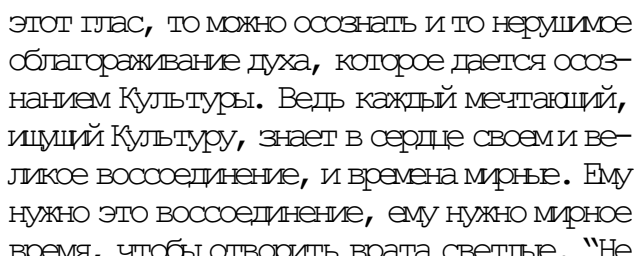

И нет затемнения такого, которое бы пересекло путь в будущее, где исправится молитва, настанет мир, и возвеселится дух радостью не теперешнюю, ликованием светлого завтра.

Зачем нужны человечеству эти мирные времена? Так же точно каждое сердце знает, что мирное время нужно ему для познания, для строения. Немирные времена привели к краху, материальному и духовному. И это знает сердце человеческое. Немирные времена создали шатание безработицы, в которой теряется лучшее устремление к повышению качества. Немирные времена привели ко множеству условностей и к тому ужасу, который возникает от потери качества, иначе говоря, к духовному одиночеству.

Очень часто мирные конференции вызывают улыбку сожаления своею лицемерностью, когда люди собрались уничтожить неудобные им разрушительные средства лишь для замены их более утонченными и современными. Но и среди этих сборищ всегда имеются те, которым близок созидательный принцип времен мирных. Вот эти-то неозверелые, как чистые шарики, все-таки будут стремиться к светлomu воссоединению, к великому вселенскому телу. Эти устремленные всегда могут договориться, ибо сердце их или днем, или ночью молится о воссоединении. Если жив

этот глас, то можно осознать и то нерушимое облагораживание духа, которое дается осознанием Культуры. Ведь каждый мечтающий, ищущий Культуру, знает в сердце своем и великое воссоединение, и времена мирные. Ему нужно это воссоединение, ему нужно мирное время, чтобы отворить врата светлые. "Не мешай", "не заслоняй мне солнце", просит Сократ, ведь не для того, чтобы быть лежбоком, он просит не заслонять света, не родать тьмы.

Да, да, будущее не терпит лежбоков. Все стусилось. В напнетении энергий значительно каждое мгновение сознательной работы. Значительно каждое изгнание эгоизма. И светло каждое утверждение кооперации.

Век Майтрейи всегда указывался, как век истинного сотрудничества.

Наталья Рокотова⁶⁷ в своей замечательной книге о буддизме по источникам характеризует век Майтрейи так:

"Грядущий Будда-Майтрейя, как указывает его имя – Будда Сострадания и любви. Этот же Бодхисатва, в силу присущих ему качеств, часто именуется Аджита-Непобедимый".

Интересно отметить, что почитание многих Бодхисатв нашло развитие только в школе Махаяны, тем не менее, почитание одного

Бодхисатвы Майтрейи, как преемника, избранного самим Буддой, принято и в Хиньяне. Таким образом, один только Бодхисатва Майтрейя охваляет все пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма.

Какими же качествами должны обладать Бодхисатвы? В учении Гаутамы Будды и в учении Бодхисатвы Майтрейи, согласно преданию, данному им Асанге в веке (Махаяна-Сутраламкара), прежде всего, было отмечено максимальное развитие энергии, мужества, терпения, постоянства устремления и бесстрашия. Энергия есть основа всего, ибо в ней одной заложены все возможности.

“Будды вечно в действии, им неведома недвижность, подробно вечному движению в пространстве, действия Сынов Победителей проявляются в мирах”.

“Сильный, отважный, твердый в своей поступи, не отказывающийся от бремени принятия подвига общего блага”.

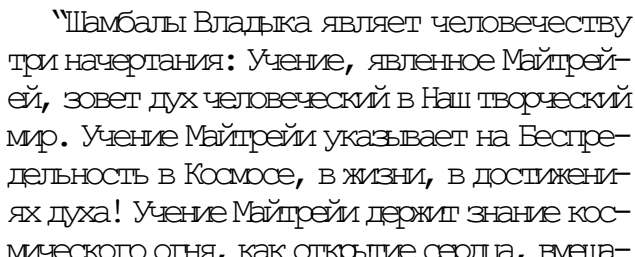
“Три радости Бодхисатв – счастье даяния, счастье помощи и счастье вечного познания. Терпение всегда, во всеми везде. Сыны Будд, сыны Победителей, Бодхисатвы в своем ответственном сострадании, Матери всему существу” (Махаяна Сутра) .

Не о том же ли Свете, сердечно жданном во Благе и Единстве, говорит Восток, запоюеду Шамбалу?

“Мировой Глаз Шамбалы несет человечеству Благо. Мировой Глаз Шамбалы, как Свет на пути человечества. Мировой Глаз Шамбалы – та Звезда, которая направляла всех ицмших”.

Для одних Шамбала есть Истина, для других Шамбала есть утопия. Для одних Шамбалы Владька есть Старец, для других Шамбалы Владька есть Явление Довольства. Для одних Шамбалы Владька есть украшенный Идол, для других Шамбалы Владька есть Руководитель всех планетных духов. Но Мы скажем: Шамбалы Владька – Огненный Двигатель Жизни и Огня Матери Мира. Дыхание Его горит Пламенем, и Сердце Его пылает Огнем Лотоса Серебряного. Шамбалы Владька живет и дышит в сердце Солнца! Шамбалы Владька – Зовущий и Позванный! Шамбалы Владька – стрелу Несущий и все стрелы Принимающий! Шамбалы Владька дышит Истиной и утверждает Истину. Шамбалы Владька Нерушим и рушимость претворяет в созидание! Шамбалы Владька – Навершие знамени и Вершина жизни!

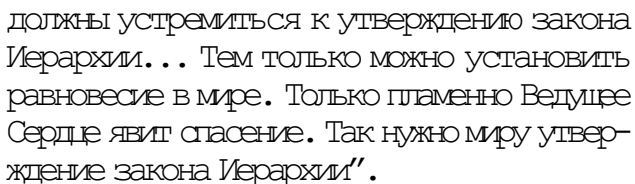
“Примите Шамбалы Владьку, как Знамение жизни. Трижды скажу – жизни, ибо Шамбала есть залог устремлений человечества. Наше Явление – человечества залог совершенствования. Наше Явление – утвержденный путь к Беспредельности”.

“Шамбалы Владыка являет человечеству три начертания: Учение, явленное Майтрейей, зовет дух человеческий в Наш творческий мир. Учение Майтрейи указывает на Беспредельность в Космосе, в жизни, в достижениях духа! Учение Майтрейи держит знание космического огня, как открытые сердца, вмещающего явление Вселенной”.

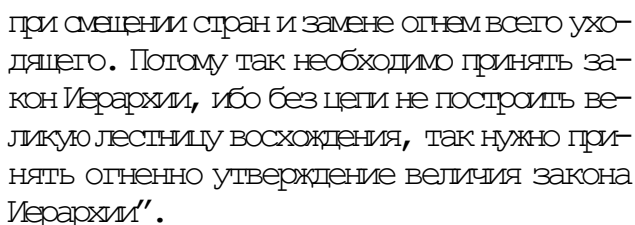
“Старое предание, утверждающее, что явление Майтрейи явит воскрешение духа, правильно. Мы добавим: воскрешение духа может предшествовать явлению Прихода, как принятие сознательное Учения Владыки Майтрейи. Истинно воскрешение!”

Не к той же ли крепости духовной зовет Восток, утверждая законную необходимость Иерархии Света?

“При переустройстве мира можно продержаться лишь на утверждении Нового мира. Установление явленного решения может войти в жизнь лишь великим пониманием мирового перерождения путем великого закона Иерархии. Потому ищущие Нового Мира должны устремиться к утверждению закона Иерархии. . . Тем только можно установить равновесие в мире. Только пламенно Ведущее Сердце явит спасение. Так нужно миру утверждение закона Иерархии”.

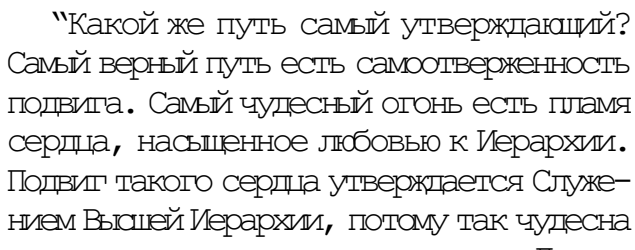
“Потому законно утверждается Иерархия

при смещении стран и замене огнем всего уходящего. Потому так необходимо принять закон Иерархии, ибо без цепи не построить великую лестницу восхождения, так нужно принять огненно утверждение величия закона Иерархии”.

“Нужно твердить об Иерархии. Правильно, что Иерархия рабства кончилась, но явление Иерархии сознательной сопровождается страданием человечества. Слишком много рабства в мире и слишком подавлено каждое пламя сознания. Рабство и сознательная Иерархия, как день и ночь. Потому не смущайтесь повторять – Иерархия сознательная, Иерархия свободы, Иерархия знания, Иерархия Света. Пусть не знающие зачатие Нового Мира насмежаются, ибо каждое понятие Нового Мира им страшно. Разве им не ужасна Беспредельность? Разве им не тягостна Иерархия? Ведь, будучи сами деспотами невежества, они не понимают созидание Иерархии. Сами будучи трусами, они ужасаются перед подвигом. Так положим на весы самые нужные понятия наступающего Великого Века – Беспредельность и Иерархия”.

“Следует принять Иерархию, как эволюционную систему. Духам, не изжившим рабства, можно повторить, что Иерархия совершенно отличается от деспотизма”.

“Какой же путь самый утверждающий? Самый верный путь есть самоотверженность подвига. Самый чудесный огонь есть пламя сердца, насыщенное любовью к Иерархии. Подвиг такого сердца утверждается Служением Высшей Иерархии, потому так чудесна самоотверженность тонкого сердца. Духоворчество и самодеятельность тонкого служителя огненно насыщают пространство. Так, истинно, созвучит видимое с невидимым, настоящее с будущим, и предуказанное свершится. Так самоотверженность тонкого сердца насыщает мир пламенем”.

“По строению слов эволюционная спираль расширяется, и инволюционная суживается. То же самое можно наблюдать не только на личном, но и на идеях. Очень поучительно разбирать, как идеи рождаются и совершают свой круг; часто они как бы совершенно исчезают, но, если они эволюционны, то они снова выявляются в расширенном виде. Можно изучать спираль корня идей для мышления эволюционного. Задача постепенной вменяемости идеи может дать прогрессию к высшему пониманию”.

Трудись, твори благо, чти Иерархию Света – этот Завет Наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно

начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь только чистое сердце”.

“Иерархия есть планомерное сотрудничество.

Если кто истолкует его в своем условном понимании, он только докажет, что мозг его не готов для кооперации”. Так сказано. На чем же согласимся? На чем простим? На чем поймем? На чем расширимся? На чем не ущемимся? На чем тронемся дальше? Обойдя все круги Дантовы, придем мы к сотрудничеству. Сотрудничество, сострадание – та же любовь. Заповеданная всеми иероглифами сердца, любовь – Матерь Мира. Неисчерпаемая, любовь творящая, создавшая племя Святых людей, не знавших ни земли, ни народности; поспешавших на крыльях духа на помощь, на сострадание, сотрудничество; спешавших во Благо; несущих капли Всепонимания, Всеединной Благодарности.

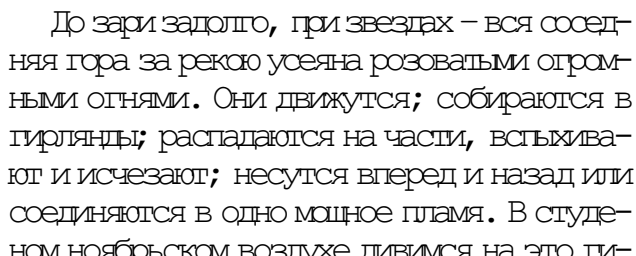
Спит мир в переустройстве. От злобы устало сердце человеческое. И в трудах смятенных вновь вспомнило о Культуре, о знаках Света. И шепнуло друг другу: “Есть оно, будущее, для чего мы пришли сюда. Ведь не для опоганения, не для ужаса, но шли сюда для труда совместного, для познания, для просветления. Возьмем же этот Вселенский Свет.

Возьмем Преображение Мира, предуказанное, предсужденное”.

Все народы знают, что место Святых людей – на горах, на вершинах. От вершин – откровения.

В пещерах, на вершинах жили Риши. Там, где зачинаются реки, где вечные льды сохранили чистоту вихрей, где пыль метеоров приносит от дальних миров доспех очистительный, – там возносящие сияния! Туда стремится дух человеческий. Сама трудность горных путей привлекает. Там случается необычное. Там мысль народная работает кверху. Там каждый перевал сулит невиданную новизну, предвещает перелом на новые грани великих очертаний.

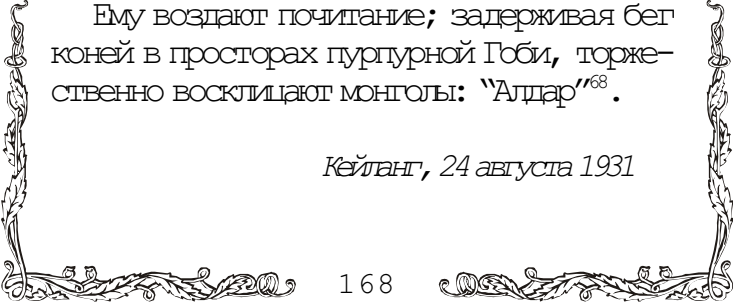
На трудных путях, на опасных горных перевалах стоят изображения Майтрейи Светлого будущего. Кто озаботился поставить их? Кто потрудился? Но стоят они, часто гигантские, точно нечеловечески созданные. Каждый путник прибавит свой камешек к нарастающему манданту. Разве надмехнется сердце ваше над этим камнем для ступеней будущего? Нет, путь трудный и опасный откроет сердце ваше. Не надмехнетесь, но, улыбувшись во Благе, прибавите и свой камень к сложению ступени всевещающего Света.

До зари задолго, при звездах – вся соседняя гора за рекою усеяна розоватыми огромными огнями. Они движутся; собираются в гирлянды; распадаются на части, всплывают и исчезают; несутся вперед и назад или соединяются в одно мощное пламя. В студенном ноябрьском воздухе дивимся на это гималайское чудо, знакомое всем жителям местным. Можете наутро спросить Гуру, и он, блеснув глазами, скажет про огни Девита; а другой шепнет о светлом воинстве Майтрейи. Огни земли, а вот и сияние небесное. Тибет знает “Даме”, огонь божества, и “Нам бумпа”, огневое сияние.

Над снежными вершинами Гималаев полыхает светлое сияние, ярче звезд и принудливее зарниц. Кто же возжег эти столбы света, шествующие по небу? Не близки полярные, края полунощные? Не блеснуть в Гималаях сиянию севера? Не от северных сверканий эти столбы и лучи света. От Шамбалы они; от башни Великого Приходящего.

“Майтрейя идет”.

Ему воздают почитание; задерживая бег коней в просторах пурпурной Гоби, торжественно восклицают монголы: “Алдар”⁶⁸.

Кейтанг, 24 августа 1931

РИШИ⁶⁹

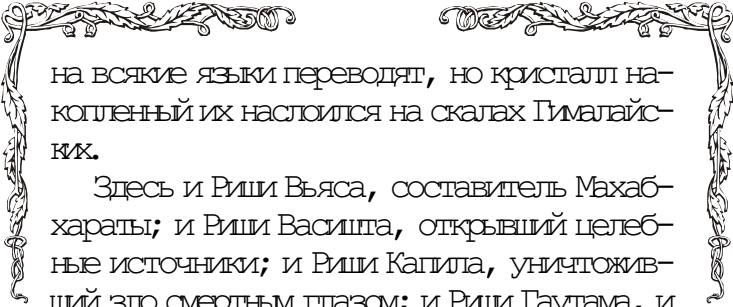
С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Саджу⁷⁰ припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

На богомолье в Трилокнат, к древней святыне тянутся вереницы саджу и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши? Все ли вышнудуховны? Но ведь и ради одного праведника Град бывает помилован. Уж простите, ходим по-хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы⁷¹. Здесь Беас или Виас⁷², здесь Виаса-кунд – место исполнения желаний. Здесь Риши Вьяса собирал Махабхарату.

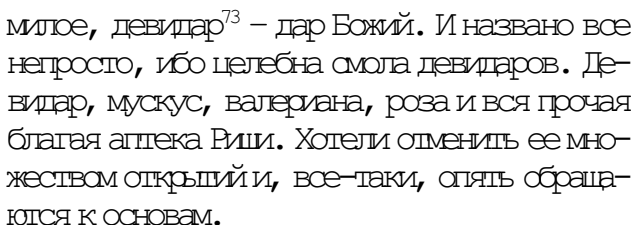
Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки тремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их,

на всякие языки переводят, но кристалл накопленный их настоится на скалах Гималайских.

Здесь и Риши Вьяса, составитель Махабхараты; и Риши Васишта, открывший целебные источники; и Риши Капила, уничтоживший зло смертным глазом; и Риши Гаутама, и Пахари Баба, и Гуга Коган, и Нар Синг – каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Маникарн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна ознаменованная в Пуранах. Здесь и страна Хахор, и священные книги, сокрытые от гонений нечестивого царя Ландармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

“Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев”, – так поет Индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа настоится то, что не смоят ливни, и не истепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том, как встречались прадеды разных народов. В бору деодары качаются под ветром вершинами. Так и все вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения – беседою глав. Как девидавы сошлись между собою. И слово-то какое

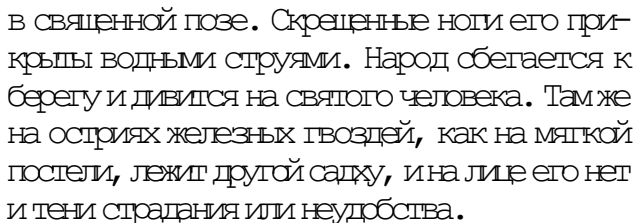

милое, девида⁷³ – дар Божий. И названо все непросто, ибо целебна смола девида⁷³. Девида⁷³, мускус, валериана, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий и, все-таки, опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог⁷⁴ геральдики? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Перой духа – не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже – не рассказ, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондичери. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Локноу, и в Бенаресе. И не только сам саджу проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желящих, за него держащихся.

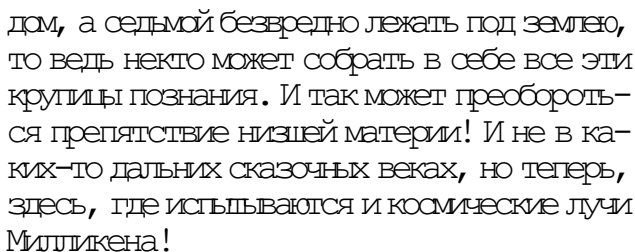

Вот в Ганге у Бенареса сидит саджу на воде в священной позе. Скрещенные ноги его прикрывает водными струями. Народ сбегается к берегу и дивится на святого человека. Там же на островах железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой саджу, и на лице его нет и тени страдания или неудовольствия.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама, посредством "то-мо" саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным глазом пса бешеного. Степенный лама из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете, в области Цанг, один лама просил перевозчика переправить его через Цам-по без платы, но лукавый лодочник сказал ему: "Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пес, — порази его!". Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов, и пес упал мертвым! Так видел бутанский лама. О таком же "смертном глазе", о "глазе Капилы" приходилось слышать не раз и в Тибете, и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

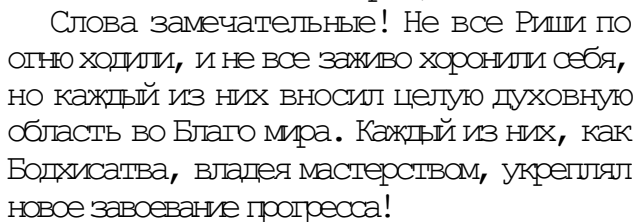
Как и на карте Антверпена, и на снимке начальника полиции Пондшерри, так же и в показаниях лам, мелькают те же разбросанные части одного великого Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздухе, а четвертый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взгля-

дом, а седьмой безвредно лежать под землей, то ведь некто может собрать в себе все эти крупицы познания. И так может преодолеть препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликена!

Но все это еще не Риши. О Риши, о великих душах Шри Васванк говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный водитель, голосу которого очень внимают, замечает: "Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаями, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они — великие несогласители истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни — в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни." ("Заря", Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили, и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодхисатва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

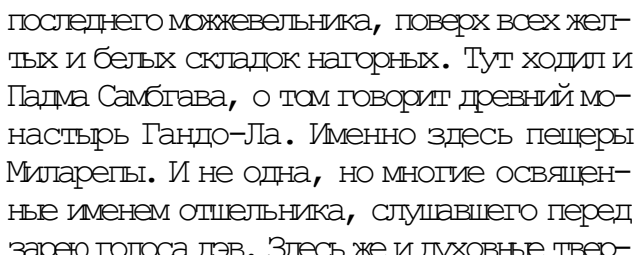
Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, промощностями, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков на Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах или на высоком берегу реки, или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых, неизвестных, труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников или благословлял неведомых мореходов, или хранил Град во ноши, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утешения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас. Выхится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым краям ходят к вершине ее. Стоит она поверх

последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбгава, о том говорит древний монастырь Гандо-Ла. Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие освященные именем отшельника, слушавшего перед зарей голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гаутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно – Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины в красоте сияющие, сказав:

“Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недостижимости восхищаться их величием!”

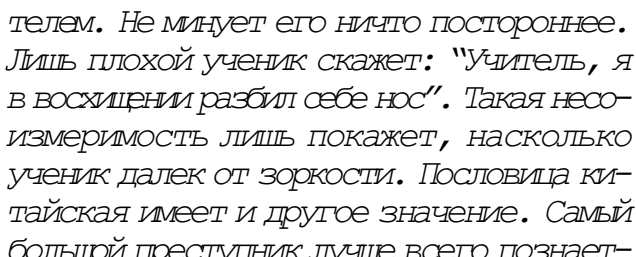
“Сатъям, Шивам, Сундарам!”⁷⁵

Кейланг, 1932

"В чем истина веков – в законах и приказах или в пословицах и в сказках?" В первых – воля напряжена, а во вторых – чеканка мудрости.

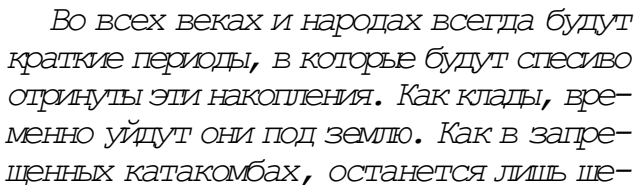
Самая краткая пословица полна звучаний местности и века. А в сказке, как в кладе захороненном, сокрыта вера и стремления народа. Пословица может быть скорбной, но она не будет разрушительной, также точно не бывает мерзких сказок, как и отвратительных песен. И пословица, и сказка – к добру. А истоки приказа различны. Сколько приказов выдыхается и скоро испаряется. Но попробуйте искоренить пословицу или легенду. Хоть в подземелье уйдут, а затем снова выньрнут.

"Сумей схватить за хвост самого маленького черта, и он укажет, где притаится его наибольший", – эта старая китайская пословица указывает на значение малейших подробностей для открытия главного. Действительно, самая заботливая подробность будет лучшим ключом к подвигу великому. Ошибочно думают, что подробности незначительны для пути восхождения. Даже самые прекрасные героические действия покоились на подробностях, вовремя предусмотренных. Как внимательно замечает все камни следующий за учи-

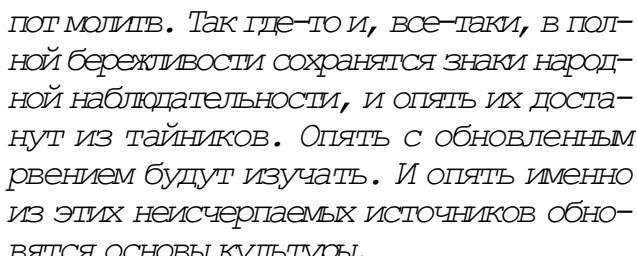

телем. Не минует его ничто постороннее. Лишь плохой ученик скажет: "Учитель, я в восхищении разбил себе нос". Такая несоизмеримость лишь покажет, насколько ученик далек от зоркости. Пословица китайская имеет и другое значение. Самый большой преступник лучше всего познается по самым малым подробностям поведения.

Замечательно наблюдать тонкость и верность подробностей в пословицах, легендах и сказках. Конечно, иногда в неточном переводе что-то может и показаться излишним и тяжеловесным, но стоит обратиться к первоисточнику, как вы увидите, что старинная пословица "Из песни слова не выкинешь" имеет глубокое значение, и не только не выкинешь, даже и не переставишь. И с этой точки зрения необыкновенно поучительно наблюдать кованность народного языка. Как лучшие зерна отсеиваются повторным провеиванием, так в горниле веков выковывается язык народной мудрости.

Во всех веках и народах всегда будут краткие периоды, в которые будут спесиво отринуты эти накопления. Как клады, временно уйдут они под землю. Как в запрещенных катакомбах, останется лишь ше-

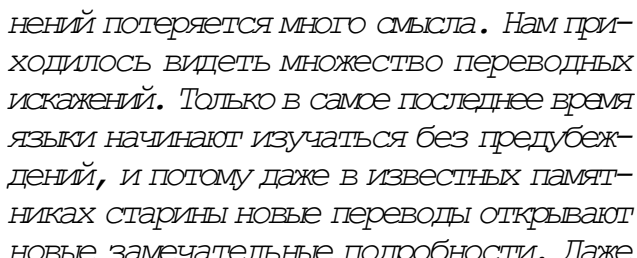

пот молив. Так где-то и, все-таки, в полной бережливости сохранятся знаки народной наблюдательности, и опять их достанут из тайников. Опять с обновленным рвением будут изучать. И опять именно из этих неисчерпаемых источников обновятся основы культуры.

Какие-то вдумчивые исследователи опять углубятся в познание и смысла, и формы старинных наследий. Будут опять любоваться изысканными подробностями этих форм, таких кованых, таких чеканных, рожденных в долготерпении бывших ритмов жизни.

Именно хочется подчеркнуть, что в этих старинных наследиях и смысл, и сама форма построений может доставить одинаковую радость исследователю. Люди поверхностные, может быть, что-то скажут о старособразном языке, но настоящий вскрыватель рун, пылливый ученый будет любоваться, как замечательно, и просто, и уместно поставлены определения, и в каких сочетаниях выявлено наибольшее ударе-ние, обращающее внимание там, где нужно.

Возьмите любую старинную пословицу и попробуйте начать в ней переставлять слова. Вы увидите, что от таких упраж-

нений потеряется много смысла. Нам приходилось видеть множество переводных искажений. Только в самое последнее время языки начинают изучаться без предубеждений, и потому даже в известных памятниках старины новые переводы открывают новые замечательные подробности. Даже сами исторические имена претерпевали в различных переводах такое многообразие выражений, что подчас даже трудно признать, что речь идет о том же самом лице или месте. Особенно повинны были в этих условиях учебники средних школ. Множество детей в спешном прохождении курса подчас усваивало такие наименования, которые потом, в зрелых годах, попадались им в совершенно другом выражении, что порождало лишь ненужные осложнения.

Но сейчас во многих отраслях науки мы обращаемся к первоисточникам вполне доброжелательно и пылливо. Вдумчивое изучение поможет опять оценить множество характернейших, мельчайших подробностей и определений.

А что же может быть глубже и полнее, как не наблюдение и за самой мыслью, и за способом построения её? Недаром люди говорят об искусстве мышления. Именно в мыслительном построении выражается то

же общее понятие творчества. Как сказано, как сделано, как помыслено – все это является источником восхищения каждого наблюдателя; а теперь столько приходится говорить об утрате качества во всей жизни, что именно качество всех построенный особенно примечательно.

Все проблемы, требующие спешного разрешения, нуждаются в высоком качестве выражения. Знаменитое "кое-как" – более чем неуместно. Каждый должен понимать всю ответственность за способ своего мышления и действия. Не будем думать, что способ мышления неважен; как во всем творчестве, способ, техника имеют огромное значение. Картина только тогда убедительна, когда вся она построена беспеременно; когда зритель чувствует, что иначе и быть не могло, что данное ему именно так сложено, как нужно. Для этой убедительности какая нужна наблюдательность всех подробностей!

Какая чудесная школа убедительности заключена в исконном творчестве народов, в анонимном, характерном и всегда живом.

Н. К. Рерих

"ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ"

3 января 1935

КОММЕНТАРИИ

Часть первая
НЕОТПИТАЯ ЧАША

Детская сказка

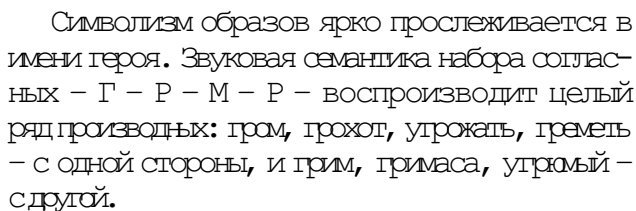
¹ Написана девятнадцатилетним автором в период юношеских исканий идеалов и смысла жизни. В 1893 г., выполняя волю отца, Рерих поступил в Петербургский университет (на юридический факультет) и в Академию художеств. В сказке он изложил свои представления о назначении художника в обществе, об отношении искусства к действительности.

В сказке прослеживаются и другие биографические мотивы, в частности, мысли о возлюбленной, которые стали пророческими и сбылись впоследствии в идеально гармоничном брачном союзе с Еленой Ивановной Шапошниковой.

Гримм ВИКИНГ

² Написанная на рубеже веков (в 1899 г.), сказка отражает умонастроения того времени, думы о прошлом и будущем, ощущение наступления новых жестоких испытаний.

В сказке видны влияния исландского эпоса — имена героев, географические названия (подробнее см. Е. Г. Сойни. Николай Рерих и Север. Петрозаводск, 1987. с.17–21).

Символизм образов ярко прослеживается в имени героя. Звуковая семантика набора согласных – Г – Р – М – Р – воспроизводит целый ряд производных: гром, грохот, угрожать, греметь – с одной стороны, и грим, гримаса, угрюмый – с другой.

В словах “в счастье нет друга” выражен сокровенный смысл сказки, который требует глубокого проникновения в высокие моральные категории ценности жизни, самопознания, красоты духа и мудрости.

Вождь

³ Идеиный замысел сказки, написанной за год до Первой русской революции 1905 г., связан с проблемой власти и властителя. Героєм избран тиран, восточный деспот, вошедший в историю как нечеловечески жестокий изверг. Такой тип властелина противопоставит Гриму викингу.

Сказка написана белым стихом. Композиция ее неповторимо оригинальна: она составлена из ритмически правильных семистрочий со стандартной внутренней сюжетной основой. В каждом стихе дается определенная зарисовка “подвига” Чингиз-хана (участники действия, динамика и драматизм событий), а заключительная строка, как рефрен, дает характеристику – оценку вождя, при этом часто сатирическую, контрастную по отношению к совершенному. В целом сказка напоминает музыкальную поэму, расчлененную на правильные ритмические части.

⁴ Стрелка-свистунка – образ, вероятно, связан с распространением свистящих наконечников.

Марфа Посадница

⁵ Сказка-бэль, повествующая о чудесах, которые творятся у могилы Марфы Посадницы. Дается объяснение “странным” фактам исцеления. Автор видит в них таинственный атеизм, т.е. неосознанную приверженность к национальным, родовым корням жизни, которые прикрепляют человека к земле. Упоминается и закон перевоплощения, который и в то время страшил многих. Смутно являющиеся во сне образы Рерих рассматривает как вехи пути восхождения духа.

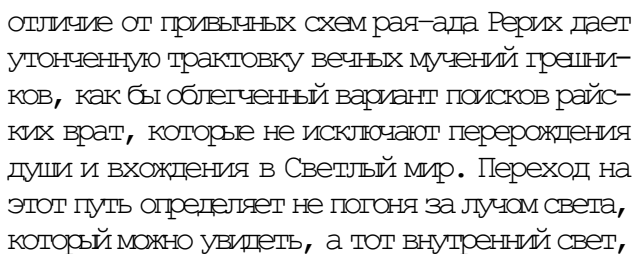
Старинный совет

⁶ Написанная в 1906 году, в период смятения умов интеллигенции после 1905 года, притча выражает позицию художника, верного идеалам красоты, мастера-творца, работающего по зову своего сердца, неподвластного сомнениям и волнам растерянности перед будущим.

⁷ “Поклонение волхвов” – известный библейский миф о волхвах (мудрецах-звездочетах), пришедших поклониться младенцу Иисусу, родившемуся в Вифлееме.

Великий ключарь

⁸ Сказка-видение на сюжет библейского мифа о рае, ключи от которого держит апостол Петр. В

отличие от привычных схем рай-ада Рерих дает утонченную трактовку вечных мучений грешников, как бы облегченный вариант поисков райских врат, которые не исключают перерождения души и вхождения в Светлый мир. Переход на этот путь определяет не погоня за лучом света, который можно увидеть, а тот внутренний свет, который открывает ступени самосовершенствования и духовной иерархии.

Лют Великан

⁹ В основу сказки легло предание, услышанное Рерихом в районе Люто-озера на Валдае.

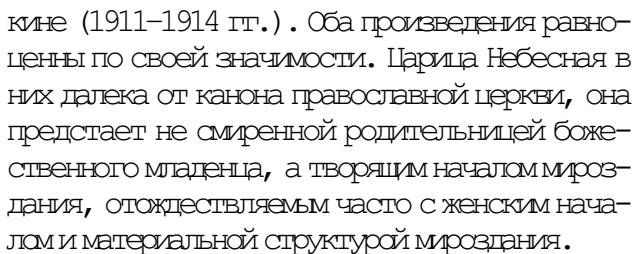
Написана в стиле фольклорных поэтических сказов. Представляет один из шедевров поэтического творчества Рериха, одухотворяющего силы природы, прошлые накопления добра и богатейшего.

Замки печали

¹⁰ Сказочная картина. Взору последовательно открываются залы старинного замка, хранящие следы былых свершений, человеческих переживаний, страданий и надежд. Память о людских судьбах поучительна для современников, сквозь сито времен просеиваются лишь главные смыслы.

Царица небесная

¹¹ Литературная разработка сюжета – росписи для алтарной части церкви Св. Духа в Талаш-

кине (1911–1914 гг.). Оба произведения равноценны по своей значимости. Царица Небесная в них далека от канона православной церкви, она предстает не смиренной родительницей божественного младенца, а творящим началом мироздания, отождествляемым часто с женским началом и материальной структурой мироздания.

Заклятия

¹² Сказка-заклинание по сюжету Святой Троицы. Рерих дает огненную трактовку триединства Отца, Сына и Св. Духа в форме заговора против лиха, демонов, яда змия. Заклинание творится в наговоре на камень (подобие восточных терафимов).

Города пустынные

¹³ Пригласение о великих искушениях царя, властвующего на землях богатых. Ветхий муж, как посланец старого мира, великанского мохнатого царя (образ мохнатого у Рериха связан с тьмой), направляет устремления царя на строение городов.

Проблема угрозы механической цивилизации – одна из важнейших для Рериха, он ставил ее и в 1901 г. в статье “К природе”, (см. I том Собр. соч. 1914 г.), и в статье “Большая планета” 1933 г., и во многих других. Сказка заканчивается аллегорическим провозвестием победы сил природы над нашествием великанским.

Знамения

¹⁴ Сказка-воспоминание о детских грезах в канун сочельника. Напряженное воображение, ожидание таинственного, необычного характерно для мышления детей. Но утро стирает "огневое вечернее слово", оставляя тоску желания встретить нечто особенное, знаменующее великие события.

Страхи

¹⁵ Причта-легенда об одном из самых распространенных и опасных для человека испытаний – о состоянии страха. В книгах Живой Этики (написанных позднее) многократно говорится о преодолении страха как важной ступени самосовершенствования. Как бы протягивая людям руку помощи в преодолении страхов, Рерих раскрывает "тайну" их возникновения: засорение пространства жизни слухами, звучанием устрашающих слов, негативных оценок. Ключ объяснения ложного воздействия страшных слов в том, что повторяющие их "попугаи" на самом деле ничего не знают и другого сказать не умеют. Страх – это преграда темных на пути к Свету.

Клады

¹⁶ Сказка-предание об обычаях многих народов захоранивать клады, сокровища. Воссоздается обобщенный образ Родины как державы с неисчерпаемыми богатствами, захороненными для каждого человека, умеющего брать клады.

Сюжетно сказка близка картине Рериха "Клад захороненный" 1947 г.

Жальник

¹⁷ Живая сказка – зарисовка встречи со старой женщиной у жальника, могильного места, где поминают былое, где покой и звучат слова вечные. Сказка утверждает нравственный закон: "Как на небе, так и на земле", воздающий славу "спокойным", "дедам", героям, богатырям родной земли.

В фольклорном, народном ключе написаны три охраняющих заклятия – от вора-сулостата, от оружия смертного и от грома небесного и я земного. Подобные заговоры восходят к традициям языческих времён, к верованиям в чудесные силы природы, которая встает на защиту доброго человека, хранящего прошлое ради будущего.

Неотпитая чаша

¹⁸ Поэтическая легенда о тайной силе вод подземных – рек, озер, родников. Ключ "живой воды" в селе Мшенцах Новгородской губернии послужил реальной основой для создания мощного художественного образа "неопитой чаши" – сказочной силы России, ждущей своего пробуждения.

Часть вторая
ПОДВИГ

Подвиг

¹⁹ Сказание в форме спора двух братьев, вставших на путь духовного служения. В отшельничестве одного из братьев можно проследить отголоски судьбы Сергия Радонежского. Утверждая разные пути к свершению подвига, Рерих занимал позицию реального, действенного начала в служении высшим идеалам.

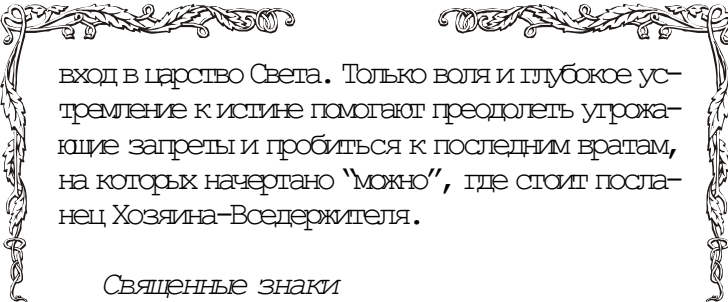
Сон

²⁰ Сказка-сновидение, содержащая молитвы, обращения к Высшим Силам, Святым заступникам, судотворцам. Написанная накануне прозрых событий первой мировой войны, сказка полна предчувствий столкновения сил Тьмы и Огня (символ очищения и духа возрождения). В подтексте звучит вера в преодоление зла силами добра.

²¹ Средовек – термин, созданный по модели "человек". Речь идет о Прокопии Праведном, см. картину Рериха "Прокопий Праведный отводит тучу каменную от Устюга Великого" (1913 г.). Он изображен в хитоне, с кочергой вверх, которой отвел тучи.

Стража у врат

²² Притча о познании тайны запретов ("нельзя"), которыми стражи темных закрывают

вход в царство Света. Только воля и глубокое устремление к истине помогают преодолеть угрожающие запреты и пробиться к последним вратам, на которых начертано "можно", где стоит посланец Хозяина-Вседержителя.

Священные знаки

²³ Стихотворение написано в стиле медитативного размышления, погружения в мир высших категорий знания, веры, эволюции. Реалистичные картины бытия перемежаются с фантастическими образами, реконструкциями древности, расширяя сознание до планетарного и космического масштаба.

Сюжетно сказка имеет определенное сходство с картиной Н. К. Рериха "Знаки Христа" 1924г.

Меч огненный

²⁴ В 1937 г. Рерих написал притчу "Три меча", состоящую из трех частей: I – "Меч деревянный", II – "Меч железный", III – "Меч огненный". Последняя часть представлена здесь. Упоминаются две знаменательные даты-1913 г. (в этом году написана картина "Меч мужества", где изображен спящий страж, которому ангел приносит меч огненный, призывая к пробуждению). Мир был близок к первой мировой войне в 1913 г. (в этом году в Брюсселе проходила международная конференция по учреждению Пакта Мира и "Знамени Мира"). Обе даты символизируют два этапа битвы за святыни мира. Притча написана в 1937 г.,

когда приближалась вторая мировая война (ср. также годы массовых репрессий в нашей стране). Пророческий гений Рериха угадывал новую границу многих разрушений, войн, а также и победу – “новые врата”, завоеванные Мечом Духа.

Великому народу русскому

²⁵ Этический очерк России. Фоновую основу составляют живописные полотна Рериха: “Тонец” 1897 г., “Сходятся старцы” 1898 г., “Город строит” 1902 г., “Богатыри проснулись” 1940 г., а также другие картины: “Илья Муромец” и “Микула Селянинович” (Богатырский фриз) 1910 г., “Настасья Микулична” 1938 г.

Очерк написан за год до начала второй мировой войны.

Чайка

²⁶ Сказка-символ. Образ чайки как “мечты неслетимого чаяния” раскрывает надежду на грядущие победы народа русского, которого не сломали прошлые великие битвы. Высказывается прощание восходящего пули, вечного совершенствования Родины.

²⁷ Ушкуйники – “речные разбойники”, пользовавшиеся ушкуями – речными судами особого типа (псковск.).

Крылья победы

²⁸ Приветствие, адресованное советскому на-

роду в год Великого перелома на фронтах Великой Отечественной войны.

Название мотивировано образом богини победы (ср.: богиня Ника у греков изображалась крылатой, а также народно-поэтическое "прилететь на крыльях победы").

²⁹ Имеется в виду, вероятно, картина "Звезда героя", хранящаяся в США.

"Огонь – на меня!"

³⁰ Сказание, прославляющее Воина-богатыря, принявшего "все стрелы в свой щит".

На вышке

³¹ Сказка-образ, осмысленный автобиографически. Во время войны сношения с Советским Союзом были прерваны, и это рождало у Рериха ощущение оторванности, одиночества. Но и живя в Индии, Николай Константинович нес "нужнейший дозор". В 1941–44 г.г. в Индии устраивались выставки Н.К. и С.Н. Рерихов с продажей картин в пользу Красной Армии. Были яркие патристические выступления в печати. Когда Россия оказалась втянутой в войну, Рерих обратился к своим единомышленникам в США с просьбой о помощи России. В 1942 г., по инициативе руководителей Музея Н.К. Рериха, в Нью-Йорке была создана АРКА (Американо-русская культурная ассоциация). Ее почетным председателем стал Н.К. Рерих.

Часть третья
ЖЕМЧУГ ИСКАНИЙ

Девассари Абунту

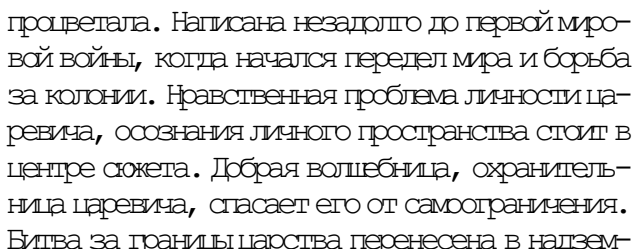
³² Сказка-легенда по восточным преданиям. В названии использованы санскритские корни: девас – “богиня”, сари – “покрывало”. Имя Абунту, по-видимому, стилизация под индийские формы на славянском материале – Абунту (а-бунту), т. е. не бунтующая, негневливая. Увидав однажды камень причудливой формы – в виде сложенной в пояском поклоне женщины, художник в каменном лице природы прочитал живую книгу истории человека. Это – поэтический сказ о благодарении за чисто прожитую жизнь. Он раскрывает также глубокое устремление Рериха к единению с природой.

Лаухми Победительница

³³ Сказка-легенда об одной из самых почитаемых богинь Индии – Лаухми (Лакшин), богине красоты и процветания, супруги бога Вишну. Богиня предстает как покровительница Добра, неутомимая труженица, ткающая свои семь покрывал успокоения, скрывающих разрушения и потрясения, вызываемые злом.

Граница царства

³⁴ Сказка-притча, дающая трактовку великой мудрости о том, как править страной, чтобы она

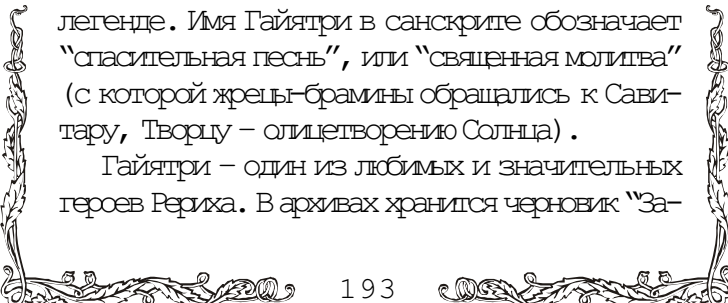

процветала. Написана незадолго до первой мировой войны, когда начался передел мира и борьба за колонии. Нравственная проблема личности царевича, осознания личного пространства стоит в центре сюжета. Добрая волшебница, охранительница царевича, спасает его от самоограничения. Битва за границы царства перенесена в надземный мир, откуда Великие Учителя посылают свое огненное воинство.

Миф Атлантиды

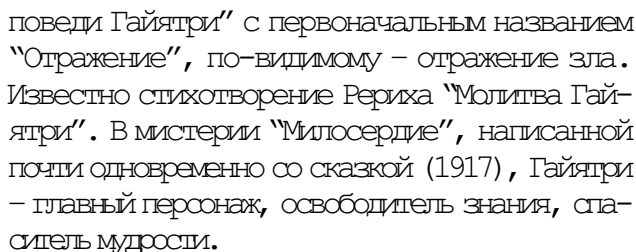
³⁵ Миф об Атлантиде, легендарной стране, погибшей в результате катаклизма. Рерих дает свое объяснение гибели страны, народ которой извратил нравственные законы. Культ властителя приводит к стиранию человеческого начала, к господству толпы, остающейся глухой к зовам человеческого сердца. Инсказательный смысл сказки, написанной накануне первой мировой войны, видимо, был очевиден читателю, для которого стали остроактуальными вопросы правления в стране.

Заповедь Гайятри

³⁶ Сказка-пророчество, подражание восточной легенде. Имя Гайятри в санскрите обозначает "спасительная песнь", или "священная молитва" (с которой жрецы-брамины обращались к Савитару, Творцу – олицетворению Солнца).

Гайятри – один из любимых и значительных героев Рериха. В архивах хранится черновик "За-

поведи Гайятри" с первоначальным названием "Отражение", по-видимому – отражение зла. Известно стихотворение Рериха "Молитва Гайятри". В мистерии "Милосердие", написанной почти одновременно со сказкой (1917), Гайятри – главный персонаж, освободитель знания, спаситель мудрости.

Сюжетную основу сказки составляет восточная концепция Апокалипсиса (конца Света), которую писатель трактует как способ преодоления зла путем внесения добра и света, доброго слова.

³⁷ Нильгири – Голубые горы, где живут загадочные племена толда, предки которых участвовали в битве сил Добра и Зла. (Е. П. Блаватская. Загадочные племена. Три месяца в "Голубых горах" Мадраса. 1884–1885). Нильгири почитают в Индии как вершины мудрости.

³⁸ Город Гайя – место, где, по преданию, Будда достиг просветления.

Великая Матерь

³⁹ Сказка–рассуждение в форме беседы ученых о культуре Богоматери как символе Всемогущества природы и Всеведения. В развернутый диалог включены разные регионы мира с целью выявления общих духовных ценностей в культуре Востока и Запада, что сближает народы. Аналогией этому является осмысление Великих Образов Посвященных (Христос, Будда, Кришна). Рерих дает новое прочтение религиозной святы-

ни, ярко выраженное в стихотворной молитвенно-мантре Великой Матери.

Образ "Матери Мира" неоднократно разрабатывался Рерихом также и в живописи, начиная с "Царицы Небесной" для Талашкина. Он занимает одно из ведущих мест в серии книг "Живая Этика" и в труде Е. И. Рерих "Криптограммы Востока".

⁴⁰ La Virgen de los Conquistadores – испанск. "Пресвятая дева конкистадоров".

Легенда Азии

⁴¹ Переложение малоизвестных легенд о хождении Христа по странам Востока. Сведения о проникновении в народное сознание и культуру разных стран "великого понятия Христа-Искупителя" представляет научную ценность.

Меч Гесер Хана

⁴² Во время экспедиции по Трансгималаям Н.К. и Ю.Н. Рерихи собрали богатейший материал о Гесер Хане, одном из любимейших героев тибетского, монгольского и бурятского эпоса. Это был неутомимый борец против зла за истину и справедливость. В тексте представлены ценные этнографические детали, в частности, описание неизвестных ранее мечей, сходных с бронзовыми мечами и кинжалами сибирского типа. Прослеживаются сходные черты в древнейших культурах Востока и Запада, которые Рерих трактует как сви-

детельство переселений народов и единого устремления ко благу человечества.

⁴³ Миларепа (1040–1123) – тибетский аскет, проповедник и поэт, достигший, по преданию, состояния Будды. Тибетская традиция хранит огромное количество духовных стихотворений Миларепы – его сто тысяч песен.

⁴⁴ Падма Самбхава (Самбхава) – Падмасамбхава (“Рожденный из Лотоса”). Известный в Тибете проповедник буддизма (VII век), основатель секты “красных шапок”. Выходец из Индии.

⁴⁵ Пик М. – святая гора Меру, у индусов – обитель божественных сущностей.

⁴⁶ Такур – правитель области, района в Тибете

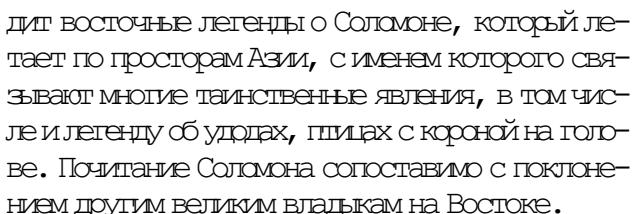
⁴⁷ Шамбала – легендарная страна мудрецов, обитель света и чистоты, находящаяся где-то в горах Индии.

⁴⁸ Ригден Джапо (Ригден Джа-по) – Великий Покровитель мира, уничтожитель зла, по преданиям ламаистов двадцать пятый будущий владыка Шамбалы.

⁴⁹ hallristingor – шведск. “наскальные изображения”.

Царь Соломон

⁵⁰ Сказка по библейской легенде о царе Соломоне, воплощающем общечеловеческую мудрость. В отличие от иудейской версии предания о царе Израильско-Иудейского царства, Рерих приво-

дит восточные легенды о Соломоне, который летает по просторам Азии, с именем которого связывают многие таинственные явления, в том числе и легенду об удрах, плечах с короной на голове. Почитание Соломона сопоставимо с поклоне-нием другим великим владыкам на Востоке.

⁵¹ Акбар Джелаладдип (1542–1602), прозванный в народе Великим. Император Индии Монгольской династии, крупный политический и религиозный деятель, отличавшийся веротерпимостью. Был успешным полководцем, покровителем науки и искусства.

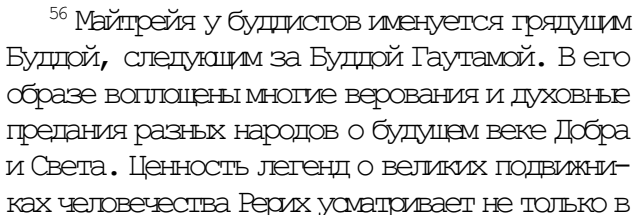
⁵² Гора Мория – одна из возвышенностей древнего Иерусалима.

⁵³ Соломонова звезда – шестиконечная звезда, ставшая символом гармонии физического и духовного начала в человеке.

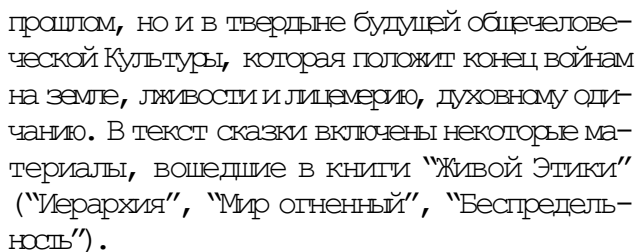
⁵⁴ “И это пройдет!” – надпись на обратной стороне кольца Соломона.

⁵⁵ “Песнь песней” – собрание лирических еврейских песен, составивших 17 книгу Библии; приписывается царю Соломону.

Майтрейя

⁵⁶ Майтрейя у буддистов именуется грядущим Буддой, следующим за Буддой Гаутамай. В его образе воплощены многие верования и духовные предания разных народов о будущем веке Добра и Света. Ценность легенд о великих подвижниках человечества Рерих уматривает не только в

прошлом, но и в твердые будущей общечеловеческой культуры, которая положит конец войнам на земле, лживости и лицемерию, духовному одичанию. В текст сказки включены некоторые материалы, вошедшие в книги "Живой Этики" ("Иерархия", "Мир огненный", "Беспредельность").

⁵⁷ Бикху – монах.

⁵⁸ Пураны – буквально "древние". Собрание символических и аллегорических писаний, составленное, как полагают, Вьясой, собирателем "Махабхараты".

⁵⁹ Калки Аватар – Вождь, Великий Мессия (Аватар "Белого коня").

⁶⁰ Мандала – символическое изображение канона веры, адресованное посвященным в сокровенное учение.

⁶¹ Н.О.Лосский (1870–1965) – русский философ-мистик; профессор Петербургского университета. С 1922 г. жил за границей. Профессор Русской духовной академии в Нью-Йорке (1947–1950).

⁶² Дхармакайя (Дхармакайя) – Сознание, слившееся с Мировым Сознанием.

⁶³ Дхарма – долг, закон, праведность. Одна из основных идей индуистского мировоззрения.

⁶⁴ Ориген (около 185 – 253/54 гг.) – христианский теолог, философ, представитель раннего периода "отцов церкви", автор комментария к Библии. Позднее за неортодоксальное вероуче-

ние был осужден. Рерих высоко чтит учение Фриггена за сохранение принципа перевоплощения, изытого церковью из христианского канона.

⁶⁵ Чаша Грааля – как гласит древняя рыцарская легенда, – чаша, хранящая мощь Света, Истины, Огонь мира. Только в руках достойного героя, преданного высоким идеалам добра, общего блага, сияет чаша Грааля (см. Агни Йога, 1929. С. 3).

⁶⁶ София Премудрость – на картине Рериха “София Премудрость” 1932 г. Святая София изображена в виде предводительницы огневого воинства, летящего в облаках пламени над земными градами.

⁶⁷ Наталия Рокотова – один из псевдонимов Е. И. Рерих. Речь идет о ее книге (брошюре) “Основы буддизма”.

⁶⁸ Алдар – (монг.) “слава”.

Риши

⁶⁹ Сказка житийного типа. Риши (санскр.) – мудрец, святой, Учитель. Легендарные подвиги Риши Рерих сопоставляет с чудесными проявлениями сверхъестественных сил человека, которые реально встречаются в жизни: хождение по пылающим углям, лежание на гвоздях, погребение заживо, “смертный глаз”. Преодоление препятствий низшей материи творится силой духа, устремленного во Благо мира. Таким путем, утверждает писатель, укрепляются новые завоевания прогресса.

⁷⁰ Садху – аскет, подвижник, посвятивший себя служению богу.

⁷¹ Пандавы – легендарное племя воинов, подвиги которых описаны в Махабхарате.

⁷² Беас – река в Нагаре, где жил Вьяс – составитель Махабхараты.

⁷³ Девидар, или деодар, – лихота, дающая целебную смолу.

⁷⁴ Единорог – изображение мифического зверя на некоторых гербах.

⁷⁵ Сатьям, Шивам, Сундарам – мантра-формула, сопровождающая в восточных священных писаниях отдельные поучения. Перечислены термины Высочайшей Иерархий, или вечное троичное явление Божественности в человеке: Непреложное, Благостное и Прекрасное.